2° H. g. hum. 31 t

2° H. g. ... 31 t

МАТЕРІАЛЫ

ПО

ИСТОРІИ

РУССКИХЪ ОДЕЖДЪ

И ОБСТАНОВКИ ЖИЗНИ НАРОДНОЙ,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ СОИЗВОЛЕНІЮ

А. Прохоровымъ.

Prochorov Materialy po istorij russk. odežd

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1885.

A|61|156

69 G

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 3 Октября 1886 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
MÜNCHEN

Bayerische Staatsbibliothek München

ИЗРАЗЦЫ
ВЪ
ДРЕВНЕ-РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ *).

I.

Вопросъ о томъ, когда впервые въ древнерусскомъ зодчествѣ распространились ценинныя украшенія или изразцы, надо пока считать не вполнѣ рѣшеннымъ.

Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что это дѣло развилось уже въ кіевскій періодъ и было занесено къ намъ изъ

*) **ИСТОЧНИКИ:**

1) И. Сахаровъ. «Обозрѣніе русской археологіи», глава III «Ценинныя произведенія». — Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи И. А. О-ва., томъ II. Спб. 1851 г.

2) Н. Артлебенъ. «Кафельная печь въ архіерейскомъ домѣ въ Суздалѣ» (Извѣстія И. А. О-ва, томъ IV).

3) И. Забѣлинъ. «Историческое обозрѣніе финифтянаго и цениннаго дѣла въ Россіи». (Записки И. А. О-ва, томъ VI).

4) Архимандритъ Леонидъ. «Историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря». Москва, 1876 года.

5) Онъ-же. «Ценинное дѣло въ Воскресенскомъ, Новый Іерусалимъ именуемомъ монастырѣ съ 1656 — 1759 годъ» (Вѣстникъ О-ва Древне-русскаго искусства, 1876 г).

6) Ѳ. Рихтеръ. «Памятники древняго русскаго зодчества», съ текстомъ И. Забѣлина и Д. Дубенскаго. — Москва 1851 года.

7) Б. Веселовскій. «Изразцовыя печи въ домѣ г-жи Шумиловой въ г. Гороховцѣ, Владимірской губерніи» (Зодчій 1880 года, № 7).

Византіи. Особенно горячимъ сторонникомъ этого взгляда является И. Сахаровъ: „разрытіе остатковъ кіевскихъ древнихъ „церквей, говоритъ онъ, Десятинной и Ирининской ознакомило „насъ съ Византійской цениною. Въ первой найдены были: „муравленыя небольшія плиты на подобіе кафеля, „составлявшаго полъ въ боковыхъ притворахъ „жертвенника и діаконника; во второй открытъ былъ: „полъ поливной горшечной работы, составленный „изъ четвероугольныхъ плиточекъ. Десятинная цер- „ковь, начатая въ 980 году и оконченная въ 996 году, была „строена византійскими художниками. Ценинный полъ, откры- „тый въ развалинахъ этой церкви въ 1824 году, долженъ „принадлежать къ первымъ произведеніямъ этого искусства въ „Россіи. Ирининскій монастырь, основанный Великимъ княземъ „Ярославомъ около 1040 года предъявилъ одинаковыя плиты

8) Л. Даль. «Ростовскіе изразцы», — корреспонденція. (Вѣстникъ О-ва Древне-русскаго Искусства 1875 г. Смѣсь, стр. 49)

9) А. Титовъ. «Ростовскій уѣздъ Ярославской губерніи». — Москва, 1885 года.

10) Архимандритъ Амфилохій. «Ростовскія древности». — (Вѣстникъ О-ва Древне русскаго Искусства 1874, смѣсь, стр. 3.

11) «Возобновленіе Крутицкаго терема въ Москвѣ». (Вѣстникъ О-ва Древне-русскаго Искусства, 1874 года.

12) Н. Шохинъ: «Сборникъ очерковъ и детальныхъ рисунковъ русскихъ старинныхъ построекъ». — Москва 1872.

13) И. З. «Матерьялы для археологическаго словаря». «Древности» (труды московскаго археологическаго О-ва). Томъ I. 1865 года.

14) Николай Закревскій. «Описаніе Кіева». Москва, 1868 года.

15) Архимандритъ Макарій: «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ». Москва, 1860.

16) И. Фундуклей: «Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ». Кіевъ 1847 г.

17) И. Хрущовъ: «Бѣлгородка и найденный въ ней змѣевикъ». (Извѣстія И. Р. А. О-ва, Томъ IX, выпускъ I).

„ценинпаго пола съ Десятиннымъ. Безъ всякаго сомнѣнія, „ценинный полъ этихъ церквей Греки не могли привести изъ Константинополя, но дѣлали его въ „Кіевѣ. Отъ нихъ могли научиться Русскіе обрабо„тывать ценинныя произведенія въ XI вѣкѣ, какъ „они выучились тогда-же отъ грековъ иконопис„ному дѣлу".*)

Гораздо осторожнѣе и неопредѣленнѣе высказывается объ этомъ вопросѣ И. Е. Забѣлинъ:

„Муравленіе или глазурованіе глиняныхъ издѣлій безъ со„мнѣнія, гораздо древнѣе финифтянаго дѣла. Къ намъ оно пере„шло съ востока, можетъ быть изъ Византіи, а въ послѣдствіи „и отъ Татаръ, у которыхъ, какъ можно судить по недавно „открытымъ на мѣстѣ Золотой Орды, глазурованныя произве„денія были въ большомъ употребленіи. Впрочемъ положи„тельныхъ свидѣтельствъ мы объ этомъ не имѣемъ „и только нѣкоторые памятники, открытые въ древнѣйшихъ „кіевскихъ храмахъ, напр. половыя плитки, представляютъ „единственное достовѣрное указаніе, что глазурованныя глиня„ныя издѣлія были въ употребленіи у насъ еще въ X вѣкѣ" **)

Этотъ послѣдній, крайне осторожный взглядъ, вѣроятно, гораздо ближе къ истинѣ, нежели взглядъ Сахарова, имѣющій конечно скорѣе патріотическую, чѣмъ строго научную подкладку.

И въ самомъ дѣлѣ если-бы изразцы выдѣлывались у насъ уже въ XI в. и при томъ не только греческими, но даже и рус-

*) См. Зап. От. Р. и С. Арх. И. А. О-ва, т. I.

**) См. его «Ист. обозр. фин. и цен. дѣла въ Россіи».

скими мастерами, то они безъ всякаго сомнѣнія получили-бы широкое примѣненіе какъ въ Кіевскомъ, Новгородскомъ, такъ и вообще во всемъ нашемъ до—татарскомъ зодчествѣ. Но на самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. И. Е. Забѣлинъ, писавшій о „ценинномъ дѣлѣ“ въ 1853 году, считалъ половыя плитки Десятинной и Ирининской церкви „единственнымъ достовѣрнымъ указаніемъ“ на то, что глазурованныя издѣлія „были въ употребленіи у насъ еще въ X вѣкѣ“. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать слишкомъ лѣтъ, наша археологія далеко шагнула впередъ, посвѣтила не мало изслѣдованій кіевскимъ памятникамъ а пресловутыя плитки остаются по прежнему „единственнымъ“ достовѣрнымъ указаніемъ.

Что касается до тѣхъ сильно выпуклыхъ изразцовыхъ розетокъ, которыя украшаютъ въ настоящее время фризы главъ нѣкоторыхъ кіевскихъ церквей и между прочимъ церкви Кіево-Печерской Лавры, то одного взгляда на нихъ достаточно, чтобы убѣдиться, что онѣ болѣе поздняго происхожденія и ничего общаго съ византійскимъ періодомъ не имѣютъ. Затѣмъ поливные изразцы, которые вмѣстѣ съ знаменитымъ кіевскимъ кладомъ были вырыты на землѣ г-на Есикорскаго*), и затѣмъ были выставлены А. В. Праховымъ въ И. Р. А. О-вѣ, въ засѣданіи 16-го Ноября 1885 года, также не византійскаго, а позднѣйшаго происхожденія..... И наконецъ при нашемъ личномъ изученіи кіевскихъ памятниковъ и при осмотрѣ чердаковъ тѣхъ кіевскихъ церквей, на которыхъ, какъ напр. на чердакѣ Св. Софіи, сохранились почти всей ихъ неприкосновен-

*) Близь Софіи, Св. въ Кіевѣ.

ности древнѣйшія византійскія части, мы не замѣтили ни малѣйшихъ признаковъ, не только изразцовъ, но даже слѣдовъ какой-либо подготовки стѣнъ для ихъ принятія, напр. гнѣздъ, впадинъ и пр.

Могло-ли это быть такъ, если-бы въ Кіевѣ еще въ XI в. завелось изразцовое производство, какъ это предполагаетъ Сахаровъ? Конечно нѣтъ и по тому вѣрнѣе предположить, что изразцы въ нашемъ кіевскомъ искусствѣ примѣнялись рѣдко и привозились издалека.*)

Перейдемъ теперь къ Новгороду.

Въ зодчествѣ новгородской области встрѣчаются церкви, украшенныя изразцами, но всѣ онѣ позднѣйшія, XVII в. и относятся ко временамъ московскаго владычества, слѣдовательно къ данному случаю отношенія не имѣютъ. Затѣмъ въ алтарѣ Св. Софіи Новгородской, надъ горнимъ мѣстомъ, уцѣлѣло древнее стѣнное убранство чисто византійскаго стиля. Сахаровъ указываетъ на это убранство, какъ на одно изъ доказательствъ распространенія у насъ ценины въ XI в. „Такъ называемая мозаика Новгородскаго Софійскаго собора, „говоритъ онъ, есть настоящее ценинное украшеніе, состоящее „изъ стѣнной обкладки мѣста, находящагося въ алтарѣ, на „горнемъ мѣстѣ. Ценинное украшеніе тамъ выкладено изъ „плиточекъ квадратныхъ и треугольныхъ, зеленоватаго, ко„фейнаго и желтоватаго цвѣтовъ, похожихъ по виду на стекло, „но на самомъ дѣлѣ облитыхъ поливою. При первомъ взглядѣ „на эти плиточки нѣтъ ничего такого, чтобы обличало въ нихъ

*) «Бѣлгородскіе изразцы» не противорѣчатъ подобному предположенію, такъ какъ краткія указанія Г-на Хрущова (См. Источн. 17-й), а равно приложенныя къ его статьѣ наброски изразцовъ не представляютъ точныхъ данныхъ для отнесенія ихъ къ византійскому періоду.

„мозаику: кладка, форма лещадей и цвѣта прямо указываютъ „на ценину“.

Но это мнѣніе единичное.

Кеппенъ*), И. Е. Забѣлинъ,**) архимандритъ Макарій***) и наконецъ покойный И. И. Горностаевъ признаютъ это убранство „мозаикой“, а не цениной. Архимандритъ Макарій допускаетъ даже, и притомъ вполнѣ справедливо, что эта мозаика можетъ быть признана не современною Новгородскому Софійскому собору (1052 г.), хотя во всякомъ случаѣ относится къ древнѣйшимъ временамъ его и является произведеніемъ византійскихъ художниковъ. — Въ этомъ случаѣ онъ какъ-бы сходится съ И. И. Горностаевымъ, который также полагаетъ, что она находилась прежде гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

И въ самомъ дѣлѣ достаточно взглянуть на эту мозаику, чтобы убѣдиться въ томъ, что она переложена: до того небрежно выполнены ея узоры.

Рѣшать вопросъ, по одному только внѣшнему виду этого украшенія, „мозаика“ оно или „ценина“, мы не беремся, потому что для этого надо-бы разломать часть его и взглянуть нижнюю сторону и внутренній составъ. Съ своей-же стороны мы полагаемъ, что если даже Сахаровъ и правъ, все же это доказательство весьма сомнительнаго свойства: это опять таки „единственный“ образчикъ ценины во всемъ новгородскомъ зодчествѣ древняго періода и въ добавокъ не принадлежащій

*) Списокъ русскимъ памятникамъ Кеппена. М. 1822 г. № 7—12.

**) З. И. А. О-ва, Т. VI, стр. 287.

***) См. у арх. Макарія. часть I, стр. 43.

перваначальной Св. Софіи, а перенесенный въ нее потомъ, хотя и несомнѣнно византійскій.

Объ суздальскомъ періодѣ нашего зодчества мы и не говоримъ. Его храмы, сверху до низу усѣянные обронными каменными украшеніями, не могли имѣть изразцовъ, по той простой причинѣ, что для нихъ даже и мѣста нѣтъ на фасадахъ: до того они заполнены всякими изображеніями.

Все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно показываетъ, что въ нашемъ зодчествѣ до татарскаго періода поливныя издѣлія употреблялись въ дѣло въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Но если изразцы были мало извѣстны въ до татарской Руси, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскіе хорошо съ ними впервые познакомились во время татарскаго господства и своихъ непосредственныхъ сношеній съ Ордою, въ домашнемъ быту которой изразцы и поливныя издѣлія были въ большомъ употребленіи. Въ русской литературѣ извѣстія объ этомъ, чуть-ли не впервыя, являются у Палласа*). Описывая развалины „Селитряннаго городка", которыя въ его время еще довольно хорошо сохранились, онъ говоритъ: „на всѣхъ еще понынѣ оставшихся стѣнахъ, кои изъ прекрасныхъ кирпичныхъ плитъ весьма правильно построены, видны великолѣпіе и красота, какихъ я еще нигдѣ при татарскихъ развалинахъ не видывалъ. Внѣшняя сторона стѣнъ, не только по нѣкоторымъ пространствамъ, во всѣхъ уступахъ съ муравленными украшеніями изъ глины: зеленаго, желтаго,

*) См. Петра Симона Палласа: «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства». Перевелъ Василій Зуевъ. Спб. 1782 г.

бѣлаго и синяго цвѣта, треугольниками и другими фигурами украшена, но также въ главнѣйшемъ фасадѣ сего строенія, примѣтны остатки готической щекатуры, которыя такими же муравленными фигурами, представляющими цвѣты улитковаго изображенія, даже цѣлыми израсцами, на подобіе мозаики, усажена была*)".

Затѣмъ весьма много данныхъ представили въ этомъ отношеніи раскопки, произведенныя въ 1843—1849 гг. на средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ А. В. Терещенкомъ въ развалинахъ Сарая, описаніе которыхъ было въ свое время неоднократно напечатано**). Мы не станемъ подробно касатся этихъ работъ, а укажемъ только тѣ находки, которыя для насъ наиболѣе важны, какъ напр. остатки комнатъ „обложенныхъ цвѣтнымъ изразцомъ и мозаикою", съ поломъ „изъ голубого изразца"; печи, „выложенныя голубымъ изразцомъ"; тарелки „поливняныя" (поливныя); изразцы „цвѣтные", „мозаиковые", „ со слѣдами надписей и позолоты"; кувшины разнаго цвѣта: „одинъ шоколадный, другой узорчатый бѣло-голубой, третій круглый съ надписью вокругъ изъ голубой лазури";—кувшинъ съ золотомъ и узорами, наведенными по „синему полю" со внутренностью облитой „стеклообразною голубою эмалью";—

*) Палласъ, часть III, половина 2-ая, стр. 143—145.

**) См. 1) «Четырехлѣтіе, археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая».—Жур.н Мин. Внут. Дѣлъ, кн. 9, 1847 г. 2) Тоже. Зап. Спб. Археолого-Нумизматическаго О-ва, т. II, 1850. и 3) Сѣверная Пчела—1848—49 и 50 гг.

Часть этихъ находокъ хранится въ настоящее время въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ С.-Петербургѣ.

фаянсовые обломки покрыты „синеватою лазурью съ ярко-синими“ цвѣтами; наконецъ изразцы разныхъ цвѣтовъ: „желтаго, краснаго, синяго и голубого“. — Эти послѣдніе цвѣта встрѣчаются по свидѣтельству г-на Терещенка „чаще всего“. На основаніи этихъ данныхъ мы можемъ сдѣлать только два несомнѣнныхъ вывода: первый — что у татаръ было сильно развито изразчатое производство; и второй — что русскіе должны были хорошо ознакомиться съ изразцами въ Ордѣ. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы русскіе тотчасъ стали ихъ примѣнять и выдѣлывать у себя,—какъ это думаетъ тотъ-же Сахаровъ.

Самое большее, что мы можемъ допустить, это то, что у русскихъ была въ употребленіи ордынская поливная посуда, которая наравнѣ съ другими восточными товарами напр. съ тканями, оружіемъ и пр. могла привозиться въ Россіи „бесерменскими“ или восточными купцами. А потому всѣ дальнѣйшіе выводы относятся къ области предположеній, въ чемъ и убѣждаютъ насъ памятники нашего зодчества съ XIV по XVI вѣкъ. И въ самомъ дѣлѣ въ чемъ русскіе могли примѣнить у себя изразцы? Очевидно въ домахъ, печахъ и церквахъ. Но въ деревянныхъ домахъ нельзя употреблять изразцовъ, ни внутри, ни снаружи; а что дома были въ ту эпоху исключительно деревянные объ этомъ и говорить нечего. Что-же касается до печей, то хотя Сахаровъ и утверждаетъ, что „наши кафельныя печи явно указываютъ на татарское происхожденіе“, тѣмъ не менѣе всѣ дошедшіе до нашего времени печи никакихъ слѣдовъ татарскаго вліянія не представляютъ, а слѣдовательно онѣ въ счетъ итти не могутъ.

Остаются церкви.

Посмотримъ что онѣ намъ даютъ въ этомъ отношеніи.

Въ XIII вѣкѣ, послѣ татарскаго погрома, когда вся Россія представляла собою сплошное, залитое кровью пожарище построеніе каменныхъ церквей, кромѣ Новгорода, было величайшею рѣдкостью. Впрочемъ, какъ на исключеніе, мы можемъ указать на постройку въ Твери ц. Спаса въ 1285 году.

Первые каменные храмы въ Москвѣ начинаютъ появляться только при Іоаннѣ Калитѣ, а именно соборы: Успенскій — 1326 г., Спасъ на Бору — 1328 г. и Архангельскій 1333 г. Къ сожалѣнію эти памятники первой эпохи московскаго каменнаго зодчества, за исключеніемъ Спаса на Бору, въ конецъ изуродованнаго разными передѣлками и пристройками, до насъ не дошли. Но за то мы имѣемъ другіе довольно ранніе памятники нашего каменнаго зодчества, конца XIV и начала XV вѣка, а именно Звенигородскій Успенскій соборъ (около 1390 г.), Рождественскій соборъ Саввино-Сторожевскаго Монастыря*) (между 1398 и 1407 гг.), соборъ въ с. Микулинѣ-Городищѣ, Тверской губ., 1398 г., Троицкій соборъ въ Троицкой Лаврѣ 1423 г. и др. Что-же мы видимъ на этихъ памятникахъ? — Мы видимъ очень богатую обронную орнаментику, въ видѣ поясовъ по срединѣ фасада или по карнизу алтарныхъ абсидъ**) и ни малѣйшихъ слѣдовъ изразцовъ. Тоже можно сказать и о болѣе позднихъ московскихъ памятникахъ, напр. о соборахъ Успенскомъ (1479 г.), Архангельскомъ (1509 г.) и о Вознесенской церкви, въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвою (1532): на нихъ также нѣтъ изразцовъ.

*) Московск. губ, Звенигородск. уѣзда.

**) Это, впрочемъ, къ Микулинскому собору не относится, такъ какъ въ настоящее время онъ имѣетъ совершенно гладкіе фасады.

Неужели-же Великіе Князья-строители, которые не щадили никакихъ средствъ на благолѣпіе своихъ храмовъ, которые выписывали для нихъ зодчихъ изъ отдаленной Италіи и украшали ихъ „зѣло святыми иконами и великою добротою“, неужели-же эти Князья-строители поскупились-бы на такое блестящее украшеніе какъ изразцы. А между тѣмъ ихъ нѣтъ, и слѣдовательно это показываетъ, что даже въ началѣ XVI в. изразцы, если только они были, занимали весьма ничтожное мѣсто въ нашемъ зодчествѣ. Это предположеніе подтверждается еще слѣдующими данными: тѣ немногіе обломки изразцовъ, которые по своей орнаментикѣ могутъ быть отнесены къ XVI вѣку, и которые въ настоящее время хранятся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ, поливы не имѣютъ.*)

Вообще надо полагать, что даже эти простыя, неполивныя гончарныя издѣлія (терракота) появились въ московскомъ зодчествѣ не раньше конца XV вѣка, какъ мы это можемъ напр. заключать по терракотовому баляснику церкви Печерской Божіей Матери (1486) въ кремлѣ московскомъ, или терракотовому поясу церкви Рождества-Богородицы въ Старомъ Симоновѣ, около Москвы, освященной въ 1509 году.

Пойдемъ далѣе и возьмемъ самый замѣчательный памятникъ второй половины XVI в. Василій Блаженный (1555 г.) — на немъ тоже нѣтъ изразцовъ.

Правда, извѣстно, что на немъ была надпись, выложенная

*) Восемь обломковъ, вырытыхъ въ московскомъ кремлѣ и одинъ цѣлый изразецъ, выкопанный Графомъ А. С. Уваровымъ во Владимірѣ, на мѣстѣ, гдѣ по предположенію, находилэя велико-княжескій дворецъ. Два обломка опубликованы у Шохина. См. «детали» № 5.

изъ изразцовъ, и гласившая о построенiи собора**), но за то неизвѣстно, когда эта надпись была сдѣлана: въ XVI, или въ XVII вѣкѣ.

За XVII вѣкъ говорятъ слѣдующiя обстоятельства:

Во первыхъ, если бы эта надпись была современна постройкѣ собора, то несомнѣнно, что строители изукрасили-бы соборъ изразцами и во многихъ другихъ мѣстахъ и притомъ не одними надписными, но и узорными; между тѣмъ таковыхъ нѣтъ и слѣдовъ;

Во вторыхъ, подобныя надписи были въ употребленiи въ XVII вѣкѣ, какъ мы это видимъ напр. на московской церкви Адрiана и Наталiи.

И въ третьихъ, — на старомъ соборѣ въ г. Старицѣ, Тверской губ., была изразчатая надпись, которая въ настоящее время, послѣ сломки собора, вдѣлана въ стѣну новаго собора. И надпись эта, которая гласитъ, что соборъ былъ начатъ въ 1558 году и оконченъ въ 1561, и слѣдовательно по содержанiю своему относится къ XVI в., „по языку и по право писанiю признается сдѣланною въ концѣ XVII в.*)“.

Все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно убѣждаетъ насъ, что изразцы не имѣли почти никакого распространенiя въ нашемъ зодчествѣ даже въ XVI вѣкѣ и что царство изразцовъ наступаетъ у насъ лишь въ XVII в. и въ особенности въ его второй половинѣ.

*) См. Л. Даля: «Борисоглѣбскiй Соборъ въ г. Старицѣ». (Зодчiй 1878 г., Мартъ).

**) Одинъ изъ этихъ изразцовъ хранится въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

II.

И такъ въ XVII в. изразчатое дѣло получило въ Россіи широкое развитіе. Центромъ его была Москва и ея область. Оттуда оно уже пошло по другимъ мѣстамъ: и дѣйствительно мы видимъ изразцы на постройкахъ XVII вѣка, во всѣхъ главнѣйшихъ русскихъ городахъ того времени, начиная съ Суздаля и кончая Ростовымъ. Но особенно изразцами богаты — Москва, Новый Іерусалимъ (Воскресенскій монастырь) и Ярославль. Мы начнемъ обзоръ изразцоваго дѣла въ этихъ мѣстахъ съ Новаго Іерусалима, такъ какъ въ 1666 году всѣ его ценинные мастера были взяты по царскому указу въ Москву и немало повліяли тамъ на развитіе изразцоваго производства; вслѣдствіе чего московское мастерство, по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XVII в., многимъ обязано ново-іерусалимскому.

Изразцовое производство началось собственно не въ Новомъ Іерусалимѣ, а въ Иверскомъ Валдайскомъ монастырѣ, основанномъ патріархомъ Никономъ въ 1653 году. Оно было заведено тамъ „иноземцами", выходцами изъ тогдашняго Польскаго королевства, а именно изъ Бѣлоруссіи, — земляками старцевъ общежительнаго Кутеинскаго монастыря, Православное братство котораго, желая избавиться отъ уніатскихъ притѣсненій, перешло въ 1654 году, почти цѣликомъ, по приглашенію Никона во вновь созданный имъ Иверскій Святоозерскій монастырь.

По этому поводу мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одно сопоставленіе.

Извѣстный нашъ путешественникъ XVIII в. В. Барскій, повѣс-

твуя о посѣщенныхъ имъ Аѳонскихъ монастыряхъ, упоминаетъ объ изразцахъ, именно при описаніи Аѳонскаго Иверскаго монастыря: "вся церковь, говоритъ онъ, окресть отъ низу, яко на полтары сажени, мраморными бѣлыми досками устлана, вверху же ихъ нѣкими взорными поливянными таблицами, въ стѣну вмурованными лѣпозрачно, якоже и въ Лаврѣ, осаждена*)".

Затѣмъ у насъ, въ Россіи, изразцовое дѣло появляется тоже въ Иверскомъ монастырѣ, и уже потомъ переносится въ Новый Іерусалимъ.

Случайное-ли это совпаденіе или тутъ есть извѣстная историческая преемственность и патріархъ Никонъ, основывая свой Иверскій монастырь, имѣлъ подробныя свѣдѣнія объ Иверскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, — мы этого вопроса рѣшать не беремся, но во всякомъ случаѣ полагаемъ нужнымъ указать на это любопытное совпаденіе.

Какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ актовъ изразцовое дѣло началось въ Валдайскомъ Иверскомъ монастырѣ, довольно рано и ограничивалось преимущественно изготовленіемъ печныхъ изразцовъ; впрочемъ есть основаніе полагать, что въ немъ были сдѣланы попытки примѣнить изразцы къ наружному украшенію стѣнъ, какъ можно заключить по одному церковному окошку, убранному изразцами.

Иверское изразцовое производство должно было принять довольно большіе размѣры, судя потому что изразцы шли въ монастырѣ не только на свое домашнее употребленіе, но также

*) См. Путешествія Барскаго. Изд. 6-е. С.-Пб. 1819 г., т. II, ст. 176.

разсылались въ подарокъ разнымъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ въ Москву, Псковъ и Новгородъ и пускались даже въ продажу.

О. Намѣстникъ Леонидъ, въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи приводитъ весьма любопытный историческій документъ, подтверждающій это обстоятельство, а именно отписку властей Иверскаго монастыря, игумена Діонисія съ братіею, на грамоту патріарха Никона, отъ 1656 года, Сентября 28-го дня.

Вотъ выдержка изъ этой отписки: — „въ нынѣшнемъ во 165 году Сентября во 28 день, прислана къ намъ отъ тебя великаго государя твоя государева грамота съ твоимъ государевымъ сыномъ боярскимъ съ Василіемъ Салмановымъ; и велѣно намъ по той твоей государевой грамотѣ прислать къ тебѣ великому государю на твой государевъ станъ во Тверь образцовъ добрыхъ: двѣ печи образцовъ муравленныхъ, да къ тѣмъ печамъ кирпичу стольки, скольки къ тѣмъ печамъ къ отдѣлки того кирпичу надобе; да съ тѣми жъ образцами и кирпичемъ велѣно прислать къ тебѣ великому государю печника человѣка добра и знающаго. И мы по твоему государеву указу и по грамотѣ отпустили къ тебѣ в. г., съ твоимъ государевымъ сыномъ боярскимъ съ Васильемъ Салмановымъ, двѣ печи муравленныхъ съ розными красками а числомъ въ тѣхъ печахъ 410 каѳель; да три печи зеленыхъ каѳель, а числомъ въ тѣхъ печахъ 387 каѳель; да ко всѣмъ тѣмъ печамъ послано бѣлыхъ простыхъ 223 каѳели; да кирпичу ко всѣмъ тѣмъ пяти печамъ послано 990 кирпичевъ*)“.

*) См. Вѣст. Древ. Русск. Иск. 1876 г.

Затѣмъ изразцовое производство было перенесено изъ Иверскаго монастыря въ Новый Іерусалимъ, патріархомъ Никономъ, когда онъ приступилъ тамъ въ 1658 году къ постройкѣ соборнаго храма. Впрочемъ и послѣ этого производство печныхъ изразцовъ не замерло въ Иверскомъ монастырѣ и существовало тамъ даже тогда, когда уже Никонъ долженъ былъ покинуть свой излюбленный Новый Іерусалимъ. На это есть также письменныя доказательства, именно изъ росписки 175 года Декабря 2 дня (1666 г.) видно, что по указу строителя Евѳимія „отпущено окольничему Василію Семеновичу Волынскому на печь муравленыхъ 150 каѳель, да бѣлыхъ 56, взялъ человѣкъ ево Илья Козминъ, въ томъ у него и отпись взята". А въ этой отписи муравленые образцы названы пріемщикомъ „покущатыми" (отъ — „покута") *).

Этотъ документъ несомнѣнно указываетъ на продолженіе производства, по крайней мѣрѣ печныхъ изразцовъ.

При перенесеніи изразцоваго дѣла въ Новый Іерусалимъ вмѣстѣ съ тѣмъ были переведены туда-же изъ Иверскаго монастыря и первые мастера. Объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ личные показанія, данныя въ 1666 г. при переводѣ въ Москву. Напр. мастеръ Игнашка Максимовъ „жилъ на Валдаѣ и въ Воскресенскомъ монастырѣ"; мастеръ Самошка Григорьевъ „взятъ въ Иверской монастырь и жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ" и т. д.

Въ Новомъ Іерусалимѣ, также какъ и въ Иверскомъ монастырѣ, изразцовое дѣло началось съ приготовленія простыхъ и муравленныхъ каѳель для печей.

*) Ibidem.

Памятникомъ этого производства остается печь въ каменномъ скиту патріарха Никона, небольшомъ и довольно прихотливомъ зданіи, представляющемъ соединеніе церкви съ кельею; оно построено имъ довольно рано — лѣтомъ 1658 года, внѣ монастыря, на берегу Истры.

Затѣмъ, когда Никонъ приступилъ къ постройкѣ главнаго монастырскаго собора, во имя Воскресенія Христова, и затѣялъ украсить его изразцами, онъ уже не захотѣлъ довольствоваться прежними мастерами и вызвалъ изъ за Литовской границы мастера Петра Ивановича Заборскаго. Это былъ уже не простой гончаръ, а настоящій художникъ, — по свидѣтельству самого Никона мастеръ „золотыхъ, серебреныхъ и мѣдныхъ, и ценинныхъ дѣлъ и всякихъ рукодѣльныхъ хитростей изрядный ремесленный изыскатель, потрудивыйся здѣ о украшеніи Святыя церкви (Воскресенскаго соборнаго храма) въ ценинныхъ и въ иныхъ дѣлехъ не малое время......*).“

Художникъ этотъ далъ самое широкое развитіе изразцовому дѣлу въ Новомъ Іерусалимѣ и богато изукрасилъ своими произведеніями главный храмъ его, внутри и снаружи. Подъ его руководствомъ работали и тѣ мастера, которые были переведены сюда изъ Иверскаго монастыря. Протрудившись цѣлыхъ шесть лѣтъ надъ украшеніемъ Воскресенскаго храма Петръ Заборскій скончался 2-го Іюля 1665 года и въ ознаменованіе заслугъ его предъ монастыремъ былъ похороненъ самимъ Никономъ въ предѣлахъ обители, подъ лѣстницей Голгоѳской церкви.

*) См. у о. арх. Леонида, Ист. Оп. Стр. 102.

Мы разсмотримъ послѣ произведенія Заборскаго, а теперь пока укажемъ то мѣсто, которое занимало изразцовое дѣло въ Новомъ Іерусалимѣ. Изъ распредѣленія занятій братіи мы видимъ, что это дѣло имѣло въ монастырскомъ обиходѣ весьма большое значеніе. Такъ напр. въ числѣ старцевъ „большихъ служебъ", завѣдывавшихъ первостепенными хозяйственными сторонами монастырской жизни, которыхъ было всего 9 чел. и въ составъ которыхъ, входили старцы „конюшій", „житейный", „хлѣбодаръ" и пр. числится и старецъ „израземный"; затѣмъ этому „израземному" старцу полагался еще помощникъ, ибо въ числѣ старцевъ „меньшихъ служебъ", которыхъ было 20 человѣкъ имѣлся старецъ „изразочный второй".

Всѣмъ этимъ старцамъ полагалось „зажилое жалованье".

Въ „книгахъ расходныхъ деньгамъ", по „дачѣ полугодоваго зажилаго властемъ и братіи 7201 (1693) г. съ Сентября по Мартъ" значится:

„Большихъ служебъ".

„Израземной монахъ Ананія. Сентября въ 29 день дано за„жилого прошлаго 200 году съ Марта по Сентябрь два рубля".

„Меньшихъ служебъ":

„Въ изразешни старецъ Палладій. Апрѣля въ 3 день зажилого 201 году съ Сентября по Февраль рубль"(*).

Размѣръ этого жалованья свидѣтельствуетъ еще болѣе о той важности, которая придавалась изразцовому дѣлу въ монастыр-

*) См. арх. Леонида, «Ист. описаніе» и пр. стр. 415 и 416.

ской жизни. Изъ всѣхъ старцевъ „большихъ службъ“ одинъ только „израземный“ получалъ по 4 р. въ годъ, а всѣ прочіе получали 3 р. 20 алт. или 3 р. въ годъ. Подобное „зажилое“ было однимъ изъ самыхъ высшихъ, ибо только іеромонахи получали по 4 р. 25 алт. 4 деньги, да настоятель 12 р. въ годъ; почти всѣ прочіе чины получали меньше; иконописецъ напр. получалъ всего 3 р. въ годъ.

Послѣ ссылки патріарха Никона, въ Декабрѣ 1666 года, въ заточеніе, остановилась постройка Воскресенскаго Собора и всѣ монастырскіе мастера были переведены, какъ мы уже говорили, по царскому указу, въ Москву.

У о. арх. Леонида въ „Добавленіи“ къ „Описанію Нов. Іерусалима“ напечатано извлеченіе изъ подлиннаго дѣла, хранящагося въ Московскомъ Дворцовомъ Архивѣ.

Вотъ оно:

„Лѣта 7175, Декабря въ 20 день (слѣд. въ январскомъ 1666 „году), по Государеву Царя и Великаго Князя Алексѣя Михай-„ловича, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, „Указу Окольничему и Оружейному Богдану Матвѣевичу, да „Думному Ивану Богдановичу Хитрово, да Дьякомъ Семену Ти-„тову, да Андрѣю Селину, да Евстрату Фролову въ нынѣшнемъ „въ 175 году Декабря въ 23 день по Указу Великаго Государя „Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и „Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, взяты изъ Воскресен-„скаго Монастыря въ Оружейную Палату разныхъ дѣлъ „Мастеровые люди, Русскіе и иноземцы, всего 31 чело-„вѣкъ мастеровыхъ людей, изъ какова мастерства, и „тому подъ сею памятью послана роспись. И по Госу-

„дареву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Вели-„кія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Указу Окольничему „и Оружейному Богдану Матвѣевичу, да Ивану Богдановичу „Хитрово, да Дьякомъ Семену Титову, да Андрею Селину, да „ Евстрату Фролову, учинитъ о томъ по Указу Великаго Госу-„даря".

Далѣе слѣдуетъ роспись мастеровымъ; изъ нихъ мы возьмемъ только тѣхъ, которые относятся къ изразцовому дѣлу.

„Роспись мастеровымъ людемъ:"

...

...

„Ценинныхъ дѣлъ мастера: Игнашка Максимовъ.
Стенька Ивановъ.
Самошка Григорьевъ.
Ученики: Оська Ивановъ.
Федька Чюка.
Петрушка Ларіоновъ.
Алешка Левоновъ.
Сенька Трофимовъ.

...

„Подробное свѣдѣніе".

...

...

„Ценинныхъ дѣлъ мастеры".

„1) Игнашка Максимовъ, дѣлаетъ образцы цѣнинные и зеленые и печи кладетъ, родомъ иноземецъ, Копоси города

мѣщанинъ. Нынѣ другонадцатый (12-й) годъ (слѣдовательно въ 1654 г.) взялъ ево изъ Вязьмы бывшій Патріархъ Никонъ, и жилъ на Валдаѣ и въ Воскресенскомъ монастырѣ.

2) Стенька Ивановъ, дѣлаетъ образцы печные и цѣнинные и зеленые, и печи кладетъ, родомъ иноземецъ, Мстиславля города, посацкаго отца сынъ, остался послѣ отца малъ и взялъ ево въ первую службу Бояринъ Князь Алексѣй Никитичь Трубецкой полономъ, и привезъ къ Москвѣ, и жилъ на Москвѣ у сродичей своихъ и въ Воскресенскомъ монастырѣ.

Ученики:

3) Оська Ивановъ: у Стеньки на образцы краски наводитъ, почалъ учитца тому нынѣ 5-й годъ (слѣд. въ 1661 г.), родомъ иноземецъ, Шкловскаго уѣзду крестьянинъ, вышелъ къ Москвѣ своею волею, въ первую службу, и жилъ на Москвѣ и въ Воскресенскомъ монастырѣ.

4) Федька Чюка: у Стеньки (Иванова) краски жъ наводитъ; почалъ учитца тому нынѣ 7 годъ (слѣд. въ 1659 году), родомъ иноземецъ, Вильны города крестьянской сынъ, пришелъ къ Москвѣ тому нынѣ другонадцатый годъ и съ Москвы сшолъ въ Воскресенскій монастырь и жилъ 9 лѣтъ.

5) Петрушка Ларіоновъ, крестьянинъ вотчины Воскресенскаго монастыря села Здвиженскаго (Дорны), дѣлаетъ у Стеньки жъ образцы сырые; а мастеръ сказалъ, что тожъ краски наводитъ и печи дѣлаетъ.

6) Алешка Левоновъ крестьянской сынъ вотчины Воскресенскаго монастыря, села Ивановскаго, дѣлаетъ у Стеньки жъ, тожъ краски наводитъ и печи кладетъ.

7) Сенька Трофимовъ, крестьянской сынъ вотчины Воскресенскаго монастыря, села Вознесенскаго, дѣлаетъ то жъ, краски наводитъ и печи кладетъ.

„Да сверхъ отписки и росписки объявились:"

8) Печного дѣла Самошка Григорьевъ, дѣлаетъ печи и кладетъ въ образцахъ, и самъ бѣлые образцы дѣлаетъ, родомъ иноземецъ, Копоси города, мѣщанскаго отца сынъ, взятъ онъ въ Иверскій монастырь и жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, тому нынѣ двѣнадцать лѣтъ (слѣд. въ 1654 г.)".

Изъ этой росписи слѣдуетъ, что въ числѣ 31 чел. мастеровъ, взятыхъ изъ Новаго Іерусалима въ Москву, было, трое мастеровъ ценинныхъ и пятеро ихъ учениковъ; изъ нихъ всѣ „мастера" были „иноземцы", уроженцы г.г. Копоси и Мстиславля, а изъ учениковъ двое были „иноземцы", уроженцы Шкловскаго уѣзда и г. Вильны, и только трое остальныхъ были коренные русскіе, родомъ изъ вотчинъ Воскресенскаго монастыря, изъ селъ Здвиженскаго, Ивановскаго и Вознесенскаго.

Это преобладаніе „иноземцевъ" объяснитъ намъ многое, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи.

Возобновилось изразцовое производство въ Новомъ Іерусалимѣ, вѣроятно, въ 1679 году, когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ приступилъ къ окончанію соборной церкви. Потомъ въ самомъ концѣ XVII, вскорѣ послѣ ея окончанія и освященія (1685 г.), производство это занимаетъ въ монастырской жизни весьма видное мѣсто, какъ мы это уже видѣли изъ расходныхъ книгъ 1693 года. Но затѣмъ въ началѣ XVIII оно, повидимому, приходитъ въ упадокъ и возобновляется лишь 1709 г. волею Петра Великаго, по указу котораго были присланы въ Новый Іерусалимъ

для гончарной работы „два человѣка швецкого полону: Янъ Флегнеръ и Кристанъ“. Прибывъ на мѣсто они потребовали для начала производства помѣщеніе и разные припасы, а именно: „избу, горнъ, свинцу 10 фунтовъ, олова 3 фунта, поташу фунтъ, краски лазори ½ фунта, соли 6 фунтовъ, бѣлой глины два куска, и два круга деревянныхъ для гончарной работы“. Эти-то требованія Флегнера и Кристана и наводятъ насъ на мысль о тэмъ, что въ началѣ XVIII в. изразцовое дѣло пришло въ Новомъ Іерусалимѣ въ полный упадокъ, ибо въ противномъ случаѣ тамъ конечно уже нашлись-бы такіе предметы первой необходимости для производства, какъ напр. горнъ, деревянные круги и проч.

Всѣ эти припасы были доставлены „полоняникамъ“ по распоряженію монастырскаго приказа, а затѣмъ образцы ими сдѣланные, были отосланы въ Петербургъ на показъ Государю. Но образцы, какъ видно не понравились и вслѣдъ затѣмъ изъ Петербурга было прислано письмо, которымъ указано было шведамъ „нынѣ сдѣлать немедленно шведскимъ манеромъ печныхъ изразцовъ гладкихъ бѣлыхъ, а по нимъ травы синею краскою...... изъ добрые земли а не съ такіе, что образецъ казали, чтобъ были въ дѣлѣ чисты, 10 печей“.

Эти шведскіе печные изразцы — бѣлые съ синими разводами, привились у насъ весьма прочно и продержались въ барскихъ домахъ въ продолженіи всего XVIII вѣка, пока не были вытѣснены въ XIX вѣкѣ нынѣшними бѣлыми „голландскими“ изразцами.

Въ нашихъ захолустьяхъ, въ старыхъ домахъ и донынѣ уцѣлѣли подобныя печи *).

*) Какъ напримѣръ мы можемъ указать на нѣкоторыя печи въ Главномъ Домѣ села Кускова подъ Москвою, принадлежащаго Графу С. Д. Шереметеву.

Такимъ образомъ Новый Іерусалимъ вторично, уже въ XVIII вѣкѣ, сталъ разсадникомъ изразцового дѣла въ Россіи.

Флегнеръ работалъ въ монастырѣ до 1732 и принялъ въ немъ православіе; затѣмъ онъ перешелъ оттуда въ Москву на частную фабрику „трубочныхъ и цѣнинныхъ дѣлъ" купца А. Гребенщикова, при которой былъ закабаленъ навсегда въ 1736 году, въ силу указа Императрицы Анны Іоанновны, повелѣвавшаго всѣмъ находившимся на фабрикахъ и обучавшимся тамъ мастерству „быть вѣчно при фабрикахъ".

При обновленіи соборнаго храма въ Воскресенскомъ монастырѣ при императрицѣ Елизаветѣ Флегнеръ, послѣ усиленныхъ хлопотъ архимандрита Амвросія былъ возвращенъ въ монастырь по Высочайшему указу и его личному желанію, гдѣ и умеръ, вѣроятно, вскорѣ послѣ 1749 года.

Памятникомъ его вторичнаго пребыванія въ Новомъ Іерусалимѣ являются великолѣпныя печи, украшающія и понынѣ музей и библіотеку монастыря*).

Указавъ извѣстныхъ до настоящаго времени ценинныхъ мастеровъ Воскресенскаго монастыря мы можемъ перейти теперь къ разсмотрѣнію ихъ произведеній.

Изъ всѣхъ храмовъ русскихъ ни одинъ, кажется, не украшенъ такъ роскошно и обильно изразцами, какъ „великая церковь" или Воскресенскій соборъ Новаго Іерусалима. Онъ имѣетъ изразцы какъ внутри, такъ и снаружи. Особенно щедро осыпанъ ими восточный фасадъ. Наибольшимъ богатствомъ отличаются

*) О дѣлѣ Флегнера см. подробно въ статьѣ «Цѣнинное дѣло въ Воскрес., Нов. Іерус. имен. монастырѣ».

карнизъ шеи подъ главою средняго храма во имя Воскресенія Христова, парныя окна втораго этажа того-же храма, надоконный поясъ его алтарной апсиды и карнизъ шеи отдѣльнаго придѣла „Царя Константина и Матери его Елены“ **).

Изразцы эти представляютъ очень яркое хотя и очень согласное сочетаніе различныхъ цвѣтовъ: синяго, голубаго, красноватаго, желтаго, бѣлаго и зеленаго; но преобладающими являются синій и зеленый.

Уборъ шеи великой церкви Воскресенской состоитъ изъ довольно пестраго карниза съ модульонами, широкаго голубого фриза съ отливною славянскою надписью*) большими желтыми буквами и узорчатаго архитрава.

Надпись гласитъ такъ:

„Начало основанію Новаго Іерусалима 1656 года Святѣйшій Никонъ Патріархъ въ царство Великаго Государя Царя Алексія Михайловича застрои. 1679 г. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ до сводовъ воздвиже. 1685 г. Великіе Государи Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи совершиша“.

Подъ архитравомъ, противъ каждаго простѣнка оконъ шеи, помѣщены изразчатыя украшенія въ видѣ языковъ довольно вычурнаго очертанія, съ небольшими изразчатыми-же кистями по концамъ. Языки эти убраны по голубому полю разными травами, плодами и разводами, желтыми, зелеными и красноватыми;

*) Чертежъ этого фасада помѣщенъ въ „Христіанскихъ Древностяхъ“ за 1877 г.

Подробные, въ краскахъ, рисунки этихъ частей, а равно и другихъ, помѣщены у Рихтера, таб. XXXIX—XLIII.

**) Новое доказательство, что изразцовую надпись Василія Блаженнаго правильнѣе относить къ XVII в.

по срединѣ помѣщены въ клеймахъ главы ангеловъ, съ желтымъ сіяніемъ, голубой одеждой и красноватыми крыльями.

Что же касается до стиля этого убранства, то въ профилевкѣ карниза, его модульонахъ и разводахъ языковъ нельзя не замѣтить очень сильнаго вліянія, господствовавшаго тогда въ Польшѣ и Литвѣ стиля Возрожденія.

Поясъ апсиды состоитъ также изъ широкаго фриза, съ языками внизу, насаженными часто, въ видѣ бахромы; всё это богато разцвѣчено разными травами.

Парныя боковыя окна, расположенныя во второмъ этажѣ восточныхъ стѣнъ средней крестовидной части храма, отдѣланы почти одинаково; вся разница заключается въ томъ, что правое окно имѣетъ полукруглыя арки, а лѣвое лучковыя. Пріемъ обработки ихъ представляетъ нѣкоторую смѣсь формъ Возрожденія съ русскими. Такъ напр. форма просвѣтовъ лѣваго окна съ ихъ лучковыми, закругленными по угламъ перемычками — совершенно наша, точно такъ-же, какъ и кокошники надъ сандриками; но орнаментика въ этихъ кокошникахъ, а равно и сандрикъ съ кронштейнами—несомнѣнно извѣстная передѣлка формъ Возрожденія *). Преобладающіе цвѣта — синій, зеленый и желтый.

Мы не будемъ болѣе распространяться въ описаніи наружныхъ изразцовъ Воскресенскаго, а укажемъ еще только на карнизъ главы нынѣшняго Константина-Еленинскаго придѣла (восточнаго), какъ на весьма характерную форму въ отношеніи стиля. Его главную основу составляетъ поясъ, который состоитъ изъ двухъ „дорическихъ“ фризовъ, идущихъ одинъ надъ другимъ; части ихъ расположены въ шахматномъ порядкѣ, т. е. подъ три-

*) См. у Рихтера таб. XLI и XLII.

глифами верхняго рода приходятся метопы нижняго, и наоборотъ. Раскраска довольно пестрая: триглифы бѣлые, метопы свѣтлозеленыя; въ нихъ такія-же рамки съ красножелтыми херувимами или розетками; херувимы—въ верхнемъ фризѣ, розетки въ нижнемъ. Этого примѣра вполнѣ достаточно, чтобы показать какой простодушный пересказъ формъ „Возрожденія“ представляютъ собою новоіерусалимскіе изразцы; вліяніе-же этого послѣдняго стиля объясняется, конечно тѣмъ, что мастера были „иноземцы изъ за Литовскаго рубежа“.*)

Внутри храмъ также украшенъ во многихъ мѣстахъ изразцами; но что особенно замѣчательно въ немъ — такъ это его „изразцовые“ иконостасы — явленіе единственное въ своемъ родѣ, во всемъ нашемъ древнемъ искуствѣ. Рисунки ихъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не обнародованы.

Древнее происхожденіе ихъ, помимо формы, подтверждается еще письменными данными, а именно объ оконостасахъ этихъ говоритъ монастырская опись 1669 г.,**) гдѣ въ отдѣлѣ „храмы“ есть такого рода перечисленіе:

а) Внизу противъ горняго мѣста церковь, идѣже раздѣлиша воины ризы Христовы и меташа жребія, сѣнь и столпцы и весь иконостасъ учиненъ изъ цѣнинныхъ образцовъ.....

в) Церковь подъ Голгоѳою Усѣкновеніе Честныя Главы

*) Лѣтописныя данныя о разнообразной и крайне полезной дѣятельности Кутеинскихъ старцевъ (рѣзьба по дереву, книгопечатаніе, переводы книгъ, переплетное и изразцовое дѣло и пр.) помѣщены въ V томѣ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой Археографической Коммиссіей (П-бургъ 1878.); см... «Акты Иверскаго Святоозерскаго монастыря (1582-1706), собранныя о. архимандритомъ Леонидомъ.»

**) Помѣщена въ «Истор. Опис»., стр. 149.

Іоанна Предтечи. Сѣнь и столпцы и весь иконостасъ учинены изъ цѣнинныхъ образцовъ.....

г) Церковь Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ; иконостасъ построенъ цѣнинными образцами....

д) Церковь Всѣхъ Святыхъ, а въ ней иконостасъ учиненъ цѣнинными образцами.....

ж) Церковь зовется Темница*), гдѣ удержанъ бысть Христосъ отъ Пилата, а въ ней иконостасъ учиненъ цѣнинными образцами.....

з) Подземная церковь Константина и матери его Елены. Иконостасъ учиненъ изъ образцовъ цѣнинныхъ муравленыхъ......

Въ этой описи показано шесть цѣнинныхъ иконостасовъ, но ихъ устроено всего семь, изъ которыхъ пять сдѣланы до 1666 года; седьмой, не показанный въ описи, сдѣланъ въ придѣлъ Логгина Сотника.

Нечего и говорить, что эти чудеса изразцоваго дѣла вызывали большія похвалы современниковъ, которыя выливаются у составителя описи такими словами:

„Внутрь-же всея великія церкви и двора церковнаго и во главѣ имать поясы и подзоры видѣніемъ и красотою зѣло различны, и лѣтопись надписаніе вокругъ всеа церкви и о таинствахъ церковныхъ, цѣнинными словами образчатыми, еже въ предбудущія рода родовъ написася.“

Или:

„Внутри и снаружи учинены въ церкви и въ дверяхъ и въ

*) Нынѣ придѣлъ Успенія Божіей Матери.

окнахъ вездѣ столпы и рамы, и ѳрамуги, надъ ними гзымсъ, цѣнинными разными образцами, а въ инѣхъ мѣстахъ надъ окнами и подъ поясомъ нижнимъ херувимы сдѣланы изъ цѣнинныхъ же образцовъ самымъ добрымъ мастерствомъ."*)

Многое изъ всего этого было сдѣлано самимъ Петромъ Заборскимъ. Вотъ что, по указанію о. архимандрита Леонида, дошло до насъ изъ его мастерства:

1) Облицовка изразцовыми украшеніями оконъ и дверей Голгоѳскаго придѣла снаружи, и арокъ внутри.

2) Верхній поясъ (подъ сводами) внутри соборнаго алтаря и церкви Воскресенія Христова, съ подписаніемъ: „о церковныхъ таинствахъ."

3) Пять изразцовыхъ иконостасовъ: а) въ прид. св. Іоанна Предтечи, подъ Голгоѳою; б) въ Успенскомъ придѣлѣ (въ сѣверномъ крылѣ соборнаго храма, соотвѣтственно южному Голгоѳскому); и в) три иконостаса въ придѣлахъ, за большимъ алтаремъ: „Поруганія", „Раздѣленія ризъ" и „Логгина Сотника".

Въ настоящее время большая часть всѣхъ этихъ изразцовыхъ украшеній закрашены масляной краской, за исключеніемъ изразцоваго пояса Никоновскаго скита и облицовки карниза той стѣнки, которая отдѣляетъ въ соборной церкви горнее мѣсто главнаго алтаря отъ придѣловъ окружающаго его прохода**). Эта окраска была произведена еще въ XVIII в. архимандритомъ Амвросіемъ, причемъ наружные изразцы были покрыты

*) Ib., стр. 78 и 80.

**) См. планъ собора въ «Христіанскихъ Древностяхъ» 1877 г.

тѣми-же цвѣтами, какіе имѣла глазурь, а иконостасы зеленою краскою съ позолотой.

Конечно подобное „варварство“ можетъ только возмутить всякаго любителя художественной старины, что мы лично испытали при осмотрѣ памятника. Но это „варварство“ оказывается не только полезной, но даже просто необходимой мѣрой: изразцы мѣстами до такой степени попортились и облупились, что оставлять ихъ въ такомъ видѣ было положительно невозможно*).

Таковы памятники изразцового дѣла въ Новомъ-Іерусалимѣ. Перейдемъ теперь къ Москвѣ.

III.**)

Наиболѣе простымъ памятникомъ изразцоваго производства въ Москвѣ является черепица, покрывающая церковныя главы и башни Кремля, Китая города, Симонова монастыря и пр. Башенныя и церковныя черепицы имѣютъ одну и ту же форму: онѣ представляютъ вытянутый прямоугольникъ, который оканчивается съ нижней стороны тремя постепенно уменьшающимися уступами; по срединѣ верхняго конца, не далеко отъ края — есть дырочка для прикрѣпленія черепицы гвоздемъ, который вбивался въ швовъ каменной кладки (таб. Б, рис. 2, 4 и 5-й). Эта форма чисто русская и несомнѣнно перенесена на глину съ дерева, въ чемъ убѣж-

*) Это послѣднее обстоятельство, вполнѣ оправдывающее арх. Амвросія, было лично сообшено намъ высокоуважаемымъ Намѣстникомъ лавры о. Леонидомъ.

**) Когда I глава (стр. 5, 6 и 7ая) была уже набрана намъ случилось увидать у одного изслѣдователя кусочки пресловутой новгородской мозаики: они представляютъ стекловатый сплавъ, съ цениной ничего общаго, вопреки увѣреніямъ Сахарова, не имѣющій.

даютъ насъ многіе образцы*). Размѣры черепицы различны: церковныя мельче, башенныя — крупнѣе.

Башенныя черепицы имѣютъ — $5^1/_8$ вершк. длины и $3^1/_2$ ширины; церковныя — 5 вершк. длины и 2 ширины. — Размѣры башенныхъ черепицъ (таб. Б, рис. 2) приведены нами съ Тайнинской башни московскаго кремля, а церковныхъ черепицъ (таб. Б, рис. 4) съ храма „св. Космы и Даміана въ Кадашахъ“ на Полянкѣ за Москвой рѣкой,**) черепицы которыхъ намъ довелось обмѣрять.

Башенныя и церковныя черепицы различаются еще по цвѣту: башни покрыты исключительно зеленой черепицей, а церковныя главы или просто зеленой или зеленой и желтой. При этомъ, если черепица на церковныя главы употребляется двуцвѣтная, то черепицы обоихъ цвѣтовъ, желтаго и зеленаго, располагаются поперемѣнными рядами, которые по винтовой кривой опоясываютъ луковицу главки и сходятся подъ яблокомъ креста.

Въ настоящее время, правда, подобныя главки встрѣчаются все рѣже и рѣже, потому что черепица повсюду замѣняется желѣзомъ, но пока еще можно указать на нѣкоторыя образчики; таковы напр. главы уже упомянутый церкви св. Космы и Даміана за Москвой рѣкой, церкви „Алексѣя митрополита на Глинищахъ“ въ Глинищевскомъ переулкѣ, въ Москвѣ***), Спасо-Преображенской церкви въ селѣ Чудиновѣ****), Московской губ. Серпуховскаго уѣзда и др.

*) См. напр. «Зодчій» 1872 г., листы № 12, № 34 и пр.

**) Рисунки ея помѣщены въ изданіи Н—ва «Москва, Соборы, Монастыри и Церкви.» — ч. III, отд. 2, № 25.

***) Рисунокъ см. ib., ч. II, № 8.

****) Близь Станціи Лопасня, Московско-Курской ж. д.

Главки эти очень красивы; всѣ онѣ принадлежатъ церквамъ XVII. в.

Главки покрытыя одной зеленой черепицей также бываютъ очень хороши: глазурь отливаетъ иногда цвѣтами радуги,*) въ родѣ того какъ это бываетъ въ старыхъ стеклахъ, и придаетъ общей окрашенности весьма красивые переливы.—Образчикомъ подобной окрашенности могутъ служить малыя главки прекрасной шатровой церкви села Медвѣдкова подъ Москвою**).

Подобной-же мелкой зеленой черепицей покрывались шатры надъ церковными входами и колокольнями. Какъ напримѣръ мы можемъ указать на крыльца и колокольню Василія Блаженнаго. Шатры эти были всегда многогранные; они крылись по ребрамъ черепичнымъ-же валикомъ, какъ это мы напр. видимъ на колокольнѣ того-же Василія Блаженнаго, и на башняхъ московскаго кремля; эти валики назывались „стрѣлками“, вѣроятно потому, что направляясь вмѣстѣ съ гранями шатра къ верху, въ центръ, образуютъ стрѣлки.

Одна изъ подобныхъ черепицъ „валикомъ“ хранится въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ и изображена на нашемъ рисункѣ. (Таб. Б, рис. 6-й). Она имѣетъ цилиндрическую форму, соединяется съ сосѣдней закраинами, а къ ребру шатра прикрѣпляется съ помощью двухъ дырочекъ, расположенныхъ сверху, по рединѣ; окраска ея довольно пестрая и состоитъ изъ перемѣщающихся накосныхъ полосъ желтаго, бѣлаго, зеленаго и коричневаго цвѣтовъ. Музейный ярлыкъ ея имѣетъ слѣдующую надпись:

*) Имѣетъ такъ называемый «металлическій отблескъ» (reflet métallique).

**) Рисунки ея помѣщены въ «Христіанскихъ Древностяхъ» за 1877 г.

„поливная черепица XVII вѣка, снятая съ кремлевскихъ башенъ при передѣлкѣ ихъ въ 1865 году“.

Исключеніемъ, и притомъ едвали не единственнымъ, въ отношеніи многогранной формы, является конической черепичный шатеръ Суздальскаго собора. (Таб. Б, рис. 1-й). Рисунки этой любопытной формы до сихъ поръ еще не были обнародованы.

Если вышеприведенныя церковныя черепицы можно безошибочно отнести къ XVII вѣку, сообразно тѣмъ церквамъ, главки и шатры которыхъ онѣ покрываютъ, то къ сожалѣнію нельзя того-же сдѣлать относительно черепицъ кремлевскихъ башенъ и точно опредѣлить ихъ вѣкъ.

Внѣшнихъ признаковъ вѣка нѣтъ: по своей формѣ онѣ могутъ быть отнесены къ XVI в. съ тою-же вѣроятностью, какъ и къ XVII. Мало того, много черепицъ совершенно новыхъ, добавленныхъ весьма поздно, во время поправокъ башенъ. Когда покрыты черепицей кремлевскія башни, при самой-ли постройкѣ, или впослѣдствіи — мы этого не знаемъ. Если предположить, что кирпичные шатры кремлевскихъ башенъ не могли, при первоначальной постройкѣ остаться безъ покрытія, то это противорѣчило-бы фактамъ: отчего-же тогда громадный шатеръ Вознесенской церкви с. Коломенскаго, начала XVI в., могъ остаться непокрытымъ*). А что для него не предназначалося покрытія — доказательствомъ служатъ тѣ обронные геометрическіе разводы, которые украшаютъ его поверхность.

Если сдѣлать второе предположеніе и допустить, что башни покрыты черепицею впослѣдствіи, то остается неизвѣстнымъ,

*) Рисунки ея помѣщены въ «Русской Старинѣ», Снегирева и Мартынова.

когда это было сдѣлано въ XVII или XVI вѣкѣ! Рѣшеніе этого вопроса съ помощью письменныхъ памятниковъ весьма желательно, такъ какъ оно пролило-бы нѣкоторый свѣтъ на состояніе изразцоваго дѣла въ Москвѣ въ XVI в.

Выдѣлкой черепицъ и глиняной посуды у насъ занимались „гончарные" мастера и въ Москвѣ, за Яузой существовала цѣлая „Гончарная" слобода, извѣстная еще въ XVI вѣкѣ.

Слобода эта была довольно обширна, судя потому, что въ ней было нѣсколько церквей, какъ напр. Воскресеніе Христово „въ Гончарахъ", Успенья Богородицы „въ Гончарахъ" и Введенія „въ Гончарахъ". Первая изъ нихъ извѣстна съ 1626 г., а вторая съ 1625 г.*). Что-же касается до третьей, то она въ настоящее время не существуетъ, но показана въ описаніи „къ плану Императорскаго столичнаго города Москвы, сочиненнаго по смотрѣніямъ архитектора Ивана Мичурина въ 1739 году".

Въ „Переписной Книгѣ города Москвы 1638 года"**), хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, къ несчастью не сохранилось ни начала, ни конца, который для насъ въ особенности важенъ, потому что въ немъ, сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ частямъ, находилась именно перепись дворовъ „Гончарной" слободы, вслѣдствіе чего книга эта не представляетъ никакихъ важныхъ данныхъ для разсматриваемаго нами вопроса. Тѣмъ не менѣе въ мѣстностяхъ, прилегающихъ

*) См. «Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города», Снегирева и Мартынова, Москва 1875 г. (стр. 79), и «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы. По опредѣленію Московской Городской Думы собранные и изданные руководствомъ и трудами Ивана Забѣлина». Москва 1884, — (стр. 834 и 836).

**) Издана Московской Городской Думой въ 1881 г.

къ „Гончарной“ слободѣ иногда попадаются дворы „гончаровъ“, такъ напр. въ этой книгѣ значится:

„Слобода Семеновская, за Яузою, идучи съ Яузскаго „моста на правой сторонѣ:

...

„Тое-жъ слободы (дворъ) теглеца Жданка Олексѣева сына гончара.... (стр. 301)*).

„Таганные-жъ слободы (дворъ) Ѳедки гончара.... (стр. 305)**).

...

„Слобода Таганная, идучи съ Яузскаго моста на правой „сторонѣ, дворы:

...

„Дворъ пустъ Анѳиногенка муравщика жильца.... (стр. 310).

...

Затѣмъ изъ ценинныхъ мастеровъ, работавшихъ въ Москвѣ въ XVI столѣтіи, въ нашей археологической литературѣ указываются слѣдующіе:

1) Мартынъ Васильевъ (1616 г.)
2) Евермеръ Орнольтъ (1631 г.)
3) Игнатій Максимовъ (1668 г.)
4) Степанъ Ивановъ (1668 г.)
5) Василій Дорофеевъ (1668 г.)
6) Степка Полубѣсъ (1682 г.)
7) Иванъ Семеновъ Денежка (1683 г.)
8) Сенька Буткеевъ (1684 г.)

О первомъ изъ нихъ Мартынѣ Васильевѣ Сахаровъ гово-

*), **) — Страницы показаны изъ думскаго изданія.

ритъ, что онъ занимался въ 1616 г. „приготовленіемъ разныхъ вещей при возобновленіи московскихъ дворцовыхъ зданій", но источника этихъ свѣдѣній не указываетъ.

Затѣмъ И. Е. Забѣлинъ говоритъ: „изъ древнихъ расходныхъ „книгъ мы узнаемъ, что въ 1616 и 1624 годахъ цѣнинный мас„теръ или „печникъ цѣнинныхъ печей" дѣлалъ цѣнинныя печи въ хоромахъ царицы Маріи Владиміровны и въ другихъ зданіяхъ царскихъ дворцовъ"*). Объ имени этого цѣниннаго мастера онъ не упоминаетъ. Очень можетъ быть, что въ виду одного и того-же 1616 года здѣсь идетъ рѣчь о томъ-же Мартынѣ Васильевѣ.

Евермеръ Орнольтъ—„мурамленникъ" былъ вызванъ въ Россіи въ 1631 году вмѣстѣ съ другими мастерами. Этотъ вызовъ по нашему мнѣнію показываетъ, что въ первой половинѣ XVII вѣка изразцовое производство не стояло у насъ особенно высоко, потому что московское правительство вызывало изъ за границы только тѣхъ мастеровъ, дѣломъ которыхъ оно было недовольно у себя дома. Мы напр. знаемъ о неоднократномъ вызовѣ каменныхъ дѣлъ мастеровъ и литейщиковъ, но не знаемъ ни одного случая вызова плотниковъ или скорняковъ. — Тоже самое показываетъ вызовъ Заборскаго и другихъ мастеровъ „изъ за Литовскаго рубежа" сдѣланный патріархомъ Никономъ. Ему очевидно незачѣмъ было-бы обращаться „за рубежъ", если бы дома было достаточно своихъ мастеровъ.

Очень можетъ быть, что утвержденіе подобныхъ вещей несоотвѣтствуетъ „любви къ отечеству" и что было-бы гораздо патріо-

*) Ист. обозр. Фин. и Цен. дѣл. въ Россіи, стр. 280—281.

тичнѣе утверждать, по примѣру Сахарова, что ценинное дѣло имѣло у насъ широкое развитіе съ X по XVIII вѣкъ, — но мы полагаемъ, что „правда,“ какова-бы она ни была, должна быть конечною цѣлью всякаго научнаго изслѣдованія.

Пребываніе Орнольта въ Россіи, по мнѣнію И. Е. Забѣлина, не осталось безъ пользы для нашихъ мастеровъ, такъ какъ во второй половинѣ XVII столѣтія, при царскомъ дворцѣ состояли уже на службѣ ценинные мастера, которые поэтому назывались дворцовыми.

Игнатій Максимовъ и Степанъ Ивановъ были мастера взятые изъ Новаго Іерусалима. Они показаны уже въ „разметномъ спискѣ“, приведенномъ нами выше. Объ нихъ извѣстно, что Игнатій Максимовъ съ товарищами, пять человѣкъ, дѣлали царю Алексѣю Михайловичу, „въ подносъ ко Святой на печи образцы или образцовыя каѳли“. А Степанъ Ивановъ, тоже съ товарищами дѣлалъ изразцы для церкви Григорія Неокесарійскаго за Москвою рѣкою*)

Въ „Прих. Расх. Тайнаго Приказа 7176 г. (1668 г.) значится: „176 г. Октября въ 24 день, по указу Великаго Государя подряжены цѣнинныхъ дѣлъ мастеры Степашко Ивановъ съ товарищи къ церковному строенью церкви Григорія Неокесарійскаго здѣлать двѣ тысячи образцовъ розныхъ поясовыхъ цѣнинныхъ въ длину осми вершковъ и болши и менши, а поперегъ семи вершковъ. А поставить имъ тѣ образцы на срокъ на Свѣтлое Христово Воскресенье нынѣшняго жъ 176 году, а дать имъ ото ста образцовъ по десяти рублевъ и напередъ сто рублевъ“.

*) Рисунокъ ея помѣщенъ въ изданіи Н—ва «Москва, Соборы, Монастыри и Церкви». — Ч. III, Отд. 2, № 20.

Одновременно съ этими мастерами славился въ Москвѣ Василій Дорофеевъ, а въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія лучшимъ мастеромъ считался Иванъ Семеновъ, по прозванію Денежка.

Объ этомъ послѣднемъ мастерѣ упоминается въ „подрядныхъ запискахъ" 1683 года.

„191 г. генваря 13 по указу в. г. уговорился сдѣлать въ хоромахъ государынь царевенъ въ комнатахъ, да въ крестовой четыре печи ценинныхъ круглыхъ, да въ мыленкѣ печь ценинную-жъ; да подъ тѣми хоромами въ подклѣтахъ и въ теплыхъ сѣняхъ четыре печи зеленые сырчатые двоечельные, — ценинный мастеръ Ивашка Денежка. А по уговору довелось ему дать за ценинной образецъ по шти денегъ, а за зеленые по четыре денги*)..."

О послѣднихъ двухъ мастерахъ Степкѣ Полубѣсѣ и Сенькѣ Буткеевѣ также упоминается въ актахъ. Такъ напр. о первомъ изъ нихъ значится: „въ нынѣшнемъ, въ 190 году Апрѣля въ 10 день, по указу Великаго Государя велѣно дать изъ Приказу Большаго Дворца цѣнинныхъ дѣлъ мастеру Степкѣ Полубѣсу съ товарищи за взятые образцы, которые взяты у нихъ къ печному дѣлу въ хоромы Государынь Царевенъ Большихъ и пр....: большой руки за триста за двадцать, средней руки за двѣ тысячи за сто за сорокъ за восемь образцовъ, — за зеленые за семь сотъ за пятдесятъ образцовъ, которые взяты у нихъ въ прошломъ въ 188 году девяносто два рубли"**).

*) См. «Домашній бытъ русскихъ царей» И. Забѣлина, Отд. «Матеріалы», стр. 144.

**) См. «Ист. Фин. и Цен. д. въ Рос.» приложеніе XIII.

О второмъ говорится въ „расходныхъ запискахъ“ 1684 года:

„192 г. Генваря 4, ценинныхъ дѣлъ мастеру Сенькѣ Буткееву за 1887 образцовъ зеленыхъ, которые взяты у него въ прошлыхъ во 190 и во 191 годѣхъ въ село Измайлово, въ Коломенское на дѣло печей, по 4 денги за образецъ, итого 37 р. 24 алт. 4 д. да взято у него 2072 образца ценинныхъ по 6 денегъ за образецъ, итого 62 р. 5 алт. 2 д.*)“

Московское изразцовое дѣло не прерывало связи съ новоіерусалимскимъ и въ эту пору, какъ это видно изъ „памяти“ 1683 года, „Каменнаго Приказа“, хранящейся въ дѣлахъ Воскресенскаго монастыря, въ которой значится:

„По указу Великихъ Государей, велѣно строить вверху каменныя палаты, гдѣ были прежде сего Государынь Царевенъ деревянные хоромы (терема); а къ тому строенію, для дѣла ценинныхъ образцовъ, формы взять изъ Воскресенскаго монастыря, какія понадобятся. Послать изъ мастерской Палаты ихъ, Государеву, грамоту**).

Московское дворцовое изразцовое дѣло не прекращалось и въ началѣ XVIII вѣка. „Есть данныя, пишетъ о. арх. Леонидъ, что и въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, не смотря на значительныя сокращенія, сдѣланныя въ штатѣ придворныхъ мастеровъ, по разбору 1697 года, — въ числѣ ихъ все таки состоялъ и мастеръ ценинныхъ дѣлъ, съ жалованьемъ: деньгами 15 рублей, хлѣбомъ 9 четей безъ полъдва четверика. На 1701 годъ жалованья сему мастеру положено 20 рублей.

*) См. Забѣл. «Домашн. бытъ русск. цар.» Мат. стр. 162.

**) Напечатана у о. арх. Леонида въ «Истор. О. п. Воскр. Мон.,» стр. 105.

А въ вѣдомости неокладныхъ расходовъ на тотъ-же 1701 г., между прочимъ значится: „ценинныхъ дѣлъ мастеромъ и работникомъ за дѣло и товаръ въ селѣ Преображенскомъ, въ государевыхъ хоромахъ, печей: 15 руб. 31 алтынъ 5 денегъ (см. сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, ч. II, стр. 250, 252 и 254).

Изъ частныхъ заведеній въ XVIII в. была извѣстна въ Москвѣ фабрика „трубочныхъ и ценинныхъ дѣлъ купца Аѳонасія Гребенщикова", на которой былъ временно закрѣпощенъ Флегнеръ.

IV.

Въ Москвѣ и сопредѣльныхъ съ нею мѣстностяхъ срединной исторической Россіи, кромѣ храмовъ изразцами украшены также нѣкоторыя гражданскія сооруженія, какъ напр.: дворцы, башни и дома.

Мы начнемъ обозрѣніе ихъ съ центра Москвы — съ Кремля. Зданій такихъ къ несчастью тамъ весьма немного: Теремный дворецъ и ц. Спаса за Золотой Рѣшеткой вотъ и всѣ зданія, которыя могутъ щегольнуть своимъ изразцовымъ убранствомъ. Части составляющія нынѣшній Теремный дворецъ, какъ извѣстно, разновременныя, а именно надъ среднею частью 2-го этажа были построены въ 1635 — 36 г.г. для царевичей Алексѣя и Іоанна Михайловичей — „Терема". Карнизы обоихъ этажей этой надстройки убраны изразцами, которые идутъ сплошь по фризу и украшены разноцвѣтными „травами"; раскраска ихъ такова: по синему полю зеленые листья, бѣлые цвѣты и желтые стебли съ

такими же почками. Узоръ геометрически правильный и совершенно симметричный; цвѣты и листья идутъ попеременно вдоль фриза и соединяются вверху и внизу стеблями, изогнутыми по кривой круга. Стиль орнаментики очень близко подходитъ къ „Возрожденью“ *).

Въ непосредственной связи съ теремами находится церковь Спаса за Золотой Рѣшеткой, щедро убранная изразцами, покрывающими ея карнизъ, парапетъ и шеи ея главъ. Убранство это относится ко временамъ царя Ѳедора Алексѣевича, который построилъ въ 1681 году надъ придѣломъ Іоанна Бѣлградскаго **) небольшой придѣлъ Воздвиженіе Честнаго креста ***), причемъ своды всѣхъ существующихъ по этой линіи церквей, т. е. Спаса, Воздвиженія, и Евдокіи ****), были соединены подъ одну общую кровлю и подъ одинъ рядъ главъ, числомъ одиннадцать, которыя въ этомъ соединеніи обозначаютъ три пятиглавыхъ храма, соединенныхъ вмѣстѣ, такимъ образомъ, что у смежныхъ храмовъ малыя главки общія. Въ такомъ видѣ храмы эти существуютъ и теперь. Главы, кресты и карнизы выложены изразцами, дѣланы по рисункамъ и образцамъ старца Ипполита, искуснѣйшаго рѣзчика того времени. Строителемъ былъ каменныхъ дѣлъ подмастерье Осипъ Старцовъ *****).

Форма карниза вполнѣ русская: это не карнизъ, а скорѣе широкій фризъ, который охватываетъ зданіе сверху. Онъ состоитъ

*) Рис. см. у Рихтера, таб. XXIII, XXIV и XXIX.

**) Впослѣдствіи Іоанна Предтечи.

***) Теперь Распятія.

****) «Словущее Воскресенье».

*****) См. у Рихтера, стр. 23.

изъ нѣсколькихъ узорныхъ поясовъ подраздѣленныхъ двумя валиками и увѣнчивается только небольшимъ „желобомъ“, выступъ котораго лишь немного болѣе выступа валиковъ. Сильно выступаетъ только свѣсъ кровли, отороченной прорѣзнымъ желѣзнымъ кружевомъ. Это отсутствіе свѣса черта чисто русская: во всѣхъ нашихъ богато убранныхъ кирпичныхъ церквахъ XVII в., начиная съ церкви Рождества Путинки и кончая Останкинской, Тайнинской и друг., карнизъ выдѣляется не свѣсомъ обыкновенно самымъ незначительнымъ, а своею особенною узорочностью.

Это объясняется тѣмъ, что въ русской каменной архитектурѣ, сводчатой по преимуществу, карнизъ составляющій необходимую принадлежность архитравнаго покрытія, имѣетъ весьма слабое развитіе и представляетъ собою явленіе довольно позднѣе. Въ доказательство можно привести многіе русскіе древніе храмы, вовсе не имѣющіе карнизовъ, какъ напр. Димитріевскій соборъ во Владимірѣ, старый соборъ въ Звенигородѣ, Успенскій соборъ въ Москвѣ, соборъ московскаго Новодѣвичьяго монастыря и др.

Надъ карнизомъ идетъ небольшой парапетъ, служащій основаніемъ главкамъ; онъ отдѣланъ характернѣйшимъ русскимъ убранствомъ — рядомъ квадратныхъ впадинокъ — кіотцевъ или „ширинокъ“, заполненныхъ изразцами. *) Шеи главокъ сплошь обложены изразцами; внизу, у основанія, онѣ имѣютъ изразчатый-же обратный желобъ, а вверху, подъ кружевомъ главки, та-

*) Ширинка показана на таблицѣ VI-й, вверху. Устройство ширинокъ было, большею частью, двоякое: ширинка обкладывалась или «прямью», т. е. выступомъ обыкновеннаго кирпича, или «гуськомъ» и тогда она называлась «гусятною».

кой-же астрагалъ. Но на этомъ и кончаются всѣ русскія особенности этого убранства, ибо самыя „травы“ и разводы, покрывающіе изразцы, обнаруживаютъ вліяніе стиля Возрожденья *). Къ тому-же стилю несомнѣнно относятся и тѣ большіе „яики“ (овалы), украшающіе собою шейки главъ, теперь пустые, но, вѣроятно, предназначавшіеся для образовъ. Цвѣта тѣже, что и въ теремныхъ изразцахъ, т. е. бѣлый, синій, желтый и зеленый. Нѣкоторые изъ изразцовъ, каковы напр., средній поясъ фриза и обратный желобъ базы очень напоминаютъ по своимъ узорамъ вѣнчающій желобъ Теремныхъ печей (Таб. А, ф. 2, а). Преобладаніе формъ Возрожденія въ узорахъ объясняется отчасти тѣмъ, что во второй половинѣ XVII в. старая русская рѣзьба по дереву замѣняется новою „фигурною“, нѣмецкою рѣзьбою — и что съ этого времени нѣкоторые русскіе мастера начинаютъ рѣзать свою рѣзьбу по печатнымъ нѣмецкимъ мастерскимъ „лицевымъ“ книгамъ, слѣдовательно по западнымъ рисункамъ. Двѣ такихъ книги, которыя были келейными книгами патріарха Никона и по которымъ онъ украшалъ храмы Новаго Іерусалима, были взяты оттуда въ 1667 году во дворецъ **). Можно предполагать, что подобныя нѣмецкія книги были извѣстны старцу Ипполиту, дававшему образцы и рисунки для этихъ работъ.

На фасадѣ „Потѣшнаго“ дворца изразцовъ не имѣется. Что же касается до внутренности, то Снегиревъ говоритъ, ***) что подъ сводами нижняго яруса были, по свидѣтельству сторожиловъ-

*) Рисунки смотр. у Рихтера, таб. VIII.

**) См. Домашній бытъ и пр. т. I, стр. 113.

***) См. Русск. Старина, годъ третій, стр. 34 — 35. Москва 1852 г.

очевидцевъ, покои съ изращатыми стѣнами. Оставляя вполнѣ на отвѣтственности нашего покойнаго археолога достовѣрность этого извѣстія мы полагаемъ, что оно имѣетъ извѣстную долю вѣроятія, хотя, спѣшимъ оговориться, намъ не приходилось встрѣчать ничего подобнаго при изученіи памятниковъ нашего древняго зодчества ни въ одномъ изъ нашихъ историческихъ городовъ или монастырей, словомъ ни въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно-бы наткнуться на столь роскошную внутреннюю отдѣлку *).

Затѣмъ въ Кремлѣ были еще „Гербовыя" ворота сломанныя уже въ нынѣшнемъ столѣтіи. По своему стилю они близко подходили къ стилю Теремовъ и имѣли, по свидѣтельству того-же Снегирева гербы въ клеймахъ „изъ разноцвѣтныхъ кахелей (изразцовъ)" **).

Изъ зданій, находящихся внѣ Кремля, наиболѣе щедро осыпанъ изразцами Крутицкій теремъ. Его второй этажъ, сплошь, сверху до низу покрытъ изразцовой облицовкой ***). Карнизы, колонны, кронштейны, подоконныя тяги, сандрики, даже самая гладь стѣнъ — все это изразчатое. Если въ предыдущихъ примѣрахъ мы видѣли извѣстную смѣсь формъ, русскихъ и западныхъ, архитектурныя формы этого зданія сразу обнаруживаютъ свое происхожденіе: коринѳскія колонны, со стержнями, обвитыми

*) Единственное исключеніе представляетъ «Голландскій домъ», въ селѣ Кусковѣ, подъ Москвою, стѣны котораго убраны внутри сплошь изразцами. Но онъ во-первыхъ построенъ въ чистѣйшемъ голландскомъ стилѣ, а во-вторыхъ въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка и съ русскимъ допетровскимъ зодчествомъ ничего общаго не имѣетъ.

**) См. Русск. Стар., годъ второй, стр. 29.

***) Рисунки см. у Рихтера, таб. XXXIII.

виноградными листьями и гроздьями, антаблементы, состоящіе изъ архитрава, фриза и карниза, съ раскреповками надъ колоннами, полукруглые разрывные фронтоны сандриковъ, обработка оконъ, филенки въ простѣнкахъ и наконецъ самые травы и разводы прямо показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ ближайшимъ подражаніемъ стилю Возрожденія, періода Барроко. Преобладающіе цвѣта раскраски тѣже, т. е., зеленый, синій и желтый. Время постройки — вторая половина XVII в.

Изъ другихъ старыхъ гражданскихъ сооруженій Москвы, имѣющихъ изразцы, укажемъ на домъ Имп. Москов. Археологическаго О-ва, на Палаты бывшаго „Книгопечатнаго Двора“, во дворѣ дома Синодальной Типографіи и на Сухареву башню, которая въ ширинкахъ своихъ парапетовъ имѣетъ изразцы, украшенные желтыми двуглавыми орлами подъ двумя коронами по зеленому полю. Было въ Москвѣ еще одно гражданское сооруженіе украшенное изразцами, которое сломано еще очень недавно, на нашей памяти, — это такъ называемая „Старая Дума“, находившаяся у Иверскихъ воротъ, на мѣстѣ нынѣшняго Историческаго Музея, для постройки котораго она и была разобрана; къ счастью изразцы, украшавшіе ея фасадъ, поступили въ музей Московскаго Архитектурнаго О-ва.

Формы ихъ обнаруживаютъ вліяніе того-же Возрожденія.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что изразцовыя произведенія имѣли въ московскомъ зодчествѣ самыя различныя примѣненія: изъ нихъ устраивалась обкладка стѣнъ, шей церковныхъ главъ, дѣлались карнизы и колонки и заполнялись ширинки, кромѣ того, какъ мы сейчасъ увидимъ далѣе изразцы примѣнялись еще для украшенія круглыхъ и прямоуголь-

ныхъ столбовъ, лопатокъ, подоконныхъ стѣнокъ и для устройства половъ.

Въ церковномъ зодчествѣ самымъ излюбленнымъ мѣстомъ для помѣщенія изразцовыхъ украшеній былъ конечно фризъ подъ главнымъ карнизомъ, — причемъ расположеніе изразцовъ было весьма разнообразно. Самый богатый способъ убранства состоялъ въ томъ, что изразцы покрывали собою весь фризъ сплошь, безъ промежутковъ; изразцы въ этомъ случаѣ располагались въ два ряда, одинъ надъ другимъ, чтобы покрыть фризъ во всю эту ширину. Это убранство очень богато на видъ, потому на нѣкоторомъ разстояніи швы между отдѣльными изразцами не замѣтны и фризъ кажется цѣльнымъ. Подобные сплошные фризы имѣютъ напр., московскія церкви св. Адріана и Наталіи, на 1-й Мѣщанской *) и Григорія Неокесарійскаго на Полянкѣ, за Москвой рѣкой **), изразцы которой ставилъ, какъ мы уже говорили извѣстный мастеръ Степанъ Ивановъ. Подобный-же сплошной фризъ имѣетъ соборъ Іосифова Волоколамскаго монастыря. Замѣчательно, что узоръ его изразцовъ совершенно одинаковъ съ узоромъ изразцовъ церкви св. Григорія Неокесарійскаго. Быть можетъ эта работа того-же Степана Иванова. Другой способъ убранства заключается въ томъ, что фризъ покрывается „ширинками“, которыя выдѣлываются въ кирпичной кладкѣ, а въ нихъ уже вставляются изразцы. Если ширинки не велики, то въ нихъ вставляется по одному изразцу, который, заполняетъ все ихъ дно; если-же ширинки имѣютъ значительные размѣры, то въ нихъ вставляютъ по четыре изразца въ

*) Рис. смот. у Н-ва, ч. IV, № 41.

**) Рис. ibidem, ч. III, отд. 2, № 20.

каждую, которые сплошь заполняютъ ихъ дно. Фризъ перваго образца имѣютъ святыя врата Ризположенскаго Дѣвичьяго Монастыря въ Суздалѣ *), а второго—церковь Николы на Столпахъ, въ Армянскомъ переулкѣ въ Москвѣ **).

Наконецъ третій способъ украшенія фризовъ заключается въ томъ, изразцы располагаются въ рядъ, будучи поставлены не на край, а на уголъ, т. е. въ такомъ положеніи, которое показано на таблицѣ IX, слѣва.

Образчикомъ подобнаго убранства можетъ служить фризъ церкви Грузинской Божіей Матери, въ Китаѣ городѣ, въ Москвѣ ***).

Широкими сплошными фризами изъ изразцовъ убирались также шеи церковныхъ главъ, причемъ фризы эти располагались между карнизикомъ и арочками колоннокъ шеи, какъ мы это видимъ, напр., на главномъ соборѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря. Послѣ фризовъ изразцы заполняютъ собою чаще всего „ширинки", которыми столь обильно изукрашены произведенія древняго московскаго зодчества.

Что-же касается до заполненія ширинокъ изразцами, то оно было весьма разнообразно. Кромѣ уже указанныхъ нами пріемовъ употреблялись еще слѣдующіе:

1) Ширинка заполнялась однимъ изразцомъ, но онъ ставился

*) Фотографическій снимокъ ихъ имѣется подъ № 320 въ альбомахъ фотографа Борщевскаго, находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С.П-гѣ, (Объ этихъ альбомахъ см. Вл. В. Стасова «Фотографическія коллекціи Императорской Публичной Библіотеки»; СПб. 1885 г.).

**) Рис. помѣщ. въ «Христ. Древностяхъ» за 1877 г., стр. 34.

***) Рис. помѣщены въ «Христ. Древностяхъ» за 1877 г., стр. 28 и въ «Зодчемъ», Октябрь 1877 г., таб. 47 — 48.

не на край, а на уголъ, такъ стороны его были наклонны подъ угломъ въ 45° къ сторонамъ ширинки, какъ мы это видимъ напр. на прекраснѣйшей церкви с. Маркова, Бронницкаго уѣзда, Московской губ. *).

2) Въ ширинкѣ ставились „на уголъ“ три изразца по одной вертикальной оси, при чемъ самая ширинка дѣлалась не квадратной, а нѣсколько вытянутой въ высоту; образцами могутъ служить ширинки колокольни церкви Грузинской Божіей Матери и воротной башни Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря **).

3) Если ширинка имѣла значительные размѣры и образовала собою скорѣе большую впадину, то она убиралась изразцами, расположенными по какому-нибудь узору, такъ напр. на той-же башнѣ Спасо-Евѳиміева монастыря есть впадины, въ которыхъ вставлены по четыре изразца, расположенныхъ крестомъ: два по горизонтальной оси и два по вертикальной; самые изразцы поставлены „на уголъ“ и нѣсколько удалены другъ отъ друга ***). На башняхъ Іосифова монастыря, Волоколамскаго уѣзда, Московской губ. ****), есть впадины, убранныя пятью изразцами, расположенными такъ: одинъ по срединѣ и четыре по угламъ; они поставлены „на край“ и въ нѣкоторыхъ впадинахъ касаются углами, а въ другихъ отстоятъ другъ отъ друга на нѣкоторомъ разстояніи; во впадинахъ этого послѣдняго встрѣ-

*) Объ этой церкви см. подробно нашу статью «Памятники древняго зодчества въ Коломенскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ Московской губерніи», («Зодчій» 1884 г.).

**) Рис. см. у Шохина, таб. № 20.

***) См. ib.

****) Рисунки этихъ превосходныхъ башенъ, а равно и другихъ зданій этого монастыря, къ несчастью, еще нигдѣ не обнародованы.

чается еще одно видоизмѣненіе, которое заключается въ томъ, что средній изразецъ ставится „на край“, а угловые „на уголъ“.

4) Когда ширинка или впадина имѣетъ большіе размѣры и заполняется сплошь изразцами, то расположеніе ихъ зависитъ отъ формы ширинки; такъ напр. впадины колокольни церкви св. Григорія Неокесарійскаго, въ видѣ прямоугольника поставленнаго на длинную сторону, заполнены тремя рядами изразцовъ, по четыре въ каждомъ; а впадины колокольни церкви Св. Космы и Даміана въ Садовникахъ, въ Москвѣ *), въ видѣ прямоугольника, поставленнаго на короткую сторону, заполнены тремя рядами изразцовъ, по два въ каждомъ.

Кромѣ ширинокъ и карнизовъ въ церковномъ зодчествѣ изразцы примѣнялись еще къ украшенію кокошниковъ. Въ „полѣ“ кокошника изразцы ставились обыкновенно на уголъ, причемъ расположеніе встрѣчается двоякое: или ставится одинъ изразецъ по срединѣ какъ напр. въ кокошникахъ церквей Грузинской Божіей Матери, Медвѣдковской и др.; или же помѣщаются три изразца — треугольникомъ: — два внизу и одинъ вверху; образчикъ подобнаго расположенія мы видимъ въ церкви Николы въ Хамовникахъ, въ Москвѣ **).

Первый изъ этихъ пріемовъ примѣняется также къ украшенію оконныхъ очелій (сандриковъ), имѣющихъ форму кокошниковъ, какъ это мы видимъ на той-же церкви Грузинской Божіей Матери.

Изразцы украшаютъ собою также церковныя крыльца и галлереи и въ такомъ случаѣ помѣщаются обыкновенно въ сре-

*) Рисунокъ см. у Н—ва, часть III, отд. 2, № 8.

**) Рисунокъ, см. Русскія и Христіанскія Древности. 1877 г., стр. 36.

динѣ треугольныхъ полей, образуемыхъ верхнею разгрузной аркой и двумя нижними подвѣсными арочками съ серьгой; примѣромъ могутъ служить западная галлерея церкви въ с. Останкинѣ подъ Москвой *) и крыльцо Палаты Книгопечатнаго Двора въ Москвѣ.

Если надъ окнами и кокошниками простѣночныхъ впадинъ въ галлереяхъ идетъ общій обрамляющій рядъ арочекъ изъ кирпича-валикомъ, то въ углахъ, между пятовыми частями арочекъ ставятся изразцы н а у г о л ъ; такъ напр. украшена сѣверная галлерейка уже упомянутой Марковской церкви. На одной изъ башенъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, такъ называемой Ѷгольной, встрѣчается еще иное сочетаніе смежныхъ арочекъ съ изразцами; тамъ гладь башенной стѣны украшена рядами арочекъ, изъ кирпича-валикомъ которыя, черезъ одну, опираются на колонки, на подобіе того, какъ украшаются алтарныя абсиды новгородскихъ церквей **). Между колонками, по срединѣ, гдѣ пята двухъ смежныхъ арочекъ остается свободною, поставлены изразцы н а у г о л ъ, такъ что изразецъ какъ бы подвѣшенъ на арочкахъ, словомъ помѣщенъ такъ, какъ серьга въ парныхъ аркахъ.

Подоконныя стѣнки, парапеты, сплошныя перила, прямоугольные столбы и лопатки никогда сплошь изразцами не облицовываются; по крайней мѣрѣ намъ нигдѣ не приходилось встрѣчать подобнаго убранства. Они покрываются обыкновенно ш и р и н к а м и, а въ нихъ уже ставятся изразцы н а к р а й или н а у г о л ъ. Но нельзя того-же сказать относительно круглыхъ

*) Рисунокъ, см. ibidem.

**) Напр. Спаса Преображеніе.

столбовъ: мы уже указывали на цѣльныя изразчатыя колонки Крутицкаго терема и Новаго Іерусалима; затѣмъ въ томъ-же Іосифовомъ монастырѣ есть еще слѣдующее своеобразное убранство: по бокамъ св. вратъ, съ южной стороны монастыря, выступаютъ изъ стѣны, на половину своей толщины, большіе круглые столбы, сплошь облицованные изразцами; размѣры ихъ столь значительны, что каждый горизонтальный рядъ ихъ облицовки имѣетъ нѣсколько изразцовъ. Впрочемъ — это едвали не единственный примѣръ.

Чтобы покончить съ примѣненіемъ изразцовъ въ Московскомъ зодчествѣ, укажемъ еще изразцовые полы, образчикомъ которыхъ можетъ служить полъ Успенской церкви Зилантьева монастыря въ Казани (таб. IX). Онъ состоитъ изъ желтыхъ и зеленыхъ лещадокъ, расположенныхъ въ шахматъ. Выстилка половъ изразцами была извѣстна еще въ кіевскомъ періодѣ, о чемъ мы уже говорили въ началѣ нашей статьи, но образчиковъ подобнаго примѣненія, вѣроятно, вслѣдствіи хрупкости матеріала, сохранилось очень мало. Впрочемъ Сахаровъ утверждаетъ, что лещади эти были не только квадратныя, какъ мы видѣли въ только что приведенномъ примѣрѣ, но и „продолговатыя и треугольныя, росписанныя травами, узорами и личинами“, хотя, къ сожалѣнію, не указываетъ ни одного памятника, въ которомъ бы такія лещади сохранились. Намъ же не случалось видѣть ничего подобнаго.

Вообще, надо замѣтить, что наши древніе изразцы, подобно многимъ другимъ остаткамъ нашего родного искусства, съ каждымъ годомъ гибнутъ все болѣе и болѣе, какъ отъ времени, такъ и отъ невѣжества.

Надо спѣшить собирать, хотя въ рисункахъ, эти драгоцѣнныя остатки, иначе большая часть ихъ погибнетъ безслѣдно. Помѣщаемый въ этомъ томѣ „Матеріаловъ по Исторіи Древнерусскихъ Одеждъ" атласъ хотя и даетъ весьма хорошіе образчики нашего древняго изразцоваго дѣла, но конечно далеко не исчерпываетъ всего его богатѣйшаго содержанія, котораго хватило бы не только на цѣлый томъ, но даже на цѣлые тома „Древностей Государства Россійскаго"!

Будемъ надѣятся, что въ недалекомъ будущемъ это блестящее убранство нашего зодчества станетъ достояніемъ науки и искусства!

V.

Обзоръ нашихъ древнихъ памятниковъ, украшенныхъ изразцами, мы закончимъ ярославскими храмами, этими роскошными и блестящими представителями русскаго зодчества XVII вѣка. Памятникамъ Ярославля и окрестныхъ городовъ и монастырей, какъ напр., Романова-Борисоглѣбска, Ростова Великаго, Борисоглѣбскаго монастыря и пр., какъ то не посчастливилось въ нашей художественно-археологической литературѣ. Въ то время какъ памятники Москвы, Владиміра, Кіева и Новгорода были предметами многихъ монографій, нерѣдко снабженныхъ прекрасными рисунками, памятники Ярославля и окрестныхъ городовъ оставались, до сихъ поръ въ тѣни. Конечно труды графа М. Толстого *), В. И. Лѣствицына **), А. Крылова ***),

*) «Святыни и Древности Ростова Великаго». Москва 1866 г.

**) См. его «Списокъ моихъ сочиненій». Ярославль 1875 года.

***) См. его «Церковно-археологическое описаніе г. Ярославля». Ярославль 1860 г. и др.

А. Титова*) и пр. пролили въ свое время не мало свѣта на ярославскую старину, но всѣмъ имъ, къ сожалѣнію, недостаетъ главнаго въ этомъ случаѣ—хорошихъ рисунковъ, а превосходный альбомъ Рихтера**), въ которомъ имѣются снимки ярославскихъ памятниковъ, до сихъ поръ еще остался неизданнымъ. Великолѣпные снимки покойнаго Л. Даля и Леонова, помѣщаемые въ атласѣ этого выпуска, за исключеніемъ двухъ или трехъ, помѣщенныхъ въ „Зодчемъ“ ***), также были не обнародованы, а слѣдовательно не успѣли еще сдѣлаться достояніемъ науки, и только за послѣдніе два, три года появились прекрасно исполненные снимки ярославскихъ и ростовскихъ церквей ростовскаго фотографа И. Ѳ. Борщевскаго, которые могутъ служить превосходнымъ подспорьемъ при изученіи памятниковъ Ярославскаго зодчества****). Краткая характеристика стиля этихъ памятниковъ была сдѣлана В. В. Стасовымъ*****). Затѣмъ въ прошломъ году академикъ В. В. Сусловъ, изучавшій по порученію Академіи Художествъ наши древніе памятники помѣстилъ въ „Зодчемъ“ статью подъ заглавіемъ „Древнія церкви въ Романовѣ Борисоглѣбскѣ“ и обмѣры Воскресенскаго собора въ Романовѣ. Вотъ и все важнѣйшее по ярославскимъ памятникамъ. Нѣкоторые изъ этихъ источниковъ упоминаютъ объ изразцахъ, но только совершенно вскользь и ни одинъ изъ нихъ не

*) См. его «Путеводитель по г. Ростову, Ярославской губерніи». Москва. 1883 г. и др.

**) Хранится въ библіотекѣ Имп. Академіи Художествъ.

***) См. «Зодчій» 1876 г., листы 16 и 17-й и 1885, листы 55 и 56-й.

****) Ярославскій отдѣлъ сборника г. Борщевскаго состоитъ изъ четырехъ томовъ и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе снимки: I томъ (58 шт.)—Ярославль; II томъ (49 шт.) Борисоглѣбскій монастырь; III и IV томы (53 и 57 листовъ)—Ростовъ-Великій.

*****) См. его «Фотографическія и фототипическія коллекціи И. Пуб. Библіотеки». Стр. 70—74.

останавливается на нихъ сколько-нибудь подробно. Поэтому мы попытаемся сдѣлать теперь краткій очеркъ ярославскихъ изразцовъ на основаніи личныхъ наблюденій.

Однимъ изъ первыхъ ярославскихъ храмовъ, убранныхъ изразцами, является храмъ Богоявленія, на берегу Которосли, близъ Архіерейскаго Дома. Онъ построенъ въ 1684 г. ярославцемъ гостиной сотни Алексіемъ Авраамовымъ, сыномъ Зубчаниковымъ. Простѣнки оконъ его сѣвернаго придѣла и средніе лопатки его главной части убраны вертикальными рядами изразцовъ, поставленныхъ на уголъ; нѣкоторые изразцы, напр. тѣ, которые помѣщены въ нижней части колокольни, окружены изразчатой рамкой-валикомъ. Изразцы, поставленные на край, идутъ по фризу главнаго карниза. Но особенно богато осыпаны изразцами шеи главъ; шеи эти глухія, оконъ не имѣютъ и убраны обычными колонками съ арочиами; каждый промежутокъ между колонками заполненъ у большой главы-вертикальнымъ рядомъ изъ семи изразцовъ на уголъ, а у малыхъ главъ-вертикальнымъ рядомъ изъ пяти изразцовъ. Подобные вертикальные ряды изъ изразцовъ на уголъ составляютъ преимущественно особенность ярославскаго зодчества и повторяются, какъ мы увидимъ это далѣе на многихъ церквахъ.

Далѣе слѣдуетъ указать на великолѣпную пятнадцатиглавую церковь св. Іоанна Предчети въ Толчковѣ *), за Которослью. Храмъ этотъ построенъ въ 1687 году. Его паперти и крыльца убраны ширинками съ изразцами на край **); простѣнки средней

*) Модель ея, сдѣланная художникомъ Д. А. Смирновымъ, находится въ Музеѣ О-ва Любителей Древней Письменности, въ С.-Петербургѣ.

**) Рис. смотр. «Зодчій» 1883, листъ № 4.

двухъэтажной части убраны, каждый вертикальными рядами изразцовъ на уголъ по восьми штукъ въ каждомъ; надъ окнами и надъ простѣнками идетъ рядъ кокошничковъ изъ лекальнаго кирпича, а во входящихъ углахъ, образуемыхъ смежными кокошниками, помѣщены изразцы на уголъ, въ родѣ расположенія ихъ на паперти Марковской церкви; они образуютъ собою горизонтальный рядъ, къ которому примыкаютъ вертикальные. Изразцами на уголъ же убраны кокошники придѣловъ и основаній ихъ главокъ; — во входящихъ углахъ, образуемыхъ смежными кокошниками, поставлены также изразцы на уголъ, которые росположены такимъ образомъ въ шахматномъ порядкѣ съ внутренними изразцами кокошниковъ.

Простѣнки шеекъ малыхъ главъ убраны одинаково съ Богоявленской церковью. Простѣнки шеи средней главы убраны богаче и изразцы по нимъ идутъ такъ: сперва два изразца на уголъ въ рядъ (по горизонтальному направленію), а потомъ одинъ посрединѣ, также на уголъ, затѣмъ опять два, потомъ снова одинъ и т. д.; такихъ перемѣнныхъ рядовъ въ каждомъ простѣнкѣ девять. Всѣ шеи главнаго храма опоясаны сверху арочекъ горизонтальными рядами изразцовъ также на уголъ.

До 1863 г. многіе изъ этихъ изразцовъ выкрошились и были замѣнены въ 1864 году новыми *), на что мы и считаемъ долгомъ обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей.

Слѣдующее мѣсто послѣ Толчковской по богатству изразцами, занимаетъ церковь св. Іоанна-Златоуста „въ Коровникахъ“, при впаденіи Которосли въ Волгу, построенная въ 1654-мъ году.

*) См. «Предтеченская церковь въ Ярославлѣ», Ярославль, 1881 г., стр. 12.

Особенно роскошно убраны крыльцо и среднее окно главнаго алтаря, которое представлено на таблицѣ XIII.

Крыльца ея имѣютъ форму исключительно присущую Ярославскому зодчеству и нигдѣ въ другихъ мѣстахъ въ такомъ видѣ не встрѣчаются: надъ обычной аркой русскаго церковнаго крыльца, опирающейся на угловыя балясины, высится остроконечный щипецъ, наклонныя стороны котораго, недалеко отъ низу изламываются подъ тупымъ угломъ и, принявъ вертикальное направленіе, упираются въ угловыя части вѣнчающаго карниза крыльца*). Средина этого щипца занята живописью, а наклонные и ломанные края, его равно какъ и карнизъ, служащій имъ опорою, сплошь покрыты изразцами въ нѣсколько рядовъ. Края щипца убраны двумя мелкими изразчатыми обломами, широкимъ фризомъ, мелкимъ переходнымъ обломомъ и крупнымъ вѣнчающимъ гуськомъ; карнизъ состоитъ изъ изразчатаго валика, идущаго по кирпичной стѣнѣ, большого фриза и сильнаго верхняго вѣнчанія, образованнаго двумя широкими поясами, которые выступаютъ надъ фризомъ и другъ надъ другомъ на каблучкахъ. Эта широкая отдѣлка производитъ превосходное впечатлѣніе: такого сочного и мастерского распредѣленія изразцовъ московская архитектура не знаетъ.

Что же касается до алтарнаго окна показаннаго у насъ на таб. XIII, то изразцовое убранство его очень богато; оно мѣстами равно самому оконному пролету, а мѣстами шире его и состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

*) Этотъ высокій, остроконечный щипецъ вмѣстѣ съ двускатой крышей несомнѣнно заимствованы у деревяннаго зодчества.

a) Изъ сильнаго, углубленнаго наличника, образованнаго семью мелкими обломами.

b) Изъ двухъ тонкихъ колонокъ, стержни которыхъ имѣютъ по три распушки *); колонки эти помѣщены по бокамъ наличника и соединены верху и внизу валикомъ и

c) Изъ широкой облицовки стѣны вокругъ наличника и колонокъ, ограниченной спокойной кривой линіей съ плавными переходами и острымъ мыскомъ наверху.

Совершенно подобное же убранство трехъ алтарныхъ оконъ имѣетъ церковь св. Петра и Павла „на Волгскомъ берегу", построенная въ 1691 году.

Наиболѣе богатымъ изразцовымъ убранствомъ отличается церковь Николы Мокринскаго и стоящая съ ней въ одной оградѣ теплая церковь Тихвинской Божіей матери, изразцы, изразчатыя ширинки и изразцовый карнизъ которыхъ представлены на таблицахъ I, II, III, IV, V, VI и XI.

Годъ построенія Тихвинской церкви неизвѣстенъ. Несомнѣнно однакожъ, что западная пристройка ея, покрытая изразцами, построена въ XVII и вотъ почему: во 1-хъ извѣстно, что придѣлъ Тихвинской церкви, во имя св. Василія Великаго освященъ въ 1694 г., а во 2-хъ храмъ Николы Мокринскаго, который имѣетъ точно такую же изразцовую пристройку, освященъ въ 1672 г., а храмоздательная грамота его помѣчена 1665 г.

Эта западная пристройка Тихвинской церкви крайне свое-

*) Каждая изъ этихъ колонъ состоитъ изъ двухъ колонокъ, поставленныхъ другъ надъ другомъ, такъ что средняя распушка, образуемая двумя крохотными балясинками, отдѣляетъ собственно одну отъ другой.

образна *). Съ лица она имѣетъ большіе входные врата справа и небольшую дверку слѣва; по бокамъ вратъ стоятъ большіе кирпичные балясины, а на лѣвомъ углу, за дверкой, — лопатка съ кирпичными ширинками; надъ всѣмъ этимъ идетъ широкій карнизъ, занимающій одну треть всей высоты фасада (таб. XI). Надъ карнизомъ помѣщенъ невысокій фронтонъ, поле котораго занято живописью, а наклонные края столь же щедро надѣлены изразцами.

Боковые фасады не менѣе щедро изукрашены изразцами: они увѣнчаны тѣмъ же роскошнымъ карнизомъ; глухія части стѣнъ сплошь убраны изразчатыми ширинками (таб. VI); простѣнки украшены вертикальными рядами изразцовъ „на уголъ“.

Надъ фронтономъ возвышается шатровая глава; она имѣетъ четырехъгранное основаніе съ однимъ большимъ кокошникомъ на каждой сторонѣ; карнизъ основанія и полукруглыя тяги кокошниковъ облицованы изразцами; надъ кокошниками стоитъ восьмигранный черепичный шатеръ съ черепичною-же луковичною главкою; внизу, надъ большими кокошниками, шатеръ схваченъ рядомъ изъ восьми малыхъ кокошничковъ.

Вся пристройка горитъ и переливается яркими цвѣтами изразцовъ и сильно поражаетъ нашъ непривычный глазъ, воспитанный на однообразныхъ и тусклыхъ штукатурныхъ фасадахъ. Это — чисто восточная пышность, которой любило щегольнуть наше древнее храмовое зодчество!

Разберемъ теперь стиль этихъ изразцовыхъ украшеній. Въ нихъ мы замѣчаемъ тоже, что и въ московскихъ образцахъ, т. е.

*) Фасадъ ея (въ краскахъ) помѣщенъ въ «Зодчемъ» за 1885 годъ, листы № 55 и 56.

общее свое и подробности, навѣянныя чуждымъ вліяніемъ. Начнемъ съ окна (таб. XIII).

Глубокій и широкій наличникъ его, состоящій изъ нѣсколькихъ мелкихъ обломовъ—пріёмъ совершенно русскій, присущій нашему кирпичному зодчеству XVII вѣка; за примѣрами ходить недалеко: Останкинская церковь имѣетъ наличники въ этомъ родѣ. Затѣмъ идутъ тонкія колонки съ кубическими капительками и такими-же базами; колонка каждой стороны состоитъ собственно изъ двухъ колонокъ, поставленныхъ другъ на друга и раздѣленныхъ крохотными парными балясинками; каждая колонка имѣетъ по срединѣ распушку; подъ колонками подвѣшены и надъ колонками поставлены въ опрокинутомъ видѣ небольшія капли или подвѣски. Всё это формы вполнѣ русскія и встрѣчаются часто въ нашемъ церковномъ зодчествѣ, напр.: на той-же Останкинской церкви. Что-же касается до среднихъ распушекъ на колонкахъ, то они украшаютъ собою колонки чуть-ли не всѣхъ нашихъ церковныхъ входовъ XV, XVI и XVII вѣка *) и несомнѣнно перенесены на камень съ дерева, какъ это показываетъ рѣзной наличникъ входной двери церкви св. Іоанна Богослова „на Ишнѣ", близь Ростова Великаго **). Да и вообще вся эта отдѣлка тонкими колонками съ распушками есть ничто иное какъ повтореніе деревяннаго пріема, въ доказательство чего мы укажемъ на деревянный дверной наличникъ церкви с. Дмитрова, Весьегонскаго уѣзда, Тверской губерніи, который имѣетъ совершенно подобную отдѣлку ***). Наконецъ

*) См. напр. у Шохина таб. 10 и 23, «Зодчій» 1879 г., листъ № 17 и пр.

**) См. «Зодчій» 1879 года, листъ № 16.

***) См. у Шохина, листъ № 3.

облицовка стѣны вокругъ окна представляетъ весьма своеобразное очертаніе, въ иныхъ мѣстностяхъ не повторяющееся, а ея верхній мысокъ, столь смѣло прорѣзывающій карнизъ, ничего каменнаго не имѣетъ и несомнѣнно ведетъ свое начало отъ деревянной крыши бочкой. На этомъ и заключаются всѣ самобытныя особенности, потому что въ завитушкахъ и листвѣ изразцоваго узора нельзя отрицать вліянія стиля Возрожденія.

Тоже самое мы замѣчаемъ и на карнизѣ западной пристройки церкви Николы Мокринскаго (таб. XI).

Это тотъ-же почти лишенный свѣса карнизъ или скорѣе фризъ, состоящій изъ поясовъ, какой мы уже разбирали въ московскомъ изразцовомъ дѣлѣ. Къ русскимъ особенностямъ этого карниза, кромѣ общей формы, слѣдуетъ отнести также узоры нѣкоторыхъ подробностей; такъ напр. витые валы употреблялись постоянно какъ въ нашемъ каменномъ, такъ и въ деревянномъ художествѣ и притомъ не только въ зодчествѣ, но и въ разныхъ предметахъ домашняго и церковнаго обихода*). Здѣсь только перевивка выражена красками.

Далѣе узоръ полочки подъ валомъ нижняго и верхняго фриза представляетъ собою дословное повтореніе нашей крайне типичной деревянной порѣзки**). Наконецъ послѣдній весьма характерный узоръ — это ромбы верхней и средней полки. Перенесенъ этотъ узоръ съ нашей кирпичной архитектуры, гдѣ онъ выдѣлывается такъ: каменьщикъ беретъ кирпичъ, придаетъ ему наклонное положеніе и опускаетъ однимъ угломъ въ

*) См. напр. у Шохина, таб. № 28 или Зодчій 1879, листъ № 16.

**) Въ параллель см. «Зодчій» 1874 г., листъ. № 50 «Стряпушечій шкафъ».

горизонтальную поверхность жидкой бѣлой извести, причемъ этотъ уголъ окрашивается известью; повторивъ этотъ пріемъ относительно всѣхъ четырехъ угловъ онъ получаетъ кирпичъ съ бѣлыми углами и съ ромбической красной (кирпичной) серединой. Карнизы, сложенные изъ кирпича такого вида, до сихъ поръ еще попадаются въ подмосковныхъ постройкахъ. Въ нашемъ примѣрѣ мы несомнѣнно видимъ повтореніе этого пріема на изразцахъ.

Въ разводахъ и завиткахъ обоихъ фризовъ чувствуется вліяніе западнаго искусства.

На таб. I—V изображено тридцать штукъ изразцовъ, которые представляютъ собственно только семь узоровъ, а остальная разница заключается лишь въ различной раскраскѣ.—Изразцы эти расположены частью на боковыхъ стѣнахъ Тихвинской пристройки, а частью въ нижнемъ поясѣ ея карниза. На ширинкѣ съ изразцовымъ валикомъ (таб. VI) особенно ясно видѣнъ узоръ, составляющій подражаніе деревянной порѣзкѣ.

Таковы особенности памятниковъ изразцоваго дѣла въ Ярославлѣ.

Затѣмъ изразцы встрѣчаются еще на церковныхъ памятникахъ Ростова-Великаго, Борисоглѣбскаго монастыря, Романова-Борисоглѣбска и пр., но общее ихъ расположеніе, послѣ разсмотрѣнныхъ примѣровъ ничего новаго не представляетъ, а потому, мы ихъ здѣсь касаться не будемъ; но объ ихъ весьма любопытныхъ рисункахъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Изобильное примѣненіе изразцовъ въ ярославскомъ зодчествѣ, разсыпанныхъ съ такою щедростью, какая неизвѣстна

прочимъ отдѣламъ русскаго зодчества, невольно наводятъ на мысль, что Ярославль былъ нѣкогда центромъ обширнаго изразцоваго производства, подобно Москвѣ и Новому Іерусалиму. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ это предположеніе. — Наоборотъ, по мнѣнію мѣстнаго археолога и глубокаго знатока Ярославской старины В. И. Лѣствицына, на труды котораго мы уже указывали, изразцы въ Ярославлѣ не мѣстные, а привозные и въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Лѣствицынъ приводитъ столь вѣскія доказательства, что съ нимъ нельзя не согласиться*).

*) Мнѣніе это не было выражено достоуважаемымъ В. А. Лѣствицынымъ печатно, а любезно сообщено намъ въ частномъ письмѣ, выдержку изъ котораго мы, съ разрѣшенія автора, здѣсь помѣщаемъ.

Вотъ она:

«Съ XIII вѣка до 1621 г. въ Ярославлѣ были лишь двѣ каменныя церкви; прочія-же по-«стоянно были деревянныя. Съ 1621 года начали строиться здѣсь каменныя церкви, впрочемъ «такъ, что въ 1-й половинѣ 17 столѣтія построено было лишь 5, а во 2-й половинѣ 35 церквей, «остальныя же послѣ 17-го столѣтія. На всѣхъ ли изъ нихъ есть изразцы, или только на церквахъ «2-й половины столѣтія — я самъ не вижу, а спеціалисты ни перомъ, ни карандашемъ о томъ не сообщили.

. .

«Какъ бы то ни было на церквахъ нашихъ изразцы имѣются. Теперь представляется во-«просъ: кто-же дѣлалъ эти изразцы? Для разъясненія этого мы должны знать какъ назывались «художники этого рода въ тогдашнемъ обществѣ. Если съ этимъ вопросомъ мы обратимся къ «столицѣ государства Москвѣ, то узнаемъ, что здѣсь дѣятельное дворцовое управленіе давно уже «разузнало отъ иностранцевъ объ изразцовомъ производствѣ и успѣшно распространяло это знаніе, «такъ что во дворцѣ и городѣ были «ценинные мастера, мурамленики, мастера изразцоваго дѣла, «изразцовые мастера». Въ Ярославлѣ же на посадѣ, по переписнымъ книгамъ 710 году мастеро-«выхъ и ремесленныхъ людей было: иконописцовъ 30, серебрениковъ 42, золотарей 2, листового «золота мастеръ 1, кузнецовъ 100, плотниковъ 11, портныхъ мастеровъ 46, шапошниковъ 33, «сапожниковъ 102, оконишниковъ 25, мѣдниковъ 18, узденниковъ 13, крашенинниковъ 30, гре-«бенщиковъ 22, овчиниковъ 8, баранщиковъ 32, сыромятниковъ 19, скорняшниковъ 19, шляпни-«ковъ 7, щетиниковъ 16, шубниковъ 4, столяровъ 4, оловянишниковъ 16, кожевниковъ 86, рукав-«шиниковъ 295, всего 971 человѣкъ. Что-же слѣдуетъ изъ разсмотрѣнія послѣдняго списка и

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ указать на то обстоятельство, что всѣ только что разсмотрѣнныя нами церкви построены во второй половинѣ XVII вѣка, а это еще разъ подтверждаетъ нашу мысль, что полный разцвѣтъ изразцоваго дѣла настаетъ у насъ лишь въ XVII столѣтіи.

Н. Султановъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ томѣ).

«сличенія его съ предъидущимъ? Слѣдуетъ то, что въ Ярославскомъ спискѣ нѣтъ ни указанія, «ни намёка на тѣхъ лицъ, которые производятъ изразцы. Отсюда выводимъ, что въ Ярославлѣ «своихъ производителей изразцовъ не было. Но возразятъ: если не было производителей изразцовъ, то откуда же взялись изразцы несомнѣнно здѣсь существующіе? Представляется, что единственнымъ источникомъ для полученія Ярославлемъ изразцовъ могла быть только Москва, въ «которой можно было купить этого товара, если онъ находился на лицо, въ потребномъ количествѣ, «въ противномъ случаѣ заказать и получать по изготовленіи. Доставка же сюда не представляла «конечно особыхъ затрудненій, такъ какъ разстояніе между городами небольшое и дороги лучшія «въ государствѣ. Послѣднее потому, что мѣстность эта есть знаменитый царскій путь. Кромѣ «того можно было выписать изъ Москвы самого мастера изразцоваго дѣла, который изготовитъ «требуемые изразцы на мѣстѣ изъ мѣстныхъ матеріаловъ и руками мѣстныхъ рабочихъ

«Что такое объясненіе согласно съ дѣйствительностью усматривается въ томъ, что описанная роль Москвы въ нашихъ губерніяхъ доселѣ практикуется по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ «отрасляхъ промышленности. Такъ, если сельская церковь захочетъ сдѣлать себѣ новый иконостасъ или вызолотить его и расписать стѣны живописью, то отправляетъ сначала посланіе или «парламентера въ губернскій городъ, а если тамъ неудача, то въ Москву, которая обыкновенно «не отказываетъ въ просьбѣ и, присылая довѣренное лицо, исполняетъ порученіе достохвально.

«При такомъ объясненіи дѣлается понятнымъ, какъ это въ Ярославлѣ изразцы XVII вѣка «существуютъ, а производителей этихъ изразцовъ не оказывается.

. .

В. Лѣствицынъ.

NB. Когда этотъ листъ былъ уже напечатанъ, В. И. Листвицынъ выразилъ свой взглядъ печатно въ Ярослав. губ. вѣдомостяхъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ОДЕЖДЪ.

ПЕРІОДЪ ПРЕДЪИСТОРИЧЕСКІЙ.

Предполагая представить нагляднымъ образомъ образчики древнихъ рускихъ одеждъ, мы не беремъ на себя намѣренія излагать исторію этого предмета. Какъ намъ кажется, мы еще не доработались до возможности приняться за такого рода трудъ, съ тѣмъ, чтобы онъ удовлетворялъ вполнѣ научнымъ требованіямъ. Прежде всего нужно собрать матеріалы, привести ихъ въ систему и, такимъ образомъ, подготовить и облегчить путь тѣмъ, которые пожелаютъ заняться этою важною вѣтвію археологіи, примѣняя къ ней научные способы. Съ этою цѣлію мы рѣшились издать, на сколько возможно въ порядкѣ, всѣ тѣ изображенія, какія только могутъ дать понятіе о томъ, какъ одѣвались и наряжались наши предки.

Мы начинаемъ со временъ отдаленной древности и не только помѣщаемъ въ нашемъ изданіи тѣ изображенія, которыя можемъ съ достовѣрностію признать за изображеніе русскихъ одеждъ, или о которыхъ знаемъ, что они были въ свое время составляемы съ сознательною цѣлію изобразить русскихъ людей, но въ виду

бо́льшаго уясненія предмета дадимъ у себя мѣсто и нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которыя относятся собственно къ другимъ славянамъ, но представляютъ замѣчательное сходство или подобіе съ рускими одеждами и уборами, а также отчасти и тѣмъ, которые могутъ относиться вовсе не къ рускимъ людямъ и не къ славянамъ, если только въ этихъ изображеніяхъ мы встрѣчаемъ сходство съ русскими и славянскими признаками и если, притомъ, такое сходство по нашему мнѣнію, можетъ повести къ какимъ нибудь болѣе или менѣе значительнымъ соображеніямъ и заключеніямъ.

СКИѲСКІЕ ПАМЯТНИКИ.

Племена, населявшія всю южную Россію, у грековъ съ древнихъ временъ извѣстныя подъ общимъ названіемъ скиѳовъ, находились подъ вліяніемъ образованыхъ греческихъ колоній, распространившихся по берегамъ Чернаго и Азовскаго моря. Кромѣ греческихъ указаній, начиная съ Иродота, самые скиѳскіе памятники, постоянно открываемые въ землѣ, ясно подверждаютъ это. Но для насъ важно то обстоятельство, что, между многими памятниками, открытыми въ могилахъ, гдѣ погребены были скиѳскіе цари и другія знатныя личности, встрѣчаются то вазы, то другія произведенія и украшенія, на которыхъ изображены скиѳы съ разными принадлежностями и обстановкою своей жизни. Видно, что эти памятники — произведенія греческихъ художниковъ, и, какъ кажется, нарочно дѣлались для скиѳовъ. Такъ, напримѣръ, на извѣстной скиѳской вазѣ, найденной въ большомъ

царскомъ курганѣ (въ 1862—63 г.) на правомъ берегу Днѣпра, близь мѣстечка Никополя, находятся выпуклыя изображенія скиѳскихъ народовъ въ обыкновенныхъ ихъ любимыхъ занятіяхъ — ухаживающихъ за лошадьми (скиѳы извѣстны были у грековъ какъ искусные наѣздники). Одни ловятъ и убираютъ своихъ лошадей; другіе сѣдлаютъ ихъ, а иные путаютъ имъ переднія ноги, не допуская далеко уходить съ своихъ пастбищъ. Этотъ обычай путать лошадей, какъ извѣстно, общеупотребителенъ у насъ въ Россіи.

Изображеніе скиѳовъ на этой вазѣ, которую относятъ къ IV вѣку до Р. Х. для насъ очень важно, какъ драгоцѣнный матеріалъ при изслѣдованіи древнѣйшихъ нашихъ одеждъ до историческаго періода. При сравненіе этихъ одеждъ съ славянскими и преимущественно съ Русскими послѣдующихъ періодовъ, мы встрѣчаемъ сходные признаки.

ЗОЛОТОЙ СОСУДЪ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ СКИѲОВЪ IV ВѢКА НАЙДЕННЫЙ ВЪ КУЛЬОБСКОЙ ГРОБНИЦѢ.

Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится золотой сосудъ, найденный въ Кульобской гробницѣ; его относятъ къ IV вѣку; на немъ выпуклыя изображенія скиѳовъ. Они представлены здѣсь послѣ битвы, какъ можно догадываться по изображеніямъ скиѳовъ, дѣлающихъ другъ другу операціи. Двое изъ нихъ сидятъ, опершись на копья, и о чемъ-то совѣтуются; одинъ скиѳъ, ставши на одно колѣно, натягиваетъ титеву на лукъ. Этотъ за-

мѣчательный сосудъ, чисто греческаго произведенія, но сдѣланный по заказу какого нибудь знатнаго скиѳа и, вѣроятнѣе всего, скиѳскаго царя. Здѣсь тѣ же одежды что и на серебрянной большой вазѣ, найденной близь Никополя, гдѣ изображенія очень выпуклы, были сдѣланы отдѣльно и потомъ припаены на вазѣ. На золотой вазѣ фигуры менѣе выпуклы; оттого онѣ кажутся нѣсколько лучше сдѣланы, чѣмъ на серебрянной.

Скиѳы одѣты щеголеватѣе, чѣмъ на серебрянной вазѣ; на одеждахъ больше узоровъ; колчаны и другія принадлежности сдѣланы съ большимъ тщаніемъ и убранствомъ; сапоги надѣты сверхъ штановъ и уступней, перевязаны ремнемъ. Подобный покрой платья и узоры можно встрѣтить на славянскихъ и русскихъ памятникахъ.

ПЛАСТИНКИ И ДРУГІЯ ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ СКИѲОВЪ, НАЙДЕННЫЯ ВЪ СКИѲСКИХЪ ГРОБНИЦАХЪ.

На одной пластинкѣ изображены двѣ стоящія женщины; на другой — женщина, сидящая на стулѣ въ родѣ табурета; у ней на головѣ покрывало; вся ея одежда походитъ на древнія одежды русскихъ женщинъ; она держитъ въ рукѣ круглую вещь, вѣроятно, зеркало; противъ нея стоитъ маленькій скиѳъ, вѣроятно, ея сынъ, и что-то пьетъ изъ рога. Въ древности и у насъ, какъ и у многихъ другихъ народовъ, рога употреблялись для питья. Третья пластинка носитъ на себѣ изображеніе скиѳскаго всадника, ѣдущаго на лошади. На четвертой—изображеніе двухъ скиѳовъ, обращен-

ныхъ другъ къ другу спиной и стрѣляющихъ изъ лука. Эти фигуры совершенно сходны съ изображеніями на золотомъ сосудѣ, найденномъ въ Кульобской гробницѣ. Узорчатые штаны и сапоги и, въ особенности, верхняя одежда напоминаютъ наши древніе полушубки или лѣтніе кафтанчики. На пятой пластинкѣ отдѣльная фигура скиѳа въ кафтанчикѣ, подобномъ прежнему; въ правой рукѣ у него сосудъ, а лѣвая придерживаетъ колчанъ. Наконецъ, на шестой, замѣчательныя двѣ фигуры, вѣроятно, пьяныхъ скиѳовъ, прижавшихся другъ къ другу; оба держатъ одинъ рогъ, изъ котораго вмѣстѣ пьютъ.

Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ болѣе или менѣе есть нѣкоторое сходство съ древними нашими одеждами.

ТРАЯНОВА КОЛОННА.

На этомъ памятникѣ римской имперіи изображены Геты, Даки и Сарматы. Хотя и появлялись нѣкоторыя мнѣнія о принадлежности этихъ народовъ къ славянскому племени, но другое, противуположное и болѣе принятое наукою, мнѣніе причисляетъ первыхъ къ Ѳракійскому племени, а послѣднихъ, т. е. Сарматъ, считаетъ воинственными выходцами изъ Азіи, родственными, какъ показывали греческія свидѣтельства, древнимъ мидянамъ. Вообще вопросъ о происхожденіи этихъ народовъ до сихъ поръ окончательно не рѣшонъ: для изслѣдователей остается еще широкое поле. Мы отнюдь не вдаемся въ его разрѣшеніе, напротивъ, желаемъ, чтобы наши указанія существующихъ признаковъ

не остались лишними для историческихъ объясненій и относительно происхожденія этихъ народовъ, какъ и для нашей спеціальной цѣли. Ктобы ни были тѣ, которыхъ римляне изображали въ лицѣ дунайскихъ варваровъ, мы укажемъ только на тѣ сходства, какія мы встрѣчаемъ между уборами боровшихся нѣкогда съ Траяномъ и нѣкоторыми признаками русскихъ и славянскихъ одеждъ.

Кавалерія Даковъ здѣсь изображена съ завитыми волосами и бородами. Арабскій путественникъ Ибнъ-Хаукаль (X вѣка) говоритъ, что нѣкоторые изъ Руссовъ брѣютъ бороду, а другіе свиваютъ ее наподобіе лошадиной гривы и окрашиваютъ желтой или черной краской. О какихъ Руссахъ это говорится — пусть рѣшатъ оріенталисты. Во всякомъ случаѣ Ибнъ-Хаукаль видѣлъ на Волгѣ, слѣдовательно въ пашемъ отечествѣ, то, что описывалъ.

Типы Даковъ напоминаютъ Русскихъ. Рубашки ихъ съ разрѣзами на бокахъ подобны тѣмъ, какія можно видѣть на кіевскихъ и ладожскихъ фрескахъ. Колпаки похожи на тѣ, которые можно видѣть въ нашихъ русскихъ памятникахъ и долгое время сохранились на Руси, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались до сихъ поръ. На ногахъ постолы; рубашки съ прямымъ воротомъ, напоминающія тѣ, какія носятъ Малоросы и другіе, западные, славяне.

На изображеніяхъ Траяновой колонны, кромѣ разнообразія въ одеждахъ, замѣтна смѣсь и оружія; у иныхъ мечи прямые — короткіе, у другихъ они ввидѣ серповъ и длинныхъ кинжаловъ, а у нѣкоторыхъ въ рукахъ просто толстыя короткія дубины.

Женщины на Траяновой колоннѣ представлены съ повязанными на головѣ платками, которыхъ задняя часть спадаетъ до плечь; у иныхъ женщинъ, вѣроятно пожилыхъ, совсѣмъ покрыта голова, а у другихъ изъ подъ покрывала на лбу видны волосы: можетъ быть это или молодыя женщины, или дѣвицы. Подобный головный уборъ замѣчается у насъ съ давнихъ временъ. Одежда женщинъ на Траяновой колоннѣ состоитъ изъ обыкновенной длинной рубашки; сверхъ нея другая, которой нижняя часть щегольски приподнята выше колѣнъ и заткнута концомъ своимъ за поясъ. У нѣкоторыхъ рукава у плечь подвязаны и на шеи видны мониста.

ИЗОБРАЖЕНІЕ НА РѢЗНЫХЪ СКЛАДНЯХЪ ИЗЪ СЛОНОВОЙ КОСТИ IV ВѢКА.

Рѣзьба на слоновой кости—одна изъ распространенныхъ вѣтвей искусства въ Византіи. Въ разныхъ европейскихъ музеяхъ и церковныхъ хранилищахъ находится довольно уцѣлевшихъ образцовъ этого произведенія, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства. На рѣзьбѣ большею частію встрѣчаются изображенія религіозныя, но были также изображенія свѣтскаго характера, преимущественно относящіяся до личности императора, представляющія его самаго, или важныя обстоятельства и знаменитые подвиги изъ его жизни. Въ изображеніяхъ послѣдняго рода побѣды играютъ важнѣйшую роль и часто выражаются тѣмъ, что у ногъ побѣдителей побѣжденные народы изъявляютъ знаки покорности.

На одной такой рѣзьбѣ, относящейся къ IV вѣку, изображены побѣды Императора Констанція, гдѣ побѣжденные несутъ дары Императору. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на изображеніе побѣжденныхъ народовъ, на близкое сходство ихъ шапокъ или колпаковъ и вышивокъ на одеждѣ (рубашкѣ и штанахъ), также и обуви, съ подобными формами, бывшими у Русскихъ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ВЪ ЛИЦЕВЫХЪ МИНЕЯХЪ ИМПЕРАТОРА ВАСИЛІЯ МАКЕДОНЯНИНА X ВѢКА *).

Этотъ замѣчательный памятникъ византійскаго искуства, сдѣланный для Императора Василія Македонянина, заключаетъ въ себѣ множество прекрасныхъ миніатюръ, изображающихъ на каждый день извѣстнаго святаго, страданія мучениковъ, праздники и пр. Одна изъ такихъ миніатюръ для насъ интересна по изображеніямъ славянскихъ костюмовъ. Дѣйствіе представлено въ Болгаріи. На человѣкѣ, исполняющемъ казнь святыхъ, шапочка, опушенная мѣхомъ — какіе носили и русскіе; полушубокъ или короткій кафтанъ, опушенный тоже мѣхомъ и съ петлицами на груди: такой кафтанъ во всѣ времена носили и у насъ. Ножъ, кошелекъ и рожекъ висятъ у него на поясѣ; подобныя принадлежности обыкновенно носили и русскіе. Другой человѣкъ (постарше съ бородой) представленъ въ такомъ же, но только узорчатомъ кафтанѣ, безъ мѣховаго воротника и

Подлинникъ находится въ Римѣ въ Витиканской библіотекѣ; онъ изданъ оылъ въ 1727 г. съ латинскимъ и греческимъ текстами и плохими копіями съ миніатюръ.

опушки, и тоже съ нашитыми на груди петлицами. Эти изображенія могутъ безъ измѣненія служить образцомъ для древняго нашего костюма временъ Владимира. Хотя у насъ не сохранилось никакихъ русскихъ памятниковъ искусства того времени, но есть памятники XII и XIII и др. вѣковъ, на которыхъ можно встрѣтить такіе изображенія нашихъ русскихъ костюмовъ, какія представлены на миніатюрѣ лицевой Четіи Минеи императора Василія Македонянина. По этому, можно съ большою вѣроятностію полагать, что въ тотъ вѣкъ, къ которому относятся вышеуказанныя изображенія Болгарскихъ одеждъ, подобныя одежды были носимы и на Руси.

Въ слѣдующей книжкѣ Русскихъ Древностей — будутъ помѣщены матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ, періода чисто историческаго, начиная съ XI вѣка и съ приложеніемъ рисунковъ снятыхъ собственно съ русскихъ памятниковъ искусства.

В. П.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 28 января 1871 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПЕРВОЙ КНИЖКѢ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

1) Изображенія на скиѳской серебрянной вазѣ, найденной на правомъ берегу Днѣпра, близь мѣстечка Никополя, IV вѣка до Р. Х.

2) Изображенія на скиѳской золотой вазѣ, найденной въ Кульобской гробницѣ близь Керчи, IV вѣка до Р. Х.

3) Изображенія на скиѳскихъ золотыхъ пластинкахъ и друг. вещахъ найденныхъ въ скиѳскихъ гробницахъ, IV вѣка до Р. Х.

4)
5)
6)
7) } Изображенія на Траяновой колоннѣ. Начала II вѣка по Р. Х.

8) а. Снимокъ съ рѣзьбы на слоновой кости, изображающій побѣды Императора Констанція, IV вѣка по Р. Х.

б. Снимокъ съ миніатюры лицеваго подлинника Императора Василія Македонянина, IX — X вѣка по Р. Х.

Изображенія на скиѳской серебряной вазѣ, найденной на правомъ берегу Днѣпра близъ мѣстечка Никополя IV в. до Р. Х.

Изображенія на скиѳской золотой вазѣ, найденной въ Кульобской гробницѣ, близъ Керчи IV в. до Р. Х.

Изображенія на скиѳскихъ золотыхъ пластинкахъ и друг. вещ. найденныхъ въ скиѳскихъ гробницахъ, IV в. до Р.Х.

Лит. Прохорова В. О. по 6 пр. д. №25 3

Лит. В. Прохорова.

Изображенія на Траяновой колоннѣ.

4

Лит. В. Прохорова.

Изображенія на Траяновой колоннѣ.

5

Лит. Прохорова

Изображенія на Траяновой колоннѣ.

6

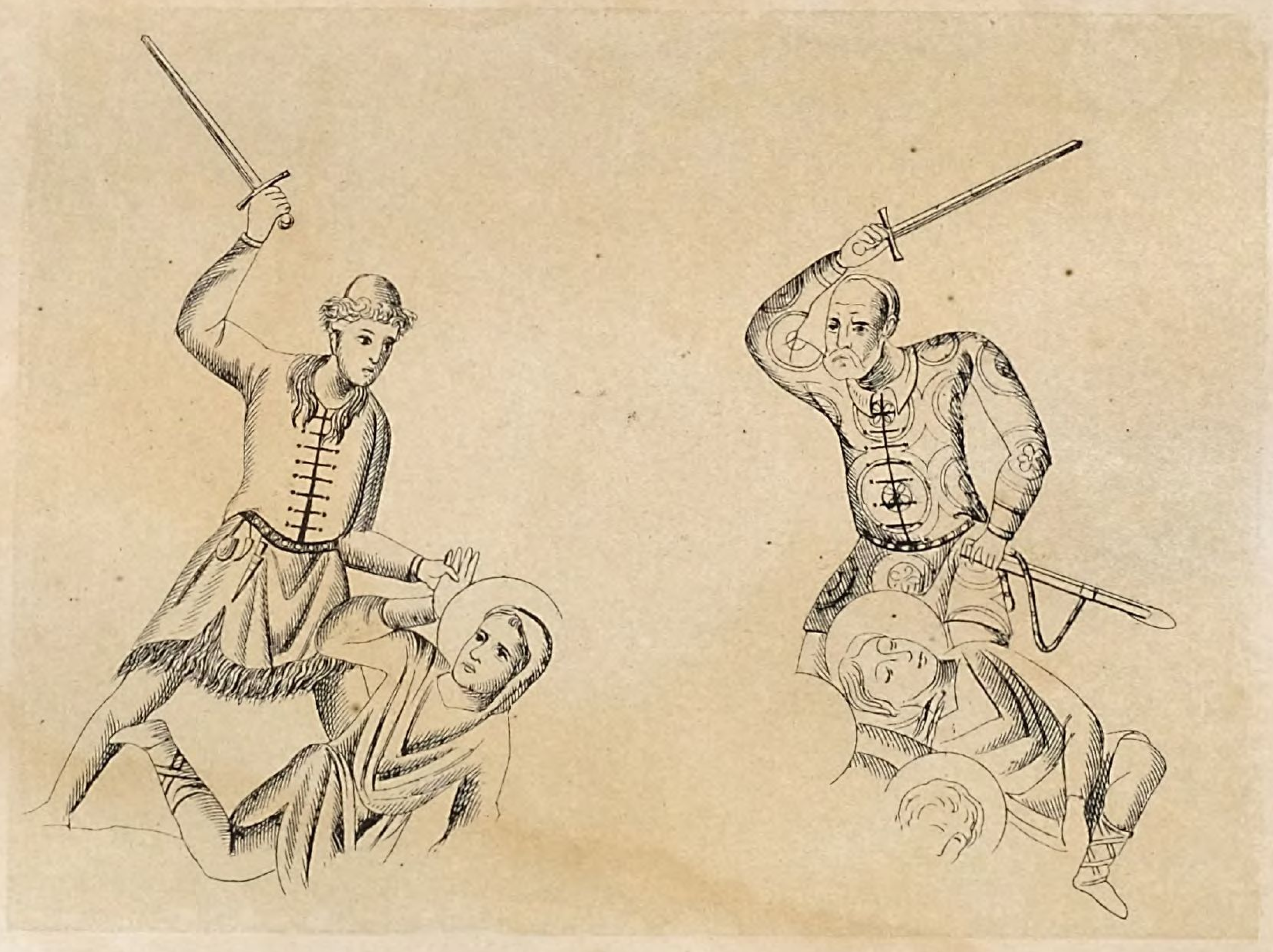
Лит. Прохорова В.О. 6 пр. д. № 25.

Изображенія на Траяновой Колоннѣ.

7

Снимокъ съ рѣзьбы на слоновой кости, изображающей побѣды Импер. Констанція IV в. по Р. Х.

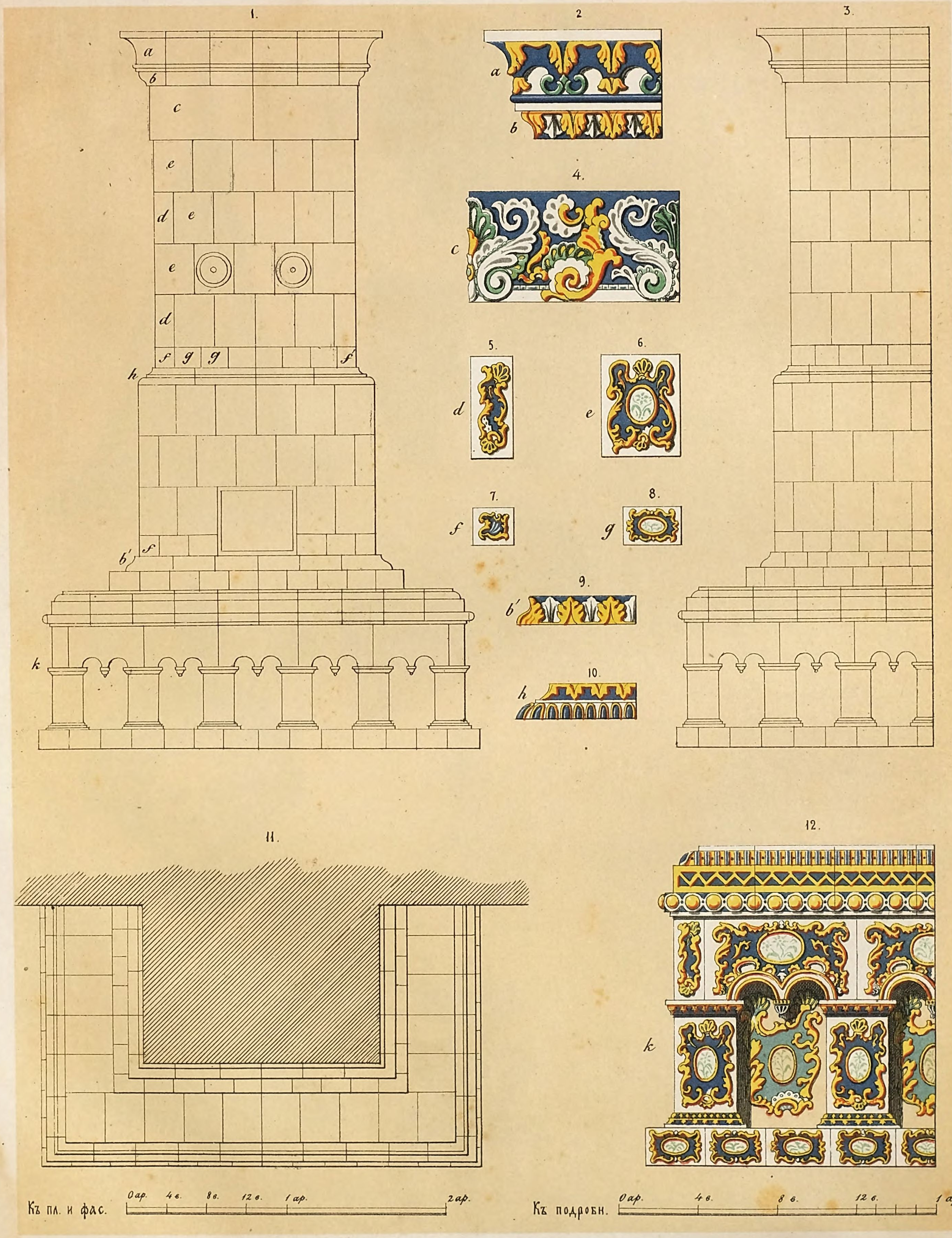
Снимокъ съ миніатюры лицеваго подлинника Импер. Василія Македонянина IX–X вѣка по Р. Х.

Лит. Прохорова.

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Таблица **А.** Печь въ Теремахъ въ Москвѣ (изъ обмѣровъ Н. Султанова).
„ **Б.** Шатеръ собора въ Суздалѣ. Печь въ Теремахъ (изъ альбома Н. Султанова).
„ I. Карнизные изразцы паперти ц. Тихвинской Б. М. въ Ярославлѣ.
„ II, III, IV и V. Карнизные изразцы паперти ц. Тихвинской Б. М. въ Ярославлѣ.
„ VI. Изразцы съ Нижегородской Сергіевской ц., находящ. въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.
„ VII. Изразцы съ Нижегородской Сергіевской ц., находящ. въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.
„ VIII. Карнизъ печи въ ц. Успенія Б. М. въ Макарьевскомъ монаст. Нижегородск. губ. Карнизъ печи въ домѣ Сапожникова въ г. Гороховцѣ Владим. губ. Изразцы въ ц. Св. Троицы въ Зубовѣ, въ Москвѣ. Изразцы въ Спасской ц. въ г. Бѣлозерскѣ.
„ IX. Изразцы ц. Грузинской Б. М. въ Москвѣ. Изразецъ д. Сапожникова въ Гороховцѣ (Влад. г.). Изразцовый полъ Зилантьева монастыря въ Казани. Изразцы Успенской ц. въ Гончарахъ въ Москвѣ.
„ X. Печь дома Шумиловой въ г. Гороховцѣ (Влад. губ.).
„ XI. Карнизъ паперти ц. Св. Николая Чудотворца въ Ярославлѣ.
„ XII. Печь дома Сапожникова въ г. Гороховцѣ (Влад. г.).

„ XIII. Ярославль. Алтарное окно ц. Іоанна Златоуста, что въ Коровникахъ.
„ XIV. Ярославль. Окно ц. Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ.
„ XV. Окно ризницы той же церкви.
„ XVI. Окно главнаго придѣла той же церкви.
„ XVII, XVIII и XIX. Ставни оконъ той же церкви.
„ XX. Ростовъ. Окно ц. Б. М. Одигитріи въ Кремлѣ.
„ XXI. Москва. Окно ц. Св. Николая Чуд., что въ Хамовникахъ.
„ XXII. Москва. Окно ц. Св. Николая Чуд., что въ Хамовникахъ.
„ XXIII. Балахна. (Нижегор. г.). Изразчатое окно ц. Бориса и Глѣба.
„ XXIV. Двери изъ главнаго придѣла въ сѣверный въ ц. Грузинской Б. М. въ Москвѣ.
„ XXV. Двери изъ главнаго придѣла въ Южный въ ц. Грузинской Б. М. въ Москвѣ.
„ XXVI. Печь въ бывшемъ архіерейскомъ домѣ въ Суздалѣ (Влад. г.).

Печь въ Теремахъ въ Москвѣ.

(изъ обмѣровъ Н. Султанова.)

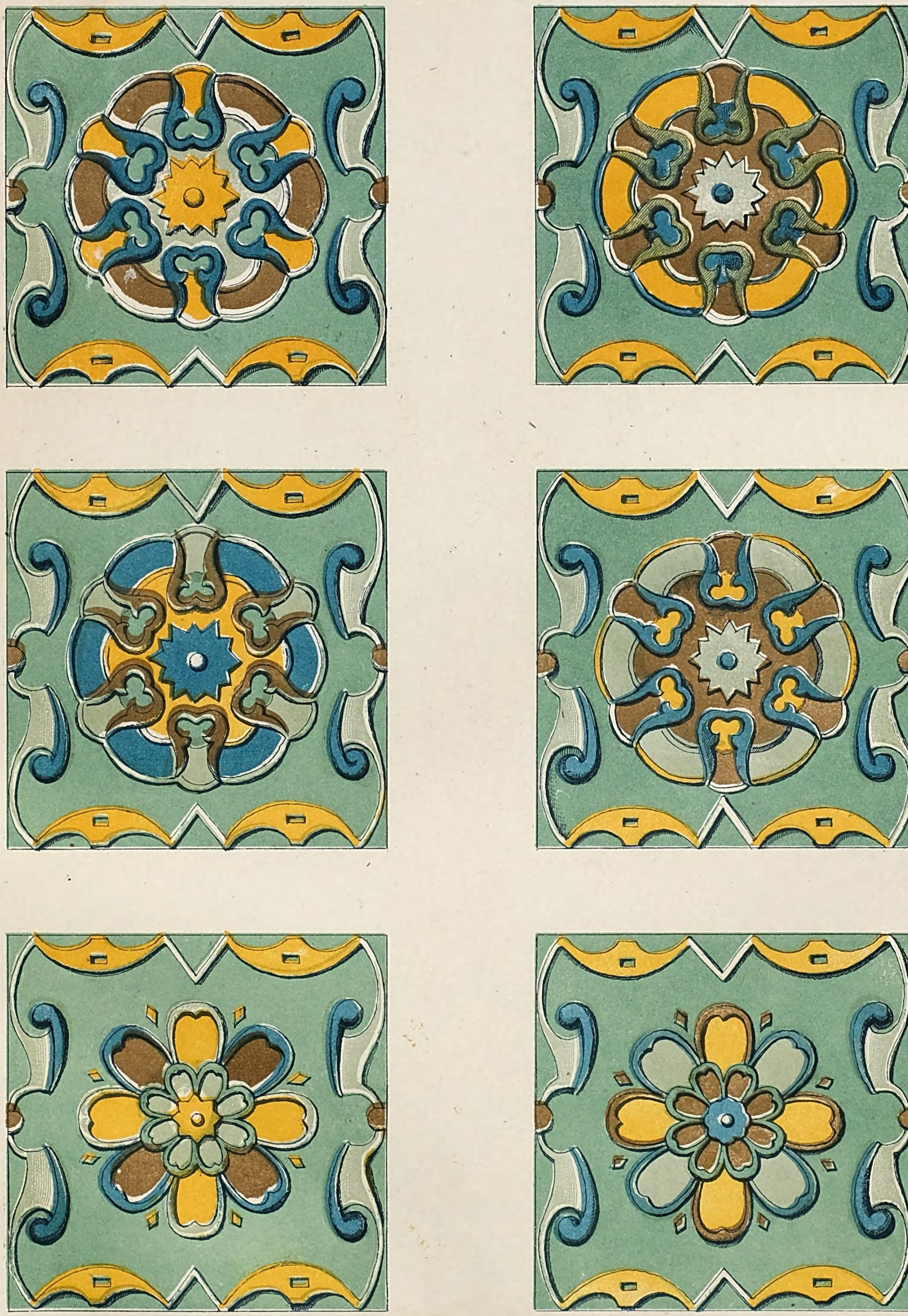
Лит. А. Прохорова.

1—Шатеръ собора въ Суздалѣ. 2, 4, 5 и 6—Кровельная черепица. 3 и 9—Печь въ Теремахъ. 10—Рюмка изразца. 7, 8 и 11—Городки печей.

(Изъ альбома Н. Султанова).

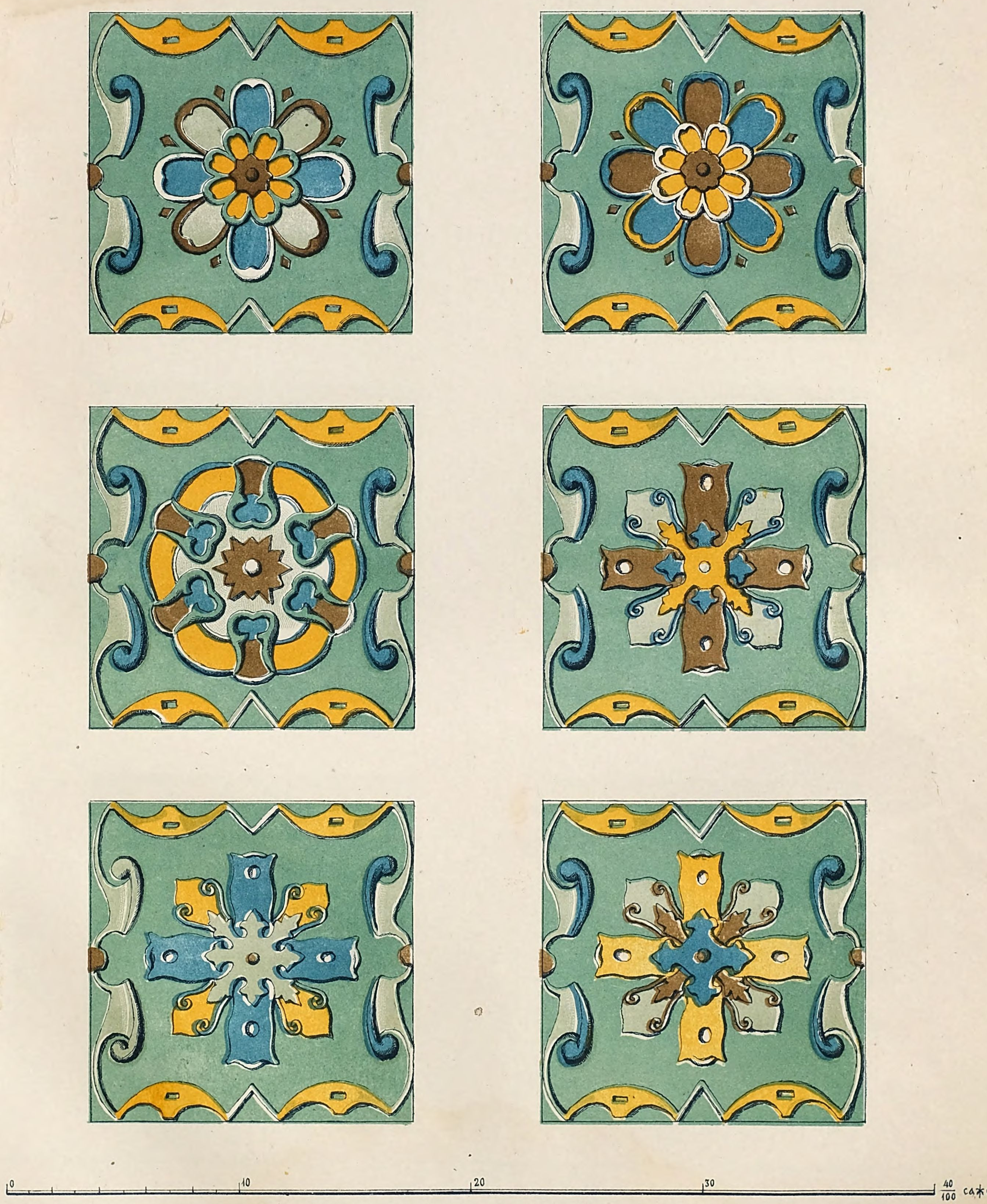
Лит. А. Прохорова.

0 10 20 30 40/100 сажени.

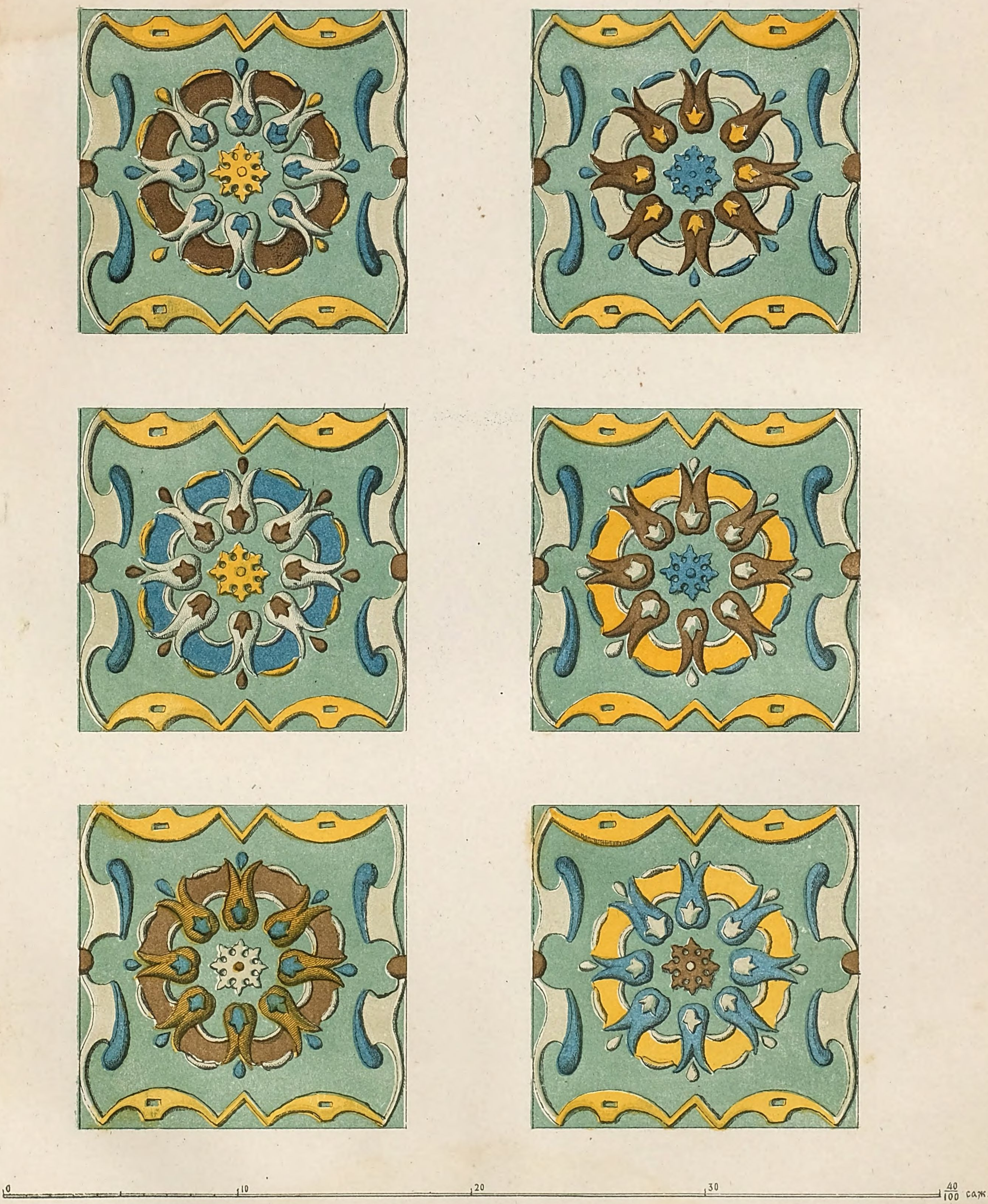
Карнизные изразцы паперти церкви Тихвинской Божьей Матери въ г. Ярославлѣ.

Лит. А. Прохорова.

Карнизные изразцы паперти церкви Тихвинской Божьей Матери въ г. Ярославлѣ.

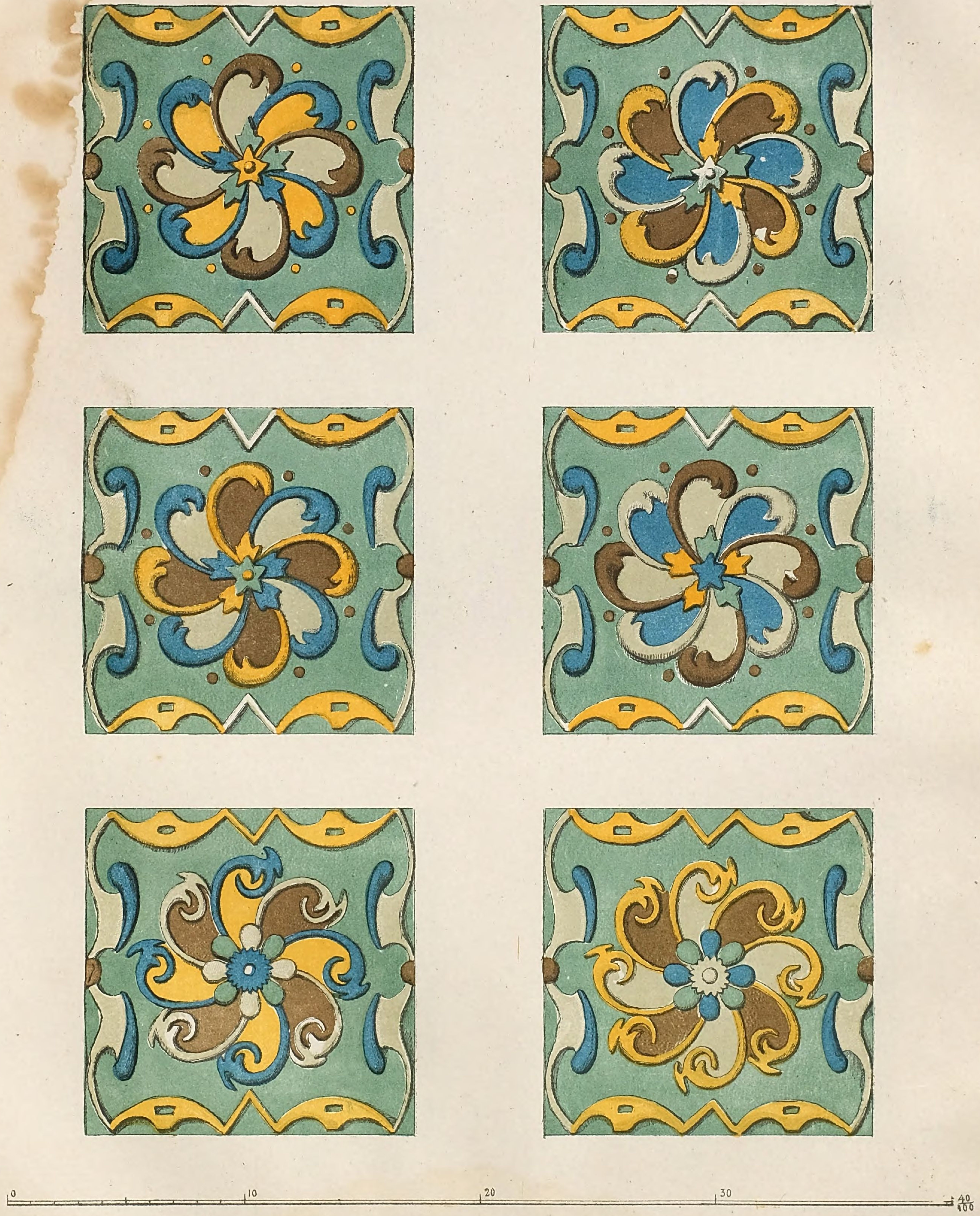
Лит. А. Прохорова.

Изразцы паперти церкви Тихвинской Божіей Матери въ г. Ярославлѣ.

(Изъ альбома А. Даля)

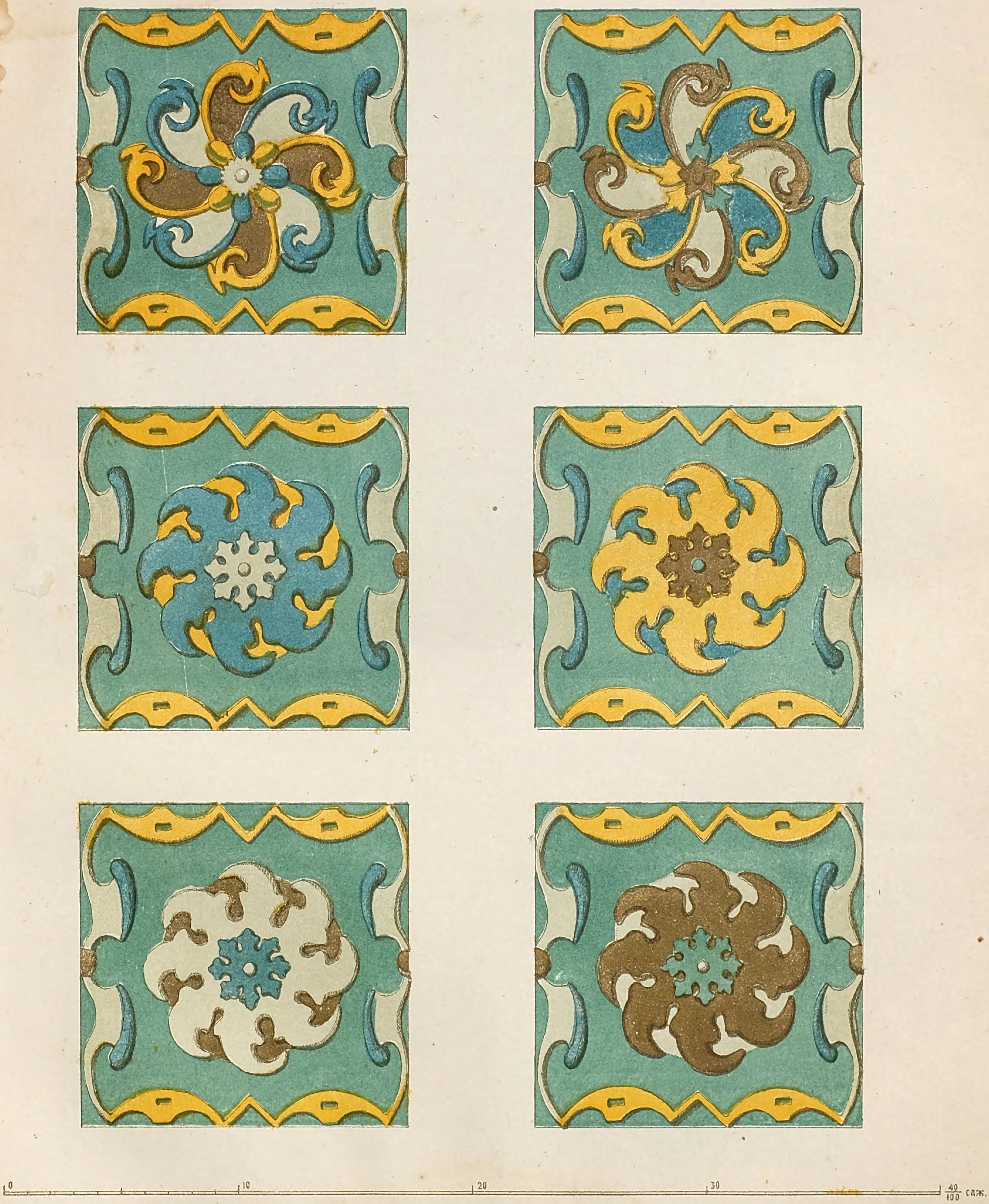
Лит. А. Прохорова.

Изразцы паперти церкви Тихвинской Божіей Матери въ г. Ярославлѣ.

(Изъ альбома Л. Даля).

Лит. А. Прохорова

Изразцы паперти церкви Тихвинской Божїей Матери въ г. Ярославлѣ.

Лит. Я. Прохорова.

0 10 20 30 $\frac{40}{100}$ саж.

Изразецъ паперти церкви Тихвинской Божїей Матери въ г. Ярославлѣ.

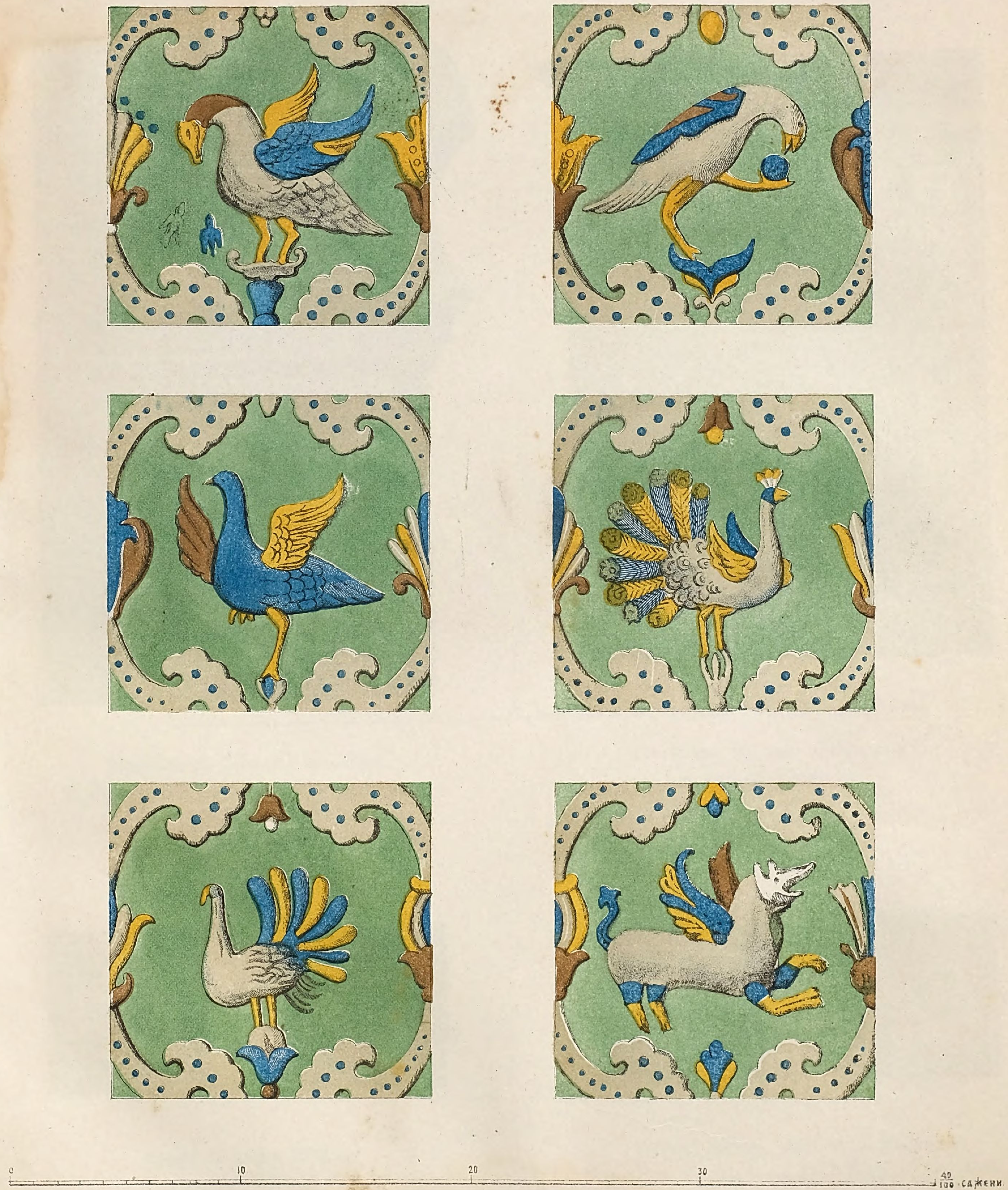

$5\frac{1}{3}$ верш.

Изразцы съ Нижегородской Сергїевской церкви,
находящїеся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

Лит. А. Прохорова.

Изразцы съ Нижегородской Сергіевской церкви,
находящіеся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.
(изъ альбома Л. Даля).

Лит. А. Прохоров[a]

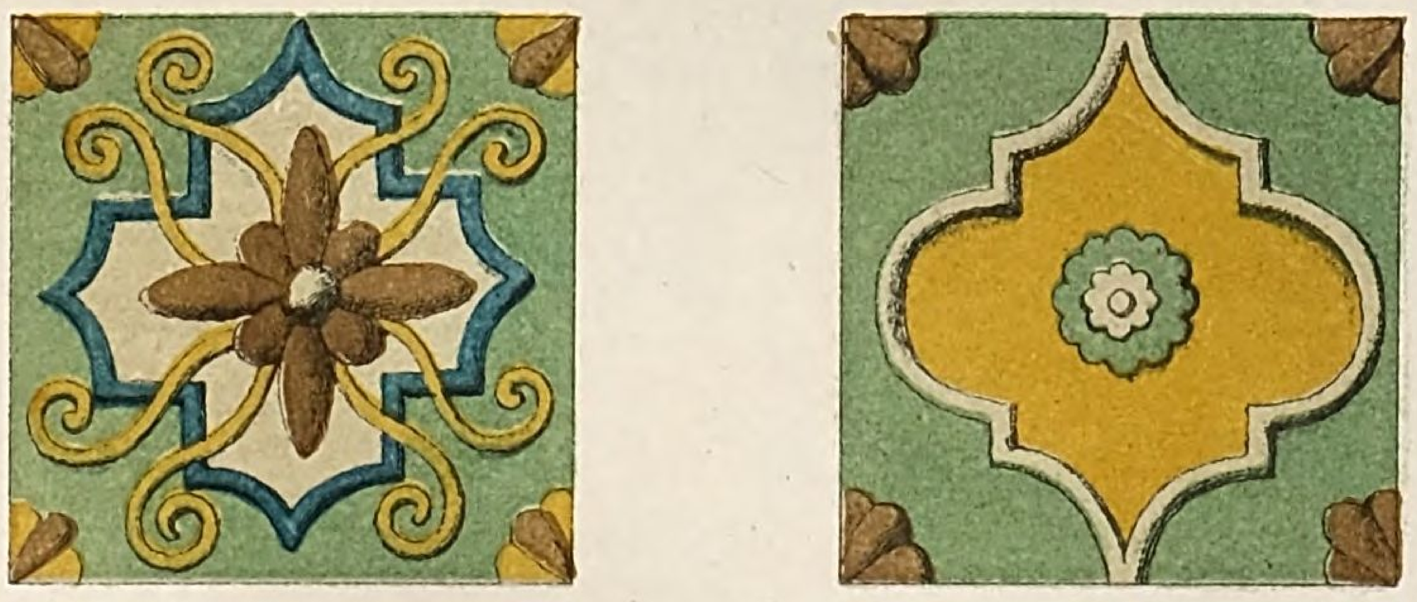

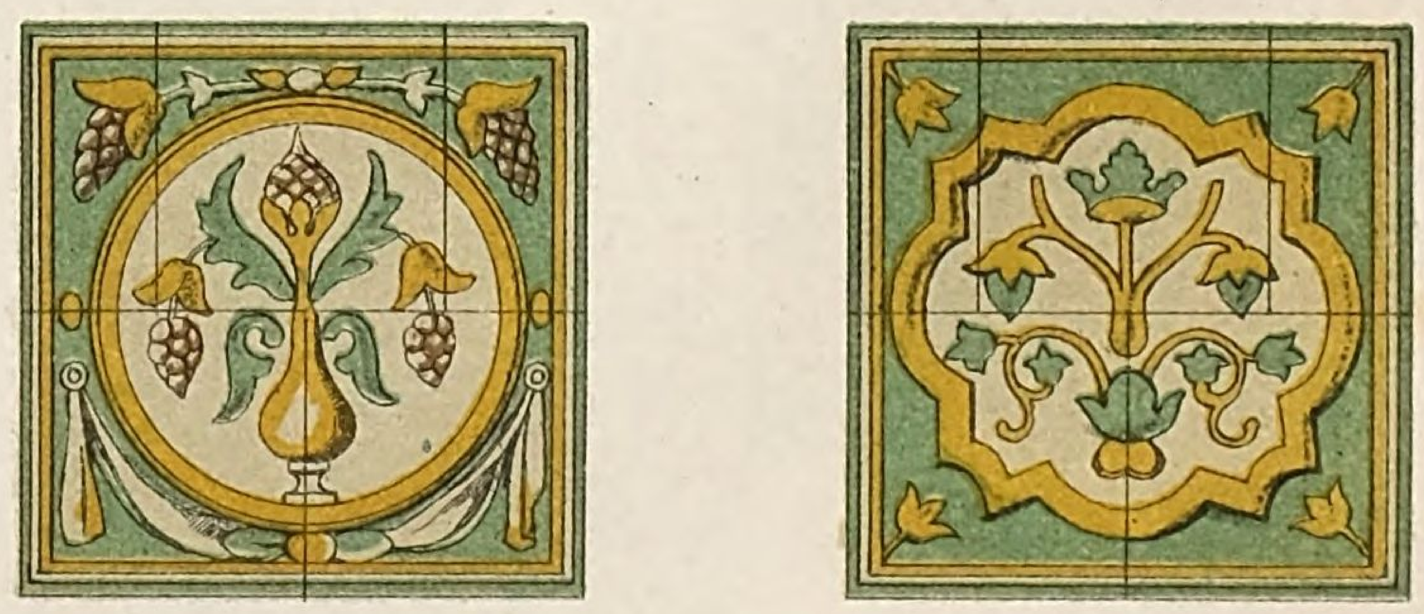

0 10 20 30 40/100 сажени.

Карнизъ печи въ церкви Усп. Пресв. Богород.
въ Макарьевскомъ монастырѣ Нижегородск. губерн.

Карнизъ печи изъ дома Сапожникова
въ Гороховцѣ Нижегор. губ.

Изразцы въ церкви Св. Троицы
въ Зубовѣ въ Москвѣ.

Изразцы Спасской церкви въ г. Бѣлозерскѣ.
(изъ альбома Л. Даля).

Лит. А. Прохоров

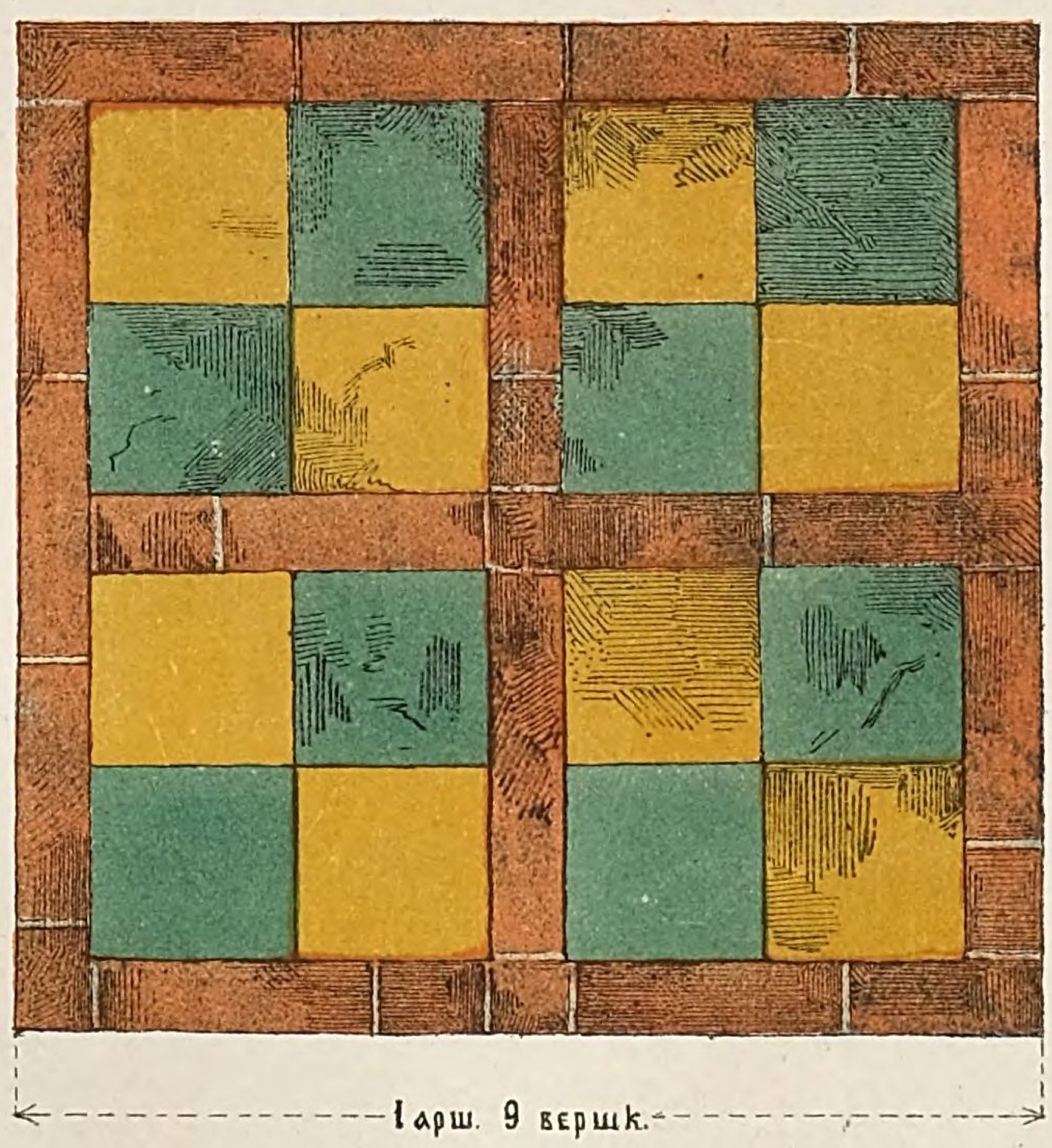
(Изъ альбома Л. Даля).

Изразцы церкви Грузинск. Бож. М. въ Москвѣ.

Изразецъ дома Сапожникова въ Гороховцѣ (Влад. губ.)

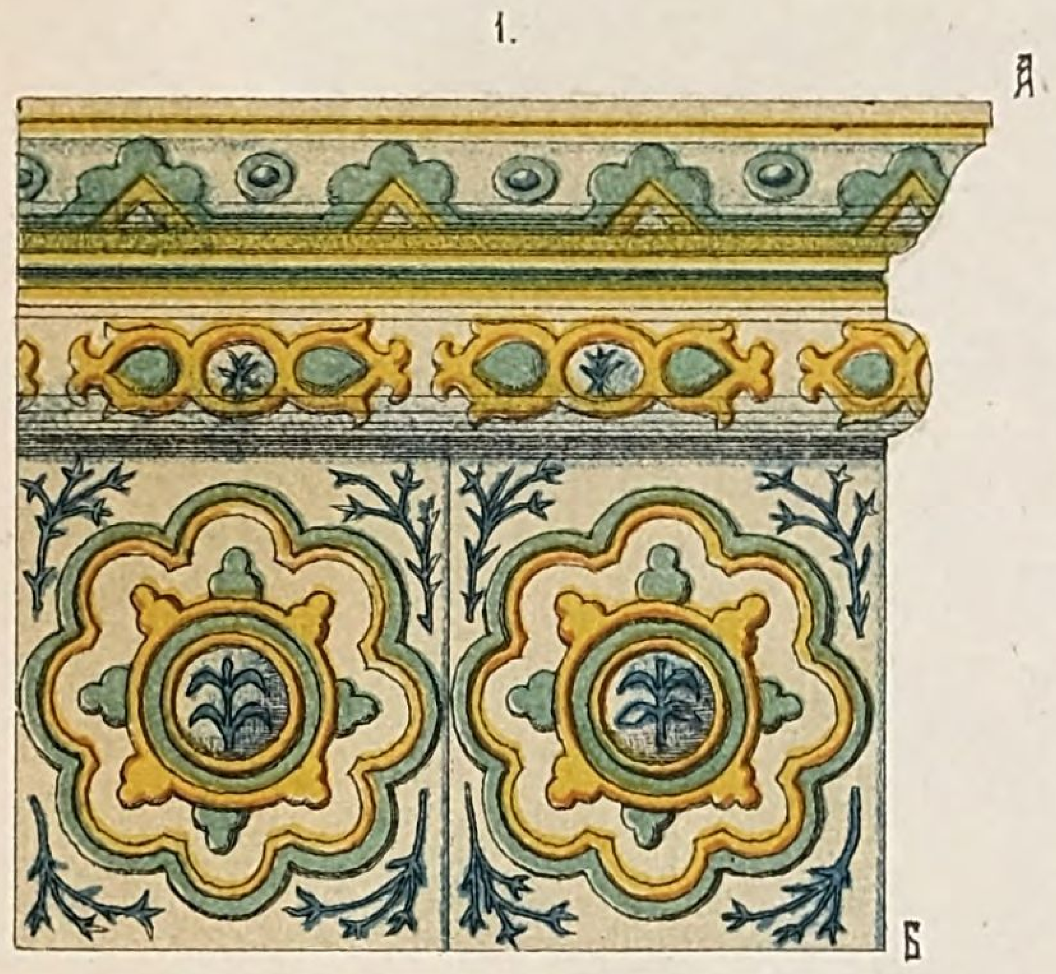

Изразцовый полъ въ Успенской церкви Зилантьева Монастыря, въ Казани.

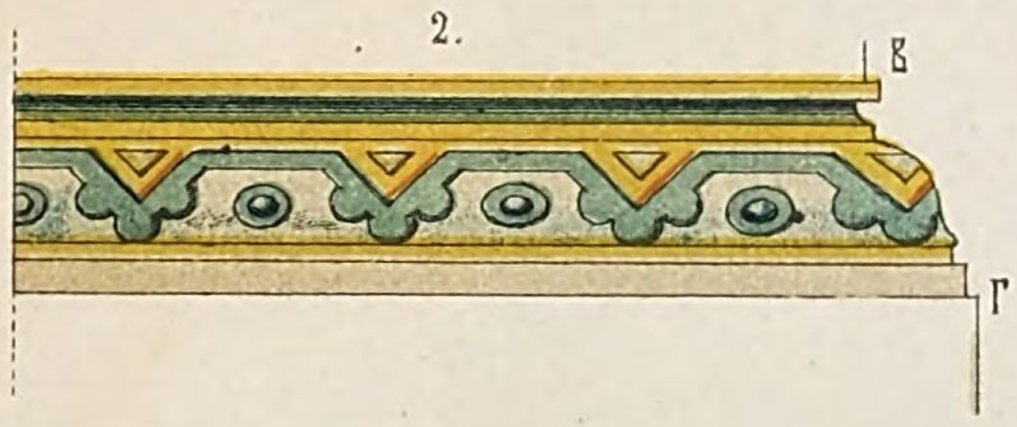

Изразцы Успенской церкви, въ Гончарахъ, въ Москвѣ.

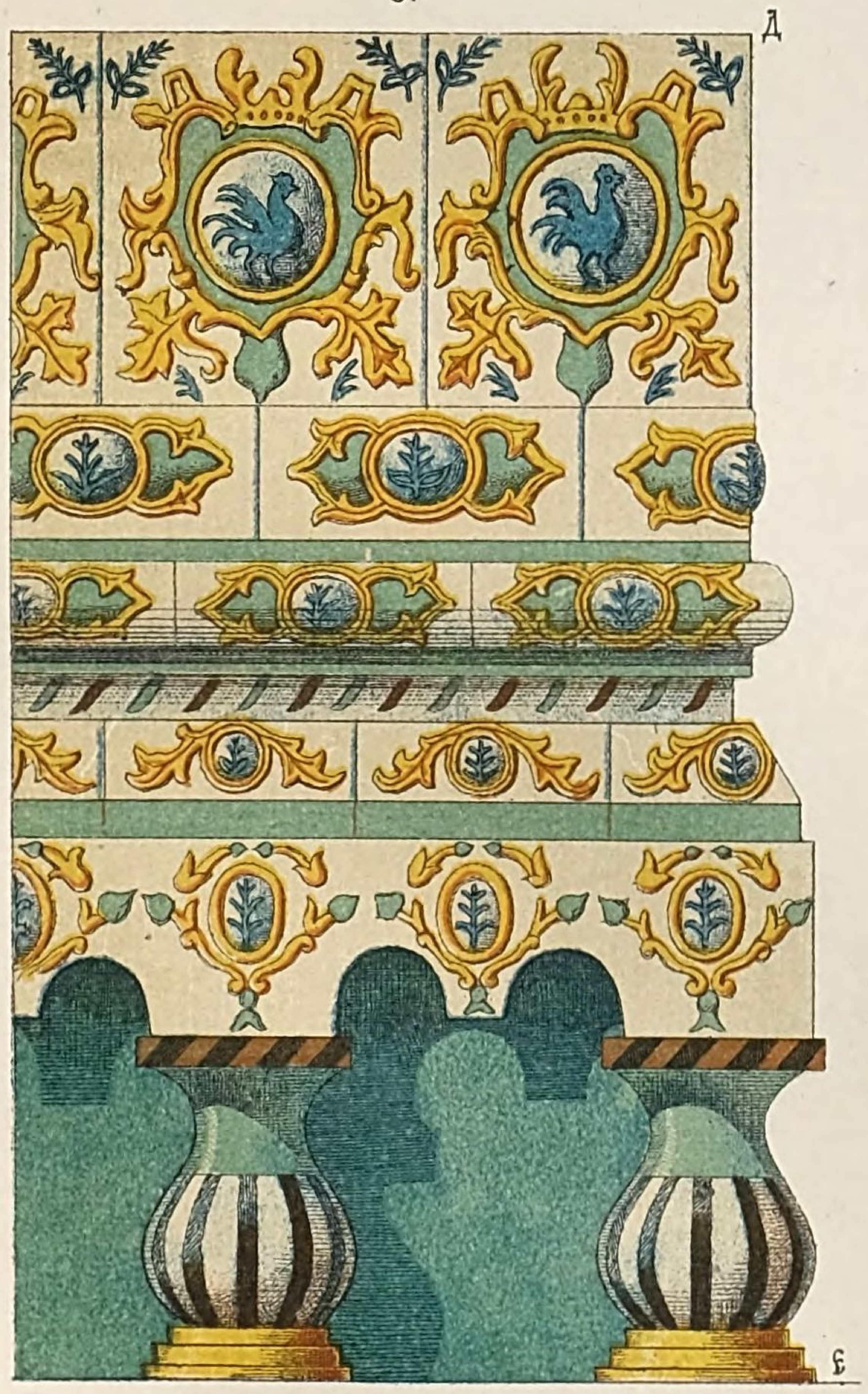
1.

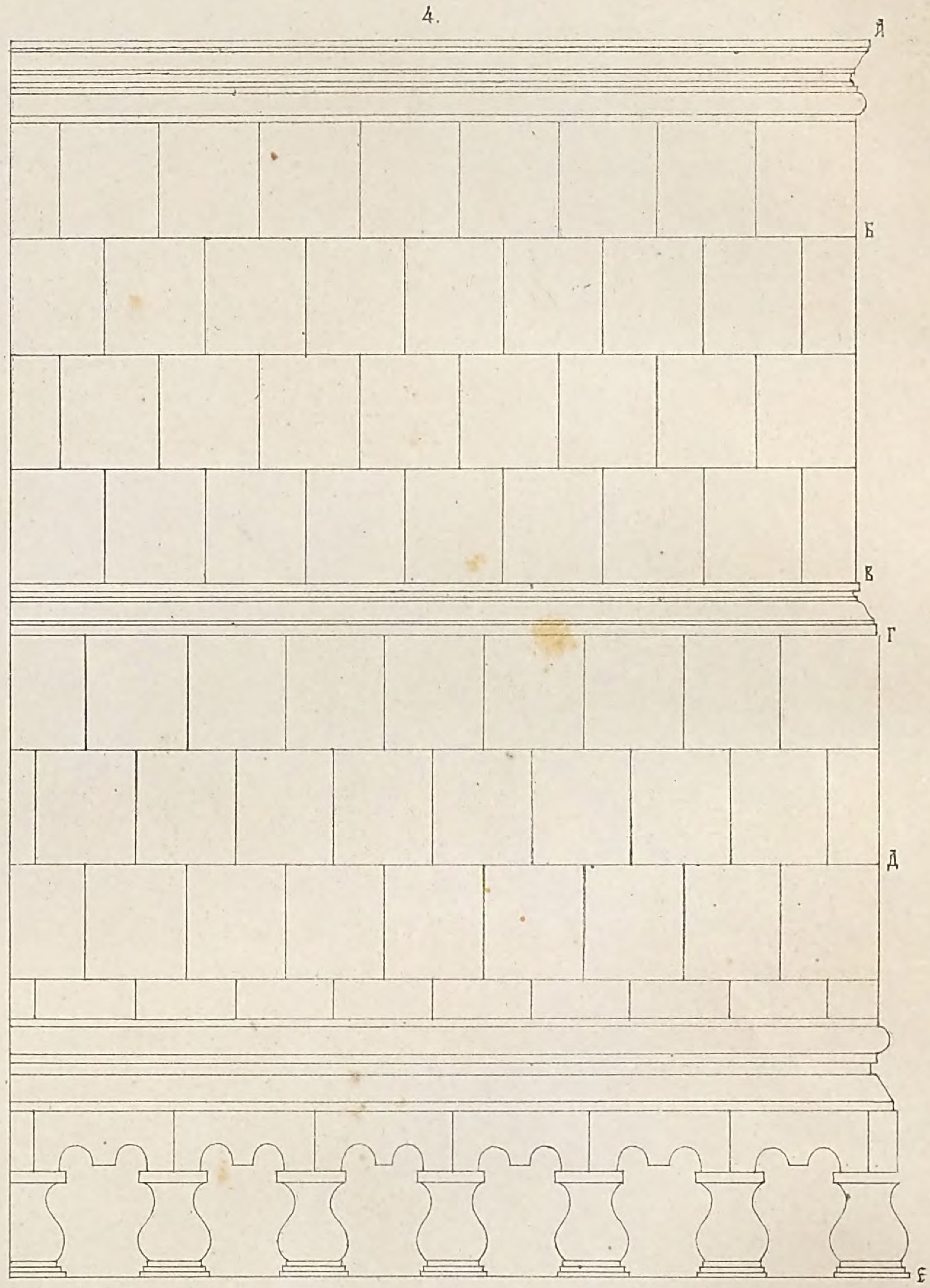
2.

3.

4.

(Къ фиг. 1, 2 и 3.) 0 10 20/100 сажени.

(Къ фиг. 4) 0 1 2 аршина.

Печь дома Шумиловой въ Гороховцѣ, Влад. губ.

(изъ альбома Л. Даля.)

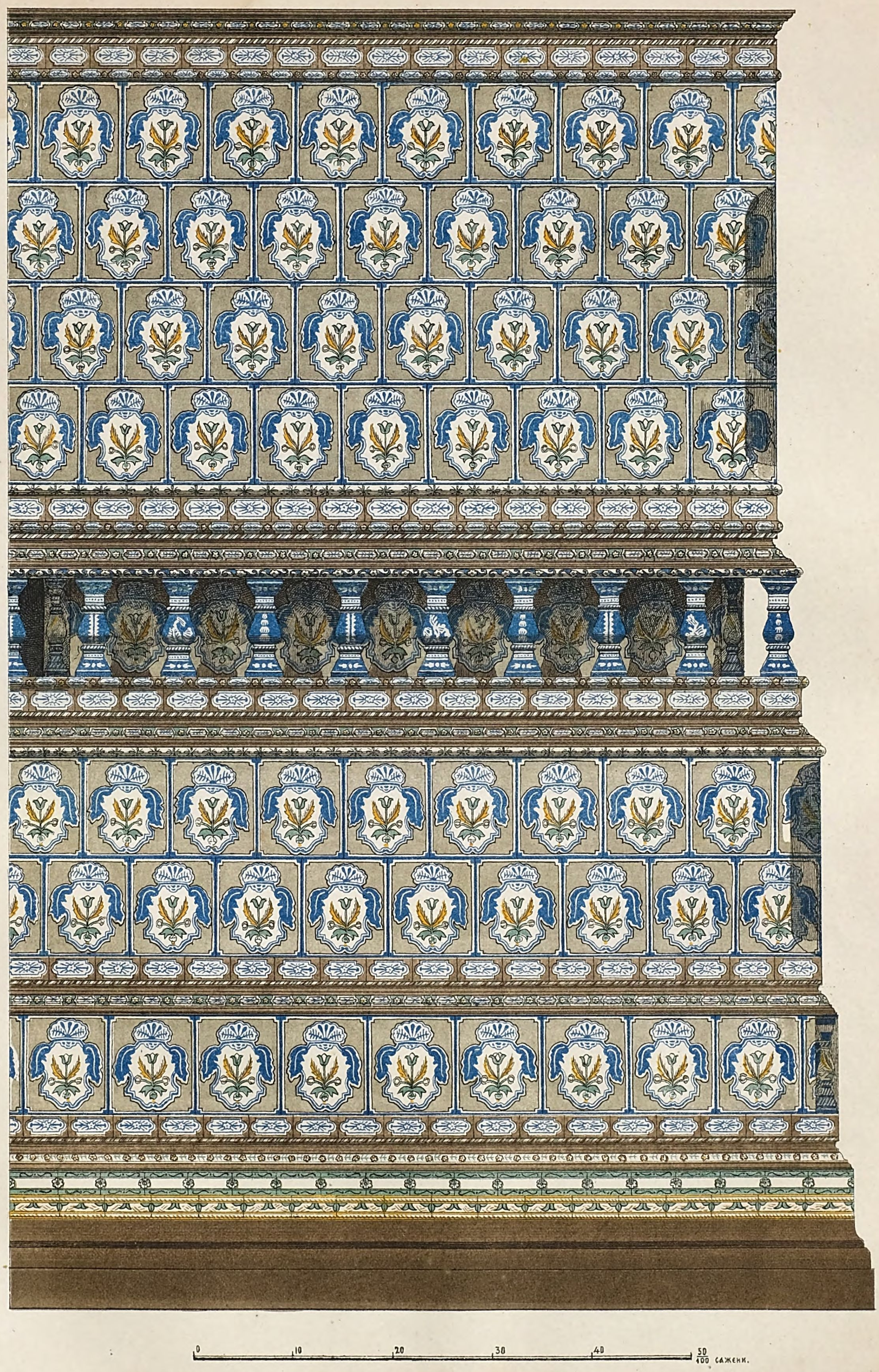
Лит. А. Прохорова.

Карнизъ паперти церкви Святителя Николая Чудотворца, въ Ярославлѣ.

(Изъ альбома Л. Даля).

Лит. А. Прохорова

Печь дома Сапожникова, въ Гороховцѣ (Владимірск. губерн).

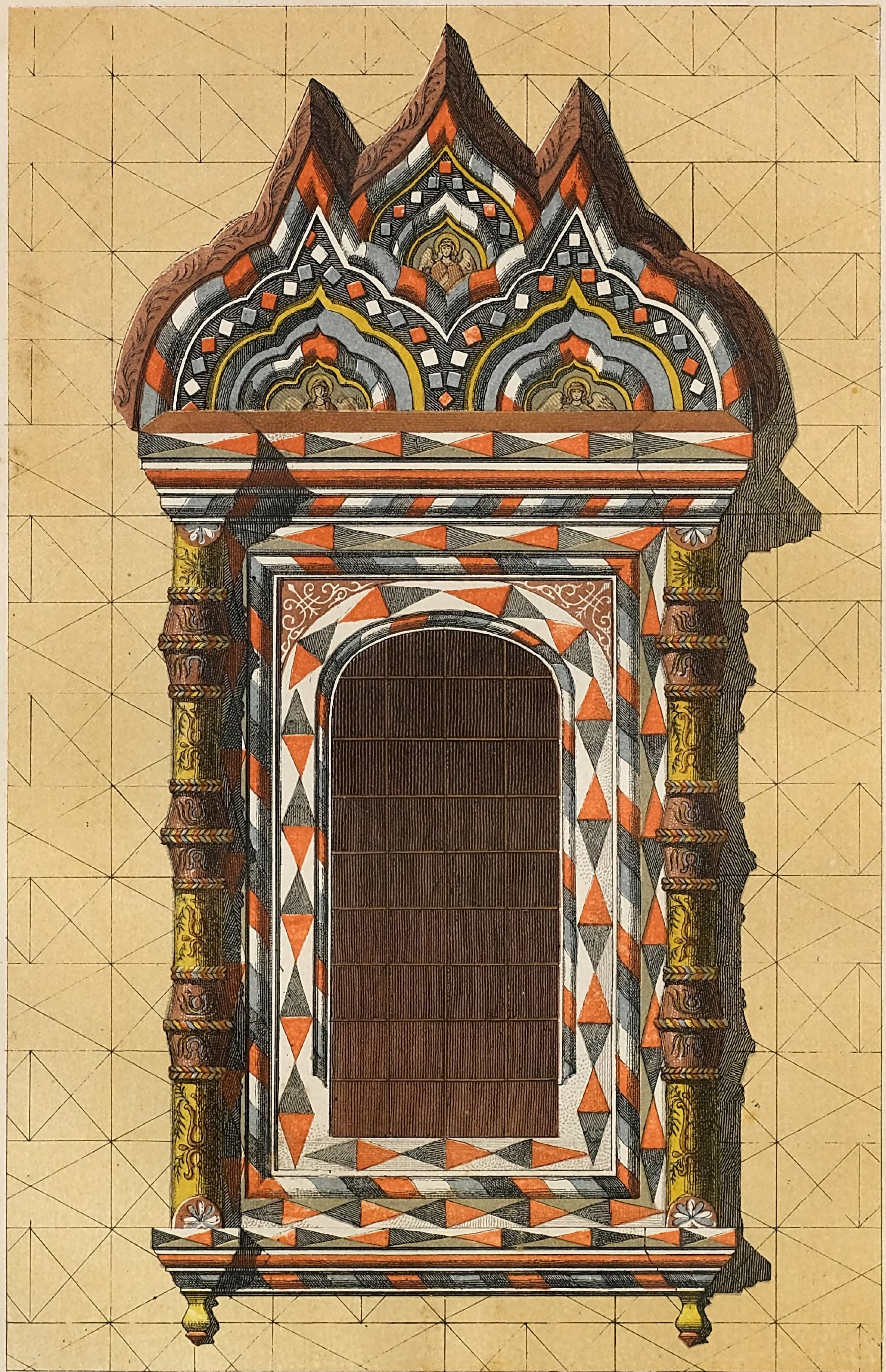
Изъ альбома Л. Даля.

Лит. А. Прохорова.

Лит. А. Прохорова.

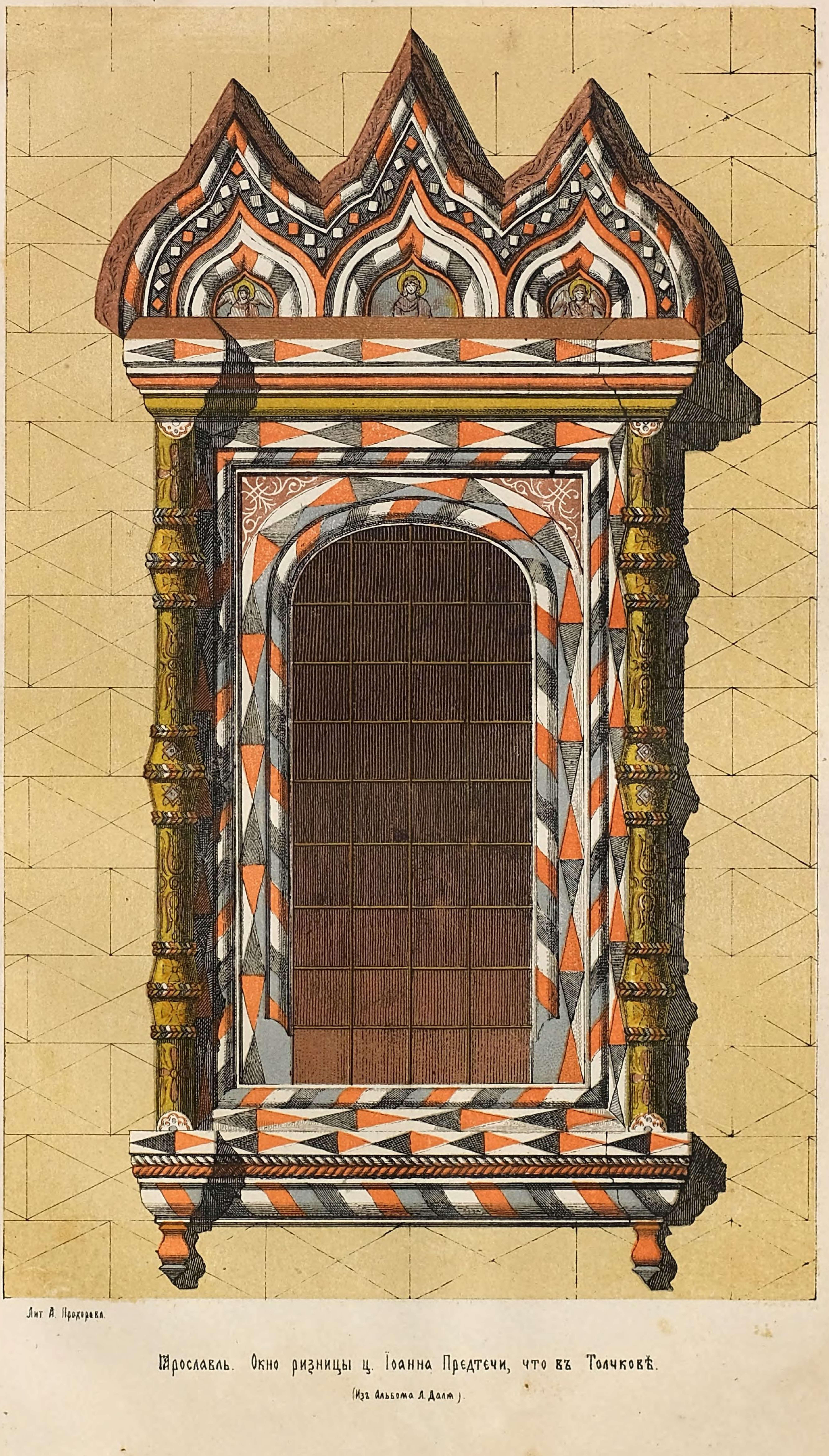
Ярославль. Алтарное окно церкви Іоанна Златоуста, что въ Коровникахъ. (изъ альбома Л. Даля)

Лит. А. Прохорова.

Ярославль. Окно южн. придѣла ц. Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ.

(Изъ альбома А. Даля.)

Лит А. Прохорова

Ярославль. Окно ризницы ц. Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ.

(Изъ Альбома Л. Даля).

Ярославль.
Окно главнаго придѣла церкви Іоанна Предтечи,
что въ Толчковѣ.

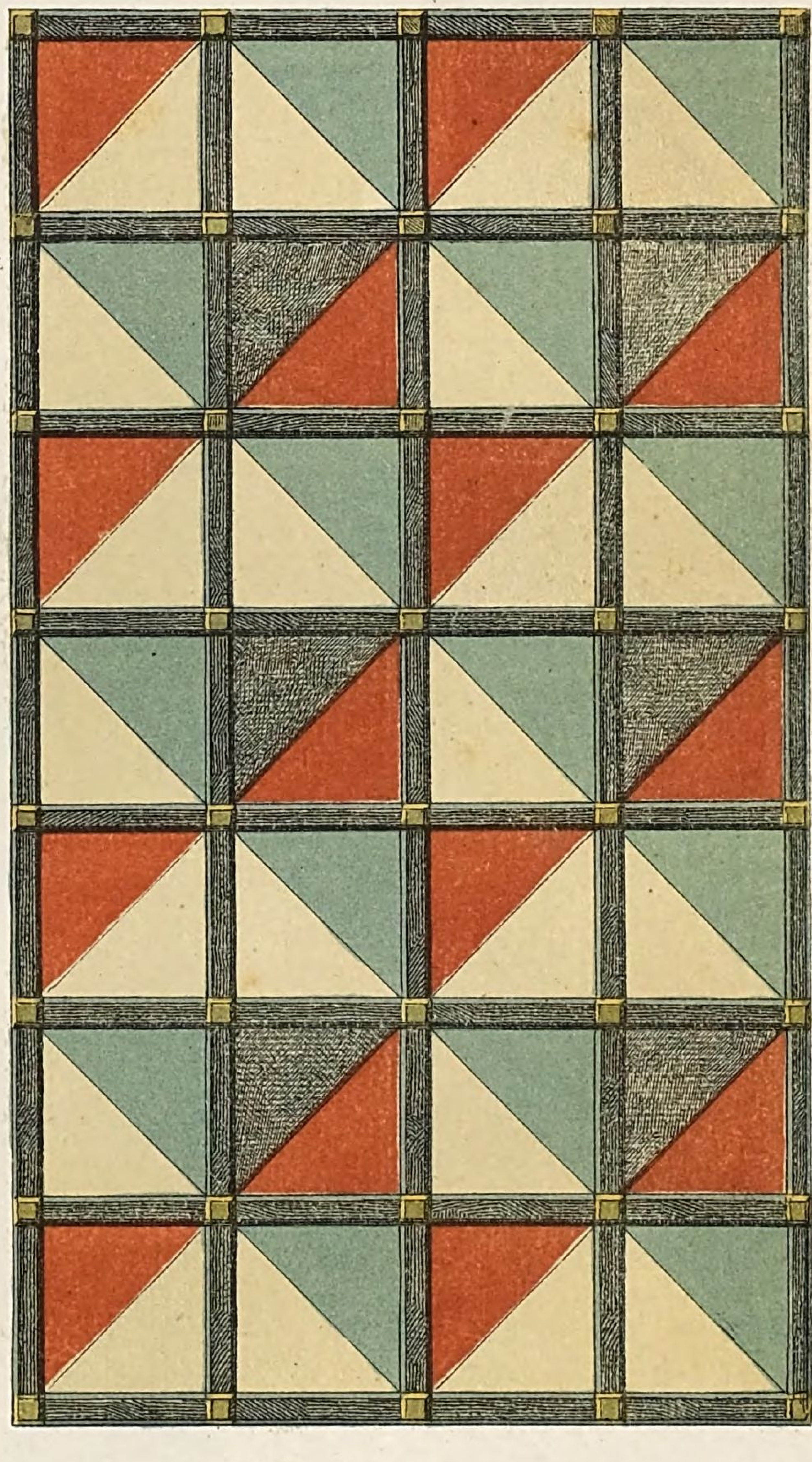
Лит. А. Прохорова

Ярославль.

Ставни оконъ ц. Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ.

Ставнѧ окна
южнаго придѣла.

Наружный видъ ставень,
(когда они закрыты)

Ярославль.

Ставни оконъ церкви Іоанна Предтечи,

что въ Толчковѣ.

Ставня окна главнаго придѣла.

(Изъ Альбома Л. Даля)

Лит. А. Прохорова.

Ярославль.

Ставни оконъ церкви Іоанна Предтечи,

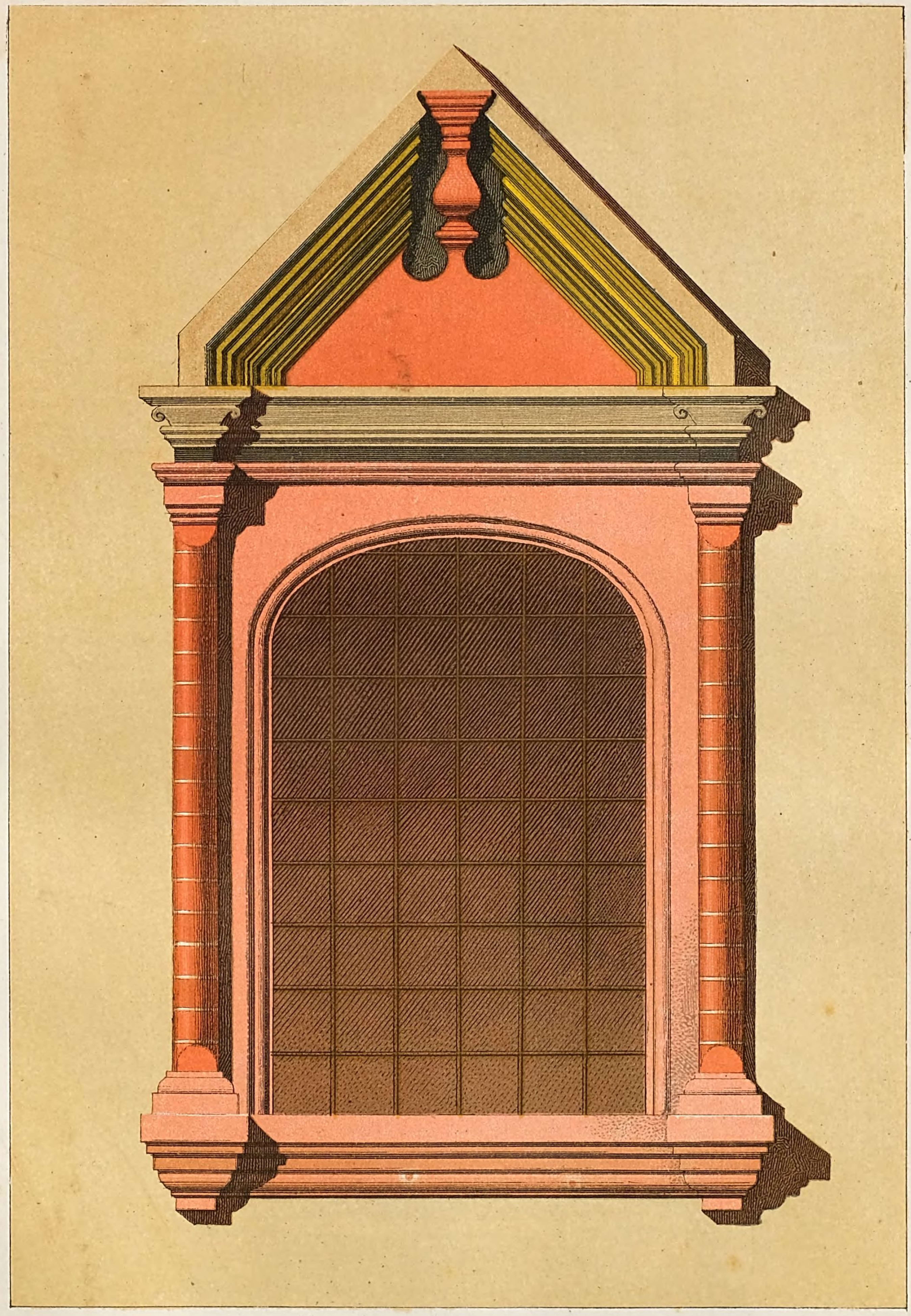
что въ Толчковѣ.

Ставня окна ризницы.

(Изъ Альбома Л. Даля.)

Лит. А. Прохорова.

РОСТОВЪ.

Окно церкви Богоматери Одигитріи, въ Кремлѣ.

(Изъ альбома Л. Даля.)

Лит. А. Прохорова.

Лит. А. Прохорова.

Москва. Окно ц. Св. Николая Чудотворца, что въ Хамовникахъ.

(изъ альбома Л. Даля.)

Лит. А. Прохорова.

Москва. Окно ц. Св. Николая Чудотворца, что въ Хамовникахъ; изъ альбома Л. Даля.

Изъ альбома Л. Даля.

Лит. А. Прохорова.

БАЛАХНА (НИЖЕГОР. ГУБ.).

Изразчатое окно церкви Бориса и Глѣба.

Двери изъ главнаго придѣла въ сѣверный въ церкви Грузинскія Божія Матери въ Москвѣ.

Лит. А. Прохорова.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100/100 сажени.

Двери изъ главнаго придѣла въ южный, въ церкви Грузинскія Божія Матери, въ Москвѣ.

(изъ Альбома Л. Дала)

Лит. А. Прохорова.

Рис. на камнѣ С. Волотовскій

Лит. А. Прохорова.

Печь въ бывшемъ Архіерейскомъ домѣ въ Суздалѣ.

(Владимірской губерніи).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ОДЕЖДЪ XII ВѢКА.

Изображенія XII вѣка показываютъ, что Русскія одежды въ этомъ вѣкѣ мало отличались отъ одеждъ XI в.; такой же покрой рубашекъ и верхнихъ одеждъ, такія же корзны, паволоки (эпанчи) мятли. Повторяются тѣ же самыя мужскія шапки и женскіе головные уборы. Одежды носили и длиннѣе и короче; ткани и украшенія были очень разнообразны. Ткани были гладкія, узорчатыя, золотныя и пр. На Руси ткали только самыя простыя холщевыя и шерстяныя, прочія получались или съ Востока, или съ Запада, но самыя богатыя были византійскія, такъ какъ въ то время Византія была для всего христіанскаго міра законодательницею модъ, вкуса и образованности. Византійское искусство господствовало на Востокѣ и Западѣ. На русской жизни вліяніе Византіи отразилось въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Одежды нашихъ князей, въ особенности парадныя, были чисто византійскія, такъ они изображались на древнихъ памятникахъ нашего искусства и на всѣхъ древнихъ нашихъ монетахъ, которыя были буквальнымъ подражаніемъ монетамъ византійскимъ, начиная съ монетъ Владимира Святаго.

Прилагаю здѣсь рисунокъ русскаго князя съ замѣчательной миніатюры, сохранившейся въ рукописи XII вѣка. Эта интересная рукопись объ антихристѣ (Ипполита папы Римскаго?) писана на пергаменѣ. Она хранится въ Чудовомъ монастырѣ *). Не стану описывать эту рукопись, но обращаюсь къ изображенію русскаго князя, который составляетъ для насъ здѣсь главный интересъ. — Онъ изображенъ въ византійской одеждѣ, и русской шапкѣ; въ лѣвой рукѣ держитъ церковь, а въ правой крестъ.

Нижняя одежда князя изъ узорчатой зеленой матеріи, по которой въ квадратахъ изображены круги въ родѣ колесъ. Подолъ этой одежды украшенъ золотой узорчатой каймой, выше ея идутъ вверхъ по бокамъ и спереди золотыя украшенія, такого же вида, какъ и самая кайма, на концѣ рукавовъ — золотыя поручи. На ногахъ красные узорчатые сапоги. Плащъ, или корзна на князѣ, какъ видно, изъ дорогой разноцвѣтной матеріи. Жаль, что отъ времени и небрежнаго обхожденія съ этою рукописію, краска во многихъ мѣстахъ обсыпалась такъ, что трудно разобрать. Эту корзну украшаетъ широкая, золотая клѣтчатая кайма. Изображенная на князѣ русская шапка—лѣтняя. Околышъ, вмѣсто мѣховаго, изъ зеленой матеріи; верхъ изъ красной матеріи украшенъ узорами, въ родѣ тѣхъ, какіе видны на шапкахъ Бориса и Глѣба — на финифтяныхъ изображеніяхъ, также на древнихъ рязанскихъ бармахъ.

*) Эта рукопись издана Невоструевымъ 1866 г.

Но какой князь здѣсь изображенъ? тотъ ли для, кого эта рукопись переведена на Славянскій языкъ, который здѣсь представленъ строителемъ (какой-то) церкви; какъ обыкновенно представляли князей строителей церквей въ рукахъ съ церковію; (такой способъ изображенія былъ у Грековъ и другихъ народовъ православнаго исповѣданія. Подобныя изображенія, можно видѣть въ древнѣйшихъ церквахъ и на Кавказѣ. Онъ изображенъ здѣсь съ крестомъ въ рукахъ. Такъ изображали только мучениковъ. Кто же этотъ князь мученикъ?

У насъ изъ князей были до того времени мучениками только Борисъ и Глѣбъ. Если допустить, что здѣсь одинъ изъ этихъ князей мучениковъ, то изображеніе его на этой рукописи не могло имѣть другаго значенія, кромѣ простого украшенія, и избранъ былъ этотъ Святой, а не другой, потому что въ то время Борисъ и Глѣбъ были любимыми Святыми. Но нельзя не замѣтить, что въ рукописяхъ какъ у Грековъ, такъ и у насъ, обыкновенно изображались тѣ личности, какимъ посвящались самыя рукописи. Слѣдовательно тотъ князь, кому посвящена была Ипполитова рукопись, не могъ быть представленъ святымъ при его жизни, да еще съ крестомъ въ рукѣ, какъ обыкновенно изображали только мучениковъ *). По этому нельзя допустить, чтобы въ Ипполитовой рукописи изображенъ былъ князь современный

*) Занимаясь изслѣдованіемъ иконографіи Восточной церкви, мнѣ до сихъ поръ не приходилось видѣть изображенія святыхъ не мучениковъ, съ крестомъ въ рукахъ. Напротивъ, изображенія мучениковъ встрѣчаются иногда и безъ крестовъ.

ея написанію. Г-нъ Срезневскій полагаетъ *), что это—Всеволодъ Гавріилъ князь Новгородскій, сынъ Мстислава Володимировича, внукъ Мономаха, скончавшійся въ 1137 г.; по житію онъ причисленъ былъ къ лику святыхъ, Мощи его найдены въ 1192 г. при Новгородскомъ князѣ Ярославѣ Володимировичѣ его племянникѣ и при архіепископѣ Гавріилѣ. Но еслибы это было дѣйствительно, то князь Всеволодъ Гавріилъ не могъ быть изображенъ безъ бороды, потому что когда умеръ, то ему было отъ роду болѣе тридцати лѣтъ.

Онъ не могъ быть изображенъ съ крестомъ, такъ какъ это принадлежность мучениковъ **), а онъ мученикомъ не былъ.

Кто этотъ князь, мы не беремся рѣшать, такъ какъ это не идетъ къ нашей цѣли, вѣрно только то, что это изображеніе XII или XIII вѣка, и потому можетъ быть помѣщено въ числѣ образчиковъ одежды древнихъ временъ.

На внѣшнихъ стѣнахъ Дмитріевскаго Собора во Владимирѣ (на Клязьмѣ), построеннаго въ концѣ XII в. (въ 1197 г.) ***), находятся многія изображенія, достойныя вниманія любознательнаго наблюдателя. Здѣсь видны и такія (изображенія), которыя для насъ неудобообъяснимы, но, повидимому, принадлежатъ къ области язычества.

*) Записки Императорской Академіи Наукъ. Томъ IX кн. 1.

**) Г. Невоструевъ, въ своемъ описаніи Ипполитовой рукописи, предполагаетъ, что не скипетръ ли это въ рукахъ у князя. Мы замѣтимъ съ своей стороны, что въ это время у насъ на Руси никакихъ скипетровъ не было, притомъ же изображеніе креста настолько сохранилось, что ясно можно видѣть, что это изображеніе креста, а не другое что нибудь.

***) Этотъ соборъ изданъ съ рисунками Графомъ С. Г. Строгоновымъ въ 1849 г. въ Москвѣ.

Остатковъ подобныхъ памятниковъ сохранилось у насъ не мало — на мѣдно-литныхъ образахъ, на разныхъ украшеніяхъ, на женскихъ рукодѣліяхъ и т. п., на нихъ встрѣчаются изображенія людей, звѣрей и птицъ, змѣй и разныхъ небывалыхъ животныхъ; а иногда изъ нихъ составлялись разные фантастическіе узоры и сплетенія, медузины головы и другія фигуры, напоминающія языческія божества съ ихъ атрибутами, — иныя держатъ въ рукахъ звѣрей, птицъ, растенія, или же эти предметы находятся подлѣ нихъ въ разныхъ положеніяхъ; нѣкоторыя изъ фантастическихъ лицъ представлены на лошадяхъ, на колесницахъ и пр. Потерявъ свой древній миѳологическій смыслъ, эти изображенія, по преданіямъ, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе и повторялись въ произведеніяхъ уже безсознательно *).

Въ настоящее время разбирать значеніе подобныхъ изображеній на Дмитріевскомъ Соборѣ не составляетъ моей цѣли; я укажу только на тѣхъ, что прямо идетъ къ нашему предмету.

Въ узорчатой колоннадѣ на сѣверной стѣнѣ собора, между колоннами, находятся скульптурныя изображенія разныхъ святыхъ: изъ нихъ по одеждамъ особенно для насъ важно изображеніе Бориса и Глѣба (см. на рисункѣ № 1—2). Они въ корзнахъ или плащахъ, отороченныхъ широкими каймами. Нижняя одежда тоже съ каймой на подолѣ, и, кромѣ этого, такая же полоса, какъ кайма, идетъ спереди, сверху внизъ до каймы. Шапки или

*) До сихъ поръ наши древніе памятники искусствъ, съ примѣсью вліянія языческихъ понятій никѣмъ еще не были собраны и разработаны по ихъ содержанію и мѣстности.

клобуки на нихъ русскіе. Какъ мученики, они держатъ въ рукахъ кресты, а лѣвыя ихъ руки спрятаны подъ плащемъ.

Кромѣ Бориса и Глѣба, помѣщены здѣсь на рисункѣ нѣсколько изображеній, на которыхъ видны признаки русскихъ одеждъ; напримѣръ, (№ 3) на воинѣ, поражающемъ мечемъ въ ротъ лошадь съ фантастическимъ хвостомъ, которая поднялась надыбы: переднія ноги ея спутаны какимъ-то продолговатымъ четвероугольникомъ *). На воинѣ по-колѣна рубашка, а сверху накинутъ легкій плащъ; шапка или колпакъ на немъ такой, какой мы видимъ на зодіакальномъ знакѣ въ сборникѣ Святослава. На всадникѣ (который изображенъ ниже воина № 4), надѣтъ на головѣ клобукъ или русская шапочка; его короткая одежда украшена оплечьемъ; отъ него внизъ по срединѣ передней стороны одежды спадаетъ широкая полоса; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ клинообразный русскій щитъ; а на лѣвомъ боку привѣшенъ мечъ. Этотъ всадникъ, какъ видно, изображаетъ одного изъ святыхъ воиновъ. Далѣе (№ 5) помѣщено изображеніе человѣка съ бородой который одною рукою держитъ за волосы какое-то лицо, а другою хочетъ его наказывать. Трудно бы было объяснить это изображеніе, если-бы оно не повторялось у насъ на многихъ памятникахъ и преимущественно на мѣдно-литныхъ древнихъ образахъ, съ надписью: св. Никита. Мальчикъ, котораго подвергаютъ наказанію, иногда изображается въ болѣе безобразномъ видѣ, а на иныхъ онъ представленъ явно злымъ духомъ, котораго поражаетъ св. Никита. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать,

*) Подобныя изображенія мы встрѣчаемъ на памятникахъ восточныхъ.

насколько въ этихъ древнихъ изображеніяхъ св. Никиты, поражающаго злого духа, отразилось вліяніе языческихъ легендъ. пріуроченныхъ къ христіанскимъ изображеніямъ; я обращаясь только къ наружной его сторонѣ. Одѣтъ этотъ святой въ рубашку по-колѣно съ отороченнымъ или вышитымъ подоломъ, какіе у насъ носили во всѣ времена, сверхъ рубашки надѣтъ плащъ — тоже кругомъ отороченный каймой; сзади видѣнъ табуретъ, или столикъ съ подушкой, на которомъ св. Никита сидѣлъ. Одежда, въ которой представленъ здѣсь св. Никита, повторяется на нашихъ изображеніяхъ въ продолженіе многихъ столѣтій. Нижняя часть рисунка изображаетъ три женскія фигуры: первая (№ 6) представлена сидящею на престолѣ, на подушкѣ, въ лѣвой рукѣ у нея что-то въ родѣ открытаго свитка, а правою она подняла вверхъ, пригнувъ средній и четвертый палецъ къ большому. Одежда на ней длинная съ каймой, и съ такими же какъ кайма поручами на рукавахъ. Это изображеніе находится на внѣшней сторонѣ западной стѣны Дмитревскаго собора. Подобное изображеніе (№ 7) мы встрѣчаемъ на внѣшней сѣверной сторонѣ церкви Покрова, близъ Боголюбова монастыря, построеннаго ранѣе Дмитревскаго собора — въ 1158 — 1160 годахъ. Изображеніе это отличается отъ предъидущаго: 1) тѣмъ, что въ правой рукѣ женской фигуры, поднятой вверхъ, палочка; 2) вещь, которую она держитъ въ лѣвой рукѣ представляетъ продольныя, а не поперечныя черты, какъ въ изображеніи Дмитревскаго собора, и это дѣлаетъ его похожимъ нѣсколько на лиру; 3) на каймѣ подола и на поручахъ — крушки въ родѣ жемчуга; 4) на гроди видѣнъ разрѣзъ одежды какъ бы двѣ полы, запахнутыя

одна на другую; 5) на лѣвомъ колѣнѣ видна часть узора одежды состоящаго изъ острыхъ трехугольниковъ. Оба изображенія, какъ покровское, такъ и дмитровское, съ вѣнцами святости около головы. Третья фигура — не христіанская — изображена на колесницѣ, запряженною двумя грифами; эта миѳологическая личность представлена съ поднятыми руками:—въ каждой изъ нихъ находится по одному животному. Кого изображаетъ эта фигура, предоставляемъ рѣшать изслѣдователямъ миѳологіи. Изображеніе этой дѣвы, также какъ и вышеупомянутыхъ двухъ по головному дѣвичьему убору сходны съ изображеніемъ русской дѣвы въ сборникѣ Святослава 1173 г. Такая же дѣва, сидящая на двухъ львахъ, изображена надъ южными дверями. Я не стану говорить о другихъ миѳологическихъ изображеніяхъ—центавровъ, грифовъ, сиренъ и разныхъ другихъ предметовъ, представленныхъ на Дмитріевскомъ соборѣ, потому, что они нейдутъ къ нашему предмету. При этомъ невольно раждается вопросъ: какимъ образомъ появились на Дмитріевскомъ соборѣ такія изображенія, какія, на православныхъ церквахъ, ни у грековъ, ни у насъ недопускались?

Строители Дмитріевскаго собора хотя были италіанцы, но они должны были согласоваться въ постройкахъ церквей съ принятыми въ Россіи формами, заимствованными отъ грековъ, какъ въ общемъ фасадѣ, такъ и во внутренней отдѣлкѣ. Такъ строились всѣ церкви въ Россіи иностранными мастерами, но въ техникѣ и наружныхъ украшеніяхъ какъ не принадлежащихъ внутреннему составу церковныхъ распредѣленій, имъ предоставлялась свобода въ выборѣ украшеній. Притомъ же мастера Сѣверной Италіи въ это время хорошо знакомы были съ гре-

ческой архитектурой и вообще съ греческимъ искусствомъ, которое въ это время господствовало не только въ Италіи, но и во всемъ Христіанскомъ мірѣ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. До временъ иконоборства у грековъ, какъ и вездѣ, дозволялась скульптура и разнаго рода изображенія — людей, животныхъ, птицъ, разныхъ гадъ, фантастическихъ существъ и пр. Но послѣ уничтоженія иконоборства на Соборѣ, бывшемъ при императрицѣ Иринѣ, хотя и возстановлено было почитаніе иконъ, однако же многое и не позволено было изъ того, что было прежде въ обычаѣ — скульптура, статуи, также и изображенія людей, звѣрей и другихъ предметовъ съ разными фантастическими сплетеніями. Всего этого стали избѣгать въ церковныхъ произведеніяхъ. Послѣ иконоборства церковное искусство явилось въ очищенномъ видѣ. Вотъ почему мы иногда встрѣчаемъ разницу въ произведеніяхъ грековъ, жившихъ на Западѣ и грековъ, оставшихся на Востокѣ. На Западѣ осталась прежняя свобода въ произведеніяхъ искусствъ, а на Востокѣ оно было ограниченно извѣстными формами и правилами.

По этому понятно, почему пришедшіе къ намъ мастера изъ Сѣверной Италіи (были-ли то италіанцы или итальянскіе греки)— при постройкѣ у насъ церквей при Андреѣ Боголюбскомъ и послѣ него дозволяли себѣ болѣе свободы въ постройкахъ и украшеніяхъ церквей, подобныхъ Димитріевскому Собору, чѣмъ греческіе мастера Восточной церкви.

Дмитріевскій Соборъ называютъ романскимъ произведеніемъ основываясь, повидимому только на одних внѣшнихъ украшеніяхъ (хотя романскій стиль былъ ничто иное какъ изуродованіе

стиля греческаго); не смотря на то, что планъ и фасадъ были греческіе.

Относительно нѣкоторыхъ изображеній на внѣшнихъ стѣнахъ Дмитріевскаго Собора замѣчу, что иностранцы мастера, какъ видно, вглядывались въ русскую жизнь и сообразовались съ русскими понятіями; оттого-то на изображеніяхъ Дмитріевскаго Собора есть русскіе святые въ русскихъ одеждахъ, напр. Борисъ и Глѣбъ и др.

Окладъ Евангелія, писаннаго въ началѣ XII в. (до 1117 года) для Новгородскаго Князя Мстислава сына Владимира Мономаха, весь покрытъ сканными (филогранными) узорами, между которыми въ разныхъ мѣстахъ вдѣланы камни и крупный жемчугъ. Этотъ окладъ украшенъ вставленными въ него 13-ю финифтянными изображеніями разныхъ святыхъ, цареградской работы, изъ нихъ особенно для насъ важны изображенія св. князей Бориса и Глѣба. На головѣ у нихъ русскія шапки, или клобуки, опушенные мѣхомъ; верхъ изъ свѣтлой желтоватой матеріи, посрединѣ шапки идетъ снизу вверхъ красная полоса. Борисъ и Глѣбъ представлены совершенно одинаково, но цвѣтъ одежды ихъ различенъ: На Борисѣ корзна, или плащъ красный, а у Глѣба — синій и на оборотъ, у Бориса нижнее платье синее, а у Глѣба—красное. Корзны ихъ украшены сердцеобразными узорами. Въ правой рукѣ у каждаго изъ нихъ крестъ — принадлежность мучениковъ.

Подобное же финифтянное изображеніе Бориса находится на княжескихъ бармахъ, найденныхъ въ селѣ Старой Рязани

въ 1822 г.*) На немъ русская шапка, только верхъ ея остроконечнѣе, чѣмъ на изображеніи Бориса, представленомъ на Мстиславовомъ Евангеліи; отъ опушки шапки идетъ вверхъ полоса, а по сторонамъ — два маленькихъ кружечка въ родѣ большихъ жемчужинъ. Корзна и нижнее платье синеватаго цвѣта, но корзна нѣсколько темнѣе; корзна украшена узорами — вся матерія покрыта кружками, въ которыхъ изображены крестики. Въ правой рукѣ крестъ.

Въ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода, на южной стѣнѣ, находится замѣчательное изображеніе князя Ярослава Владимировича Новгородскаго, строителя этой церкви (1198—1199 г.). По этому-то онъ и представленъ съ церковію въ рукахъ, которую, въ смыслѣ посвященія, подноситъ Спасителю, сидящему на престолѣ. Между княземъ и Спасителемъ помѣщена напись, въ которой князь, за свои добродѣтели и милости, оказанныя духовенству и монастырямъ и др., названъ вторымъ Всеволодомъ **) а въ заключеніе обращеніи къ Богу, чтобы Онъ

*) Эти древности изданы были въ 1831 году Президентомъ Императорской Академіи Художествъ Оленинымъ подъ названіемъ: «Рязанскія русскія древности, или извѣстіе о старинныхъ и богатыхъ велико-княжескихъ или царскихъ убранствахъ, найденныхъ въ 1822 году близъ села Старая Рязань». При этой книжкѣ приложена тетрадь гравированныхъ на мѣди рисунковъ этихъ древностей. Потомъ они помѣщены были въ Древностяхъ Россійскаго Государства.

*) Кн. Всеволодъ-Гавріилъ княжилъ въ Новгородѣ съ 1117 г. послѣ изгнанія своего изъ Новгорода поселился во Псковѣ, гдѣ и умеръ въ 1137 г., за его добродѣтели Новгородцы и Псковитянѣ по смерти причислили его къ лику святыхъ. По мнѣнію и доказательствамъ П. И. Срезневскаго этотъ князь Всеволодъ изображенъ въ рукописи Ипполитовой объ антихристѣ XII в., хранящейся въ Чудовомъ монастырѣ.

даровалъ ему (князю) царствіе небесное со всѣми святыми угодившими ему. Снимокъ съ этой написи съ разъясненіемъ помѣщенъ И. И. Срезневскимъ въ Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества т. IV вып. 3-й. Онъ относитъ эту напись къ концу XII в. до 1200 г. Князь изображенъ съ большою бородой съ просѣдью. Нижняя голубая одежда его немного ниже колѣнъ, съ широкою темно-красною узорчатою каймою, по краямъ которой идутъ двѣ желтыя полосы (вѣроятно позументы); на рукавахъ такія же поручи какъ кайма подола; сверху надѣта корзна изъ богатой узорчатой ткани; по темно-красному полю ея изображены круги, въ которыхъ видны свѣтлые и темные узоры, а въ кругу, который приходится на плечѣ у князя, изображенъ орелъ *). Между кругами образуется четвероугольникъ съ продолговатыми острыми концами. Пространства четвероугольниковъ покрыты голубыми узорами. Корзна обшита кругомъ желтой каймой, вѣроятно, позументомъ, матерія, какъ видно, византійской школы: это подтверждается изображеніемъ византійскихъ орловъ. Шапка князя съ верхомъ изъ желтой матеріи, околышъ обшитъ мѣхомъ, изъ подъ шапки, которая нагнута нѣсколько на лобъ, видна (по направленію къ затылку) татарская тафья желтаго же цвѣта. На желтыхъ сапогахъ князя надѣты еще высокіе башмаки, спереди съ ушкомъ или лепесткомъ.

И. И. Срезневскій, напечатавъ эту напись въ Извѣстіяхъ

*) Подобнаго узора ткани съ орлами въ кругахъ встрѣчаются на памятникахъ XIV вѣка на фрескахъ и мозаикахъ даже и въ Кавказскихъ церквяхъ.

Императорскаго Археологическаго Общества т. IV в., полагаютъ что она не позже 1200. Но намъ кажется самое изображенiе представляетъ признаки, которые скорѣе можно отнести къ концу XIII, или, вѣрнѣе, началу XIV вѣка. Во первыхъ — тафья подъ шапкой не могла появиться у насъ до татаръ; во вторыхъ — башмаки — надѣтые сверхъ сапоговъ, и форма ихъ — есть обувь восточная и до сихъ поръ употребительная у Татаръ и другихъ прикаспiйскихъ народовъ. Подобные признаки на памятникахъ несомнѣнно ранняго времени не встрѣчаются. — Впрочемъ, такъ какъ ученые относили эту надпись, а слѣдовательно и изображенiе къ XII вѣку, то мы помѣстили его здѣсь, высказавъ наше сомнѣнiе и предоставивъ людямъ, болѣе насъ свѣдующимъ разрѣшить его.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 iюня 1871 года.

Типографiя Императорской Академiи Наукъ (Вас Остр., 9 лин., № 12).

КЪ ІЮНЬСКОЙ КНИЖКѢ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ ПРИЛАГАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИТОХРОМИЧЕСКІЕ РИСУНКИ:

1) Изображеніе русскаго князя, находящееся въ рукописи Ипполита XII в. объ антихристѣ. Эта рукопись находится въ Чудовомъ монастырѣ.

2) Скульптурныя изображенія Бориса и Глѣба и другихъ предметовъ, находящіяся на внѣшнихъ стѣнахъ Дмитріевскаго собора (во Владимирѣ на Клязьмѣ). XII в.

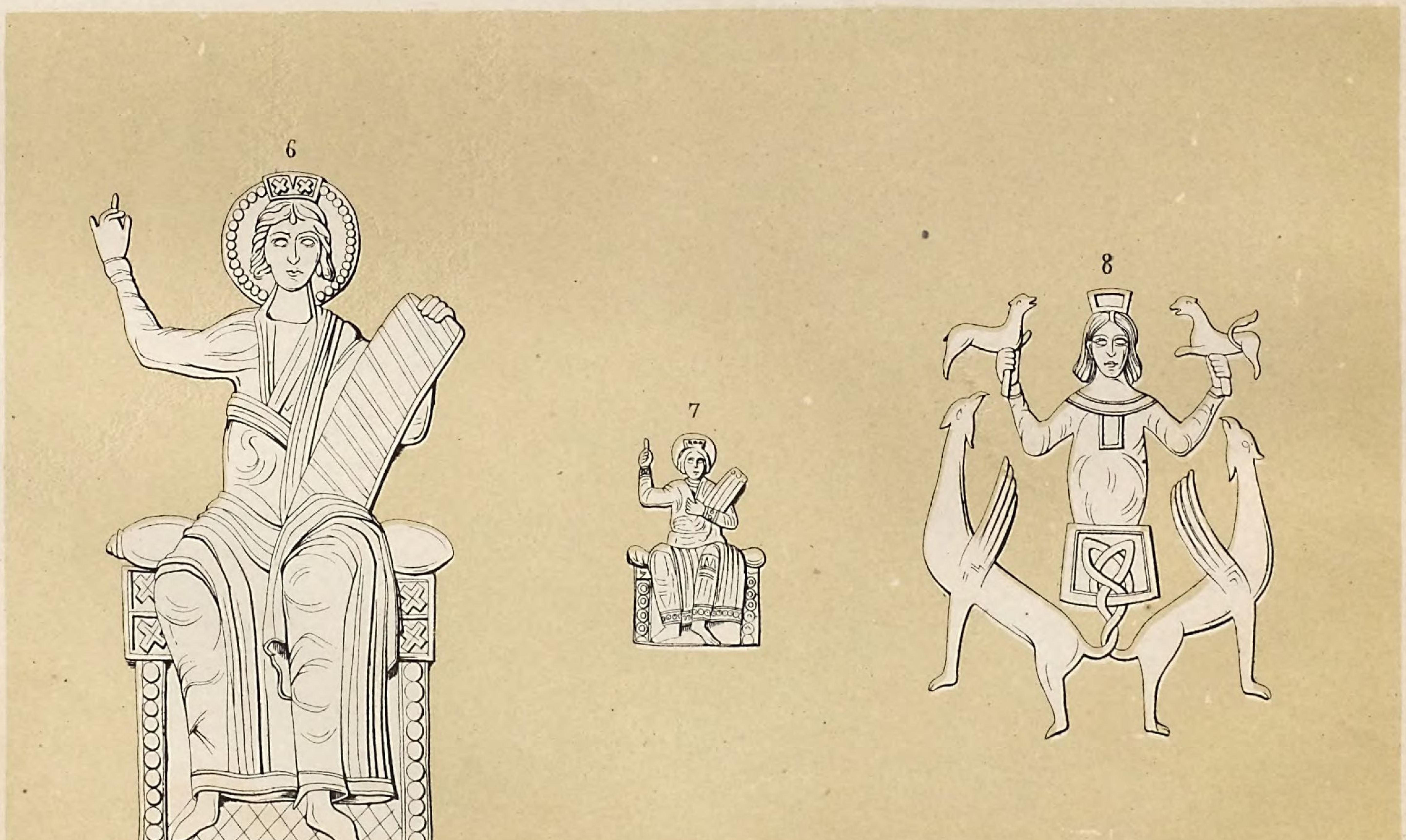
3) Финифтяныя изображенія князей Бориса и Глѣба на окладѣ Мстиславова Евангелія. XII в. и на бармахъ, найденныхъ близъ Старой Рязани. XII — XIII в.

4) Князь Ярославъ Владимировичъ, строитель Спасо-Нередицкой церкви (1198 — 1199 г.) въ Новгородѣ. Изображеніе, находящеяся на стѣнѣ этой церкви.

Лит. Прохорова, В. О. 6. пр. д № 25.

Лит. Прохорова В. О. больш. пр. № 25.

Рельефныя украшенія на наружн. стѣнахъ Дмитріевскаго собора во-Владимірѣ, построеннаго въ 1194 г.

Финифт. изображенія Бориса и Глѣба на окладѣ
Мстиславова Евангелія XII вѣка.

Финифт. изображеніе на древнихъ бармахъ.
(Рязанскія древности.)

Лит. В. Прохорова В. О. бол. пр. № 25.

Лит В. Прохорова. В.О. 6 пр. № 25.

Кн. Ярославъ Владимiровичъ Новгородскiй

строит. Спасо-Нередицкой церкви, (1197 г.) въ которой находится его изображенiе.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ОДЕЖДЪ XII И XIII ВѢКА.

Въ іюньской книжкѣ Русскихъ Древностей, между прочими матеріалами для исторіи Русскихъ одеждъ XII вѣка, я помѣстилъ изображеніе князя Ярослава Владимировича Новгородскаго, находящагося на стѣнѣ Спасо-Нередицкой церкви, построенной въ концѣ XII в. Въ статьѣ моей относительно времени (XII в.) изображенія этого князя я выразилъ сомнѣніе на томъ основаніи, что на головѣ у князя подъ клобукомъ, или шапкой видна татарская феска (желтая) (см. приложенный рисунокъ къ Іюньской книжкѣ Русскихъ Древностей), а такая феска не могла быть изображена раньше XIV в. Между тѣмъ длинная надпись подлѣ князя, по формѣ буквъ, относится къ концу XII вѣка, ко времени построенія Спасо-Нередицкой церкви. Эти недоумѣнія побудили меня провѣрить оригиналъ на мѣстѣ съ археологическою точностію. Сначала я снялъ самую вѣрную прорись этого князя и разрисовалъ его красками въ томъ видѣ, какъ въ подлинникѣ, потомъ, внимательно всмотрѣвшись въ нѣкоторыя черты и узоры на княжескомъ платьѣ, я увидѣлъ подъ ничтожной царапиной, на одеждѣ князя, узоръ другаго характера. Я сталъ отмывать верхній слой фресокъ и подъ нимъ оказались болѣе

древніе узоры; потомъ—приступилъ къ самому лицу князя. На томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивалась феска, я замѣтилъ часть черной полосы, осторожно протеръ это мѣсто, увидѣвъ изображеніе брови, сталъ прочищать и отмывать далѣе, открылъ глазъ и прочія части лица. Наконецъ, когда я отмылъ все лицо, показалась и борода князя, открылось совершенно другое лицо болѣе древнее, написанное въ концѣ XII вѣка. Прежнее стертое лицо князя было съ большою сѣдою бородой и короткими сѣдыми волосами. Открытый мною князь изображенъ съ темнорусою бородою и довольно длинными волосами, такого-же цвѣта; онъ, вѣроятно, былъ среднихъ лѣтъ. Очеркъ лица и краска на немъ оказались совершенно другими, чѣмъ на прежнемъ блѣдномъ лицѣ; лицо вновь открытое было смуглое — писано темножелтой краской: я прилагаю здѣсь рисунокъ, на которомъ разными красками обозначено различіе головы князя, исправленнаго послѣ XII вѣка, отъ изображенія древняго, оттертаго мною. Древнее означено черною, а новѣйшее, теперь стертое, красною. По смытіи исправленнаго рисунка изчезла и феска съ головы князя — она была ничто иное, какъ незакрашенная верхняя часть лба, подлѣ шапки прежняго желтаго лица князя, что дѣлало видъ желтой фески.

Въ той же Спасо-Нередицкой церкви находятся фрески, которыя могутъ служить матеріаломъ для исторіи женскихъ одеждъ конца XII вѣка. Это два изображенія въ алтарѣ, одно подлѣ южныхъ дверей: святая великомученица Екатерина (съ надписью **катєрина**) и другое въ кругу представляетъ св. Христину (съ надписью **хрѣстина**). Обѣ эти мученицы представлены

въ царскихъ одеждахъ, въ головномъ уборѣ замужнихъ женщинъ (не дѣвичьемъ) т. е. въ убрусѣ, покрывающемъ волосы; сверхъ убруса вѣнецъ, отъ котораго жемчужныя подвѣски спадаютъ не съ нижней части вѣнца, какъ обыкновенно изображалось у Грековъ и у насъ, а съ верхней окраины*). Синія одежды этихъ святыхъ женъ съ оплечьями, которыя по желтому полю украшены узорами и каменьями, кругомъ рукавовъ ниже плеча широкія полосы такого же цвѣта какъ оплечья, также съ узорами; на передней сторонѣ одежды отъ шеи внизъ идетъ широкая полоса въ родѣ эпитрахили, также по желтому полю, украшенная узорами и каменьями; она не пришита къ одеждѣ, но, какъ видно, надѣвалась на шею отдѣльно. Другой конецъ этой полосы видѣнъ сзади на спинѣ: онъ длиннѣе передняго и достигалъ земли; ее обыкновенно поворачивали на переднюю сторону, съ праваго бока, и перигибали на лѣвую руку. Такъ носили Греки; такъ и у насъ изображалось. На рукахъ поручи—обыкновенное украшеніе одеждъ во всѣ времена, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства до конца XVIII вѣка. Въ настоящее время эти поручи сохранились только въ священнослужительскихъ одеждахъ. Въ правой рукѣ и та и другая святая держитъ крестъ—принадлежность мучениковъ и мученицъ.

*) Есть другой такой-же рисунокъ, гдѣ жемчужныя подвѣски изображены спадающими съ верхней окраины вѣнца, въ славянской псалтыри XIII — XIV в. принадлежавшей г. Лобкову, а теперь принадлежащей М. И. Хлудову. Описаніе этой замѣчательной псалтыри, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ миніатюръ, помѣщено въ Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества въ III томѣ.

Въ трапезѣ, между правымъ клиросомъ и южною церковною стѣною, въ аркѣ, изображеніе св. мученицы Іуліаніи; на головѣ у нея покрывало, украшенное на лбу каймою въ родѣ позумента, осыпаннаго жемчугомъ, съ полукруглымъ возвышеніемъ по срединѣ. Такое украшеніе на покрывалѣ, какъ у Грековъ, такъ и у насъ, сохранилось на многихъ памятникахъ и, между прочимъ на изображеніяхъ женщинъ въ картинѣ страшнаго суда на западной стѣнѣ Спасо-Нередицкой церкви*). Покрывала съ подобными каймами были у насъ въ употребленіи, даже сохранились до настоящаго времени; представлено подобное на особомъ рисункѣ. Сверхъ нижней одежды на св. Іуліаніи надѣтъ синій плащъ съ желтой каймой, по окраинѣ унизанной жемчугомъ. Плащъ застегнутъ на груди овальной запонкой; отъ нея на лѣво и право идутъ два лепестка. На памятникахъ разныхъ вѣковъ встрѣчаются по одному и по два такихъ лепестковъ у застежекъ. Поручи на рукахъ св. Іуліаніи такія же, какъ и кайма на плащѣ; въ правой рукѣ святая держатъ мученическій крестъ. Въ той же аркѣ, противъ мученицы Іуліаніи, изображена великомученица Варвара. На головѣ у нея бѣлое дѣвичье покрывало, съ такою же каймою, какъ и на св. Іуліаніи. Конецъ покрывала, также окай-

*) Изображеніе страшнаго суда въ Спасо-Нередицкой церкви совершенно сходное съ такимъ-же изображеніемъ его въ церкви св. Георгія въ Староладожской Рюриковой крѣпости, гдѣ, однако къ сожалѣнію, значительная часть этого изображенія сбита, тогда какъ въ Спасо-Нередицкой церкви оно вполнѣ сохранилось; это единственное у насъ древнее изображеніе Страшнаго суда, вполнѣ сохранившееся безъ поврежденія; оно можетъ служить поясненіемъ современнымъ по испорченнымъ изображеніямъ Страшнаго суда въ другихъ церквахъ.

мленный, падаетъ съ головы на лѣвое плечо. Изъ подъ покрывала, по обѣ стороны, распущены волосы, что̀ какъ извѣстно означаетъ исключительную принадлежность дѣвицы *). На великомученицѣ Варварѣ надѣтъ красный плащъ, такой же формы и покроя какъ на мученицѣ Іуліаніи; на нижнемъ желтомъ ея платьѣ на передней сторонѣ; видна узорчатая широкая полоса, идущая сверху донизу въ правой рукѣ она держитъ мученическій крестъ.

Въ Рукописномъ (Пантелеймоновомъ) Евангеліи, около 1250 года, хранившемся въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ (въ настоящее время оно перенесено оттуда въ библіотеку С.-Петербургской Духовной Академіи), изображена св. великомуч. Екатерина вмѣстѣ со св. вел-мъ Пантелеймономъ. Одежда Екатерины въ родѣ той, какая представлена на изображеніи Екатерины въ Спасо-Нередицкой церкви, съ нѣкоторыми, однако, отличіями, которыя можно видѣть при сравненіи приложенныхъ рисунковъ. Самое замѣчательное отличіе — щитъ (который можетъ быть и въ Спасо-Нередицкомъ изображеніи не видѣнъ только потому, что самое изображеніе это поясное), на правомъ бедрѣ съ каймою и восьмиконечнымъ крестомъ по срединѣ **).

*) Женщина тщательно должна была покрывать свои волосы; обнаруженіе ихъ считалось позоромъ.

**) Въ греческихъ лицевыхъ минеяхъ Императора Василія Македонянина X в. въ Ватиканѣ и другихъ памятникахъ въ такомъ щитѣ изображенъ четвероконечный крестъ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ эти щиты встрѣчаются и безъ крестовъ, напр. въ греческой рукописи Іоанна Златоустаго, XI в., гдѣ изображены Импер. Никифоръ Вотаніатъ и его супруга Марія, на одеждѣ ея

Кромѣ разныхъ памятниковъ искусствъ, даже заглавныя буквы древнихъ нашихъ рукописей могутъ дать довольно матеріаловъ для исторіи древнихъ одеждъ. Для образчика помѣщены здѣсь нѣкоторыя буквы изъ рукописей XII и XIII вѣка. Въ Кондакарѣ XII в. букву о изображаетъ голова съ вѣнцомъ, на которомъ въ передней части полукруглое возвышеніе, выдающееся въ верхъ и напоминающее уборъ св. Екатерины изъ Новгородскаго Евангелія, описанный нами выше. Другая голова, изъ Псалтыри XII вѣка, тоже изображающая букву о, какъ видно женская съ дѣвичьей повязкой въ родѣ обруча — обыкновенный древній дѣвичій уборъ, который можно встрѣтить на памятникахъ, начиная съ сборника Святославова XI вѣка и до позднѣйшихъ временъ.

Въ Ирмологіонѣ Воскресенскаго монастыря XII — XIII вѣка мы встрѣтили три замѣчательныя головы; двѣ изображаютъ букву о; одна изъ нихъ голова молодаго курчаваго юноши, другая женская съ покрываломъ на головѣ съ каймою на лбу. Третья голова означаетъ букву, м въ которой представленъ женскій головной уборъ или кичка, напоминающій наши позднѣйшія. Означенныя рукописи находяся въ Сбп. Император. Публичной Библіотекѣ. Мы помѣщаемъ еще семь большихъ буквъ изъ Евангелія 1270 г.: находящагося въ Румянцовскомъ Музеѣ; первое изображаетъ букву к, внутри ея фантастическая птица съ человѣческой головой, на которой надѣта мужская

такой щитъ изображенъ безъ креста. Нѣкоторые думаютъ, что этотъ знакъ украшенія былъ символомъ охраненія непорочности женщины.

желтая шапка съ мѣховымъ околышемъ. По срединѣ передней стороны шапки находится полукруглое украшеніе, часто встрѣчаемое на памятникахъ XII, XIII и XIV вѣка. Потомъ—буква м, которую образуютъ два человѣка, взявшіеся за руки. Замѣчательны ихъ одежды. Остроконечныя шапки съ чѣмъ-то въ родѣ шляпныхъ крыльсвъ, которые загибаются къ верху, а передняя сторона ихъ выдается впередъ въ родѣ козырька. Подобныя шляпы отъ конца XIII до XV вѣка, носили во многихъ мѣстахъ Европы. Далѣе букву к изображетъ дѣвица, сидящая на стулѣ на узорчатой подушкѣ, подъ ногами у нея скамейка въ родѣ подушки. На ногахъ—узорчатые красные сапожки. На головѣ вѣнецъ, изъ подъ котораго идутъ къ плечамъ кудрявые волосы; въ правой рукѣ она держитъ что-то въ родѣ краснаго сосуда, а лѣвую подняла въ верхъ съ страннымъ сложеніемъ пальцевъ: Нѣкоторые предполагаютъ, что это можетъ быть какой-нибудь волшебный наговоръ питья; оставимъ этотъ вопросъ спеціалистамъ. Подобная одежда и головной уборъ повторяются на другихъ памятникахъ того же времени, вѣнецъ сходенъ съ вѣнцами на фрескахъ св. Николы на Липнѣ конца XIII вѣка. За буквою к изображены двѣ буквы рр; въ срединѣ одной голова царя, а въ другой царевны съ распущенными волосами. Вѣнцы на ихъ головахъ (царя и царевны) сходны съ изображенными на фрескахъ въ церкви св. Николы на Липнѣ конца XIII вѣка (близь Новгорода) и такіе же, какъ въ славянскомъ псалтырѣ конца XIII в., принадлежащемъ М. И. Хлудову. Послѣднія двѣ буквы кк; въ одной изображена царевна съ вѣнцомъ на головѣ, сходнымъ съ вѣнцами, изображенными въ рукописи Временника

Мниха Георгія Амартола XIII в., хранящейся въ библіотекѣ Сергіевской Лавры, во второй—голова мужчины съ клобукомъ, или шапкой, на которой полукруглое украшеніе подобное тѣмъ, какія видны на шапкахъ Бориса и Глѣба на фрескахъ церкви Θеодора Стратилата въ Новгородѣ XIV в.

Изображенія Бориса и Глѣба на фрескахъ церкви Николы на Липнѣ близъ Новгорода, драгоцѣнны какъ образчики русскихъ одеждъ конца XIII в. На головахъ князей клобуки или шапочки съ мѣховой опушкой, существовавшія у насъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до XVIII в., на плечахъ надѣты узорчатые плащи съ желтой каймой (вѣроятно золотой матеріи унизанной жемчугомъ) *). Плащъ нѣсколько длиннѣе нижней одежды, которая спускалась немного ниже колѣнъ. Покрой нижняго платья для насъ чрезвычайно важенъ въ археологическомъ отношеніи; въ продолженіе XIII вѣка, даже въ началѣ XIV нижнее платье дѣлалось съ обозначеніемъ стана, который оно тѣсно обхватывало. Поясъ широкій, подпоясывался очень низко, почти въ концѣ живота. Такой покрой платья и поясъ (въ концѣ живота) въ XIII вѣкѣ существовали почти во всей Европѣ. Еслибы у насъ не было никакихъ данныхъ для опредѣленія времени написанія фресокъ въ ц. Николы на Липнѣ, то, по одному покрою платья, можно-бы опредѣлить ихъ время. Кромѣ Бориса и Глѣба въ этой церкви написаны такого-же покроя платья и на другихъ святыхъ: на Царѣ Давидѣ, Соломонѣ и пр. Покрой платья, какъ

*) Онъ застегнутъ на груди; отъ застежки на лѣвую полу идетъ одинъ продолговатый лепестокъ, такого же цвѣта какъ кайма и также унизанный жемчугомъ.

на Борисѣ такъ и на Глѣбѣ, совершенно одинаковъ; разница только въ узорахъ; сапоги на обоихъ узорчатые. Въ лѣвыхъ рукахъ они держатъ длинный мечъ, а въ правой кресты — принадлежность мучениковъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 августа 1871 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

КЪ АВГУСТОВСКОЙ КНИЖКѢ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ ПРИЛАГАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЕ РИСУНКИ:

1) Князь Ярославъ Владиміровичъ Новгородскій въ Спасо-Нередицкой церкви XII вѣка.
2) Св. великомученицы Екатерина и Христина въ Спасо-Нередицкой церкви XII вѣка.
3) Св. великомученицы Іуліанія и Варвара въ Спасо-Нередицкой церкви XII вѣка.
4) Св. великомученикъ Пантелеймонъ и св. великомученица Екатерина изъ Новгородскаго Евангелія XIII вѣка.
5) Заглавныя буквы изъ рукописей XII и XIII вѣка.
6) Св. Борисъ и Глѣбъ—фрески въ церкви Св. Николы на Липнѣ, конца XIII вѣка близъ Новгорода.

Черный рисунокъ означаетъ древняго князя Ярослава Владиміровича

Красный рисунокъ означаетъ поздняго исправленнаго князя

Князь Ярославъ Владиміровичъ Новгородскій

въ Спасо-Нередицкой церкви XII в., открытый подъ новымъ исправленнымъ письмомъ

въ Алтарѣ за южной дверью

Печ. въ Лит. К. Прохорова В.О. 5 л. № 25

Фрески XII в. въ церкви Спаса въ Нерéдицахъ близъ Новгорода.

Печ. въ Лит. В. Прохорова В.О. 6 л. № 23

Фре́ски конца̀ XIII вѣ́ка въ це́ркви св. Нико́лая на Ли́пнѣ.

(близъ Новгорода.)

идажеѥмꙋгнезда
книгꙁподрꙋжи. мѣ
имь иво ѣмъ иж
домꙋ ѥго. лв҃ ъ ѡно
въ. причастьѥцр-
кьнаго. иг ѣмиъ
ѿ ... ꙁе. н... слꙋша
ѿикмъѥго. аминь
ѩкомнѡмꙋ т...
оучнтн. е... по
трѣбꙋ цркви
оучнни нк ...
юбѹю. потомь к
колъ. потомасъ
инапнсапрологъ
томъженснаѥ
гъі. асе нменаѥк
пнсана соут ть
жепопинъ стго
прдуа. максимъ
тъшинициьнап
ъ. д. еѵангѣла
сна. ажеѥдебла
аиспра вачеуьт
те. блазнъбонѣ
тию написане. нъ
днавопеюплакост
ю. абагословн г
анеклнѣт
азъжегрѣшьни
имьнипопинъ
стговзъненн
агна. написа
сиюграмотн
данѣкїосеби
въпакзіпр
дитса. на
едѣлѣ въ
нѥвоѥ. ам
нъ

Изъ рукописнаго (Пантелеймонова) Евангелія, около 1250 года

хранящагося въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ

Лит. Прохорова

Изъ рукописей Императорской Публичной библіотеки

о

Кондакарь XII в.

о

Изъ Псалтири XII в.

м

Изъ Евангелія XIII в.

о

о

м

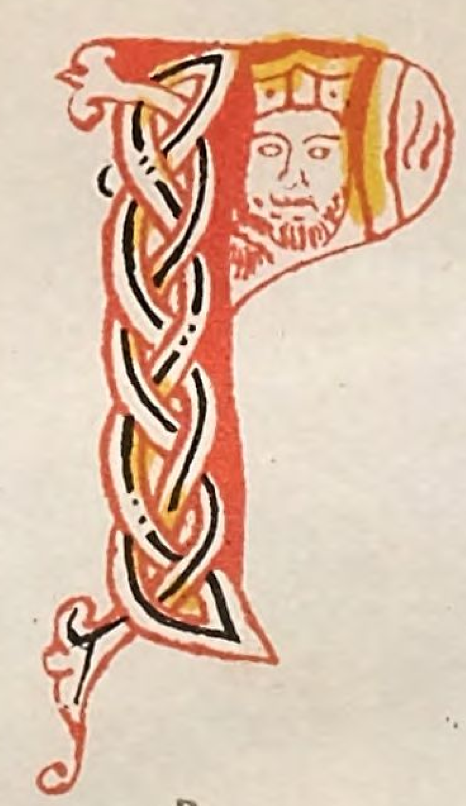
Ирмологій Воскресенскаго монастыря XII-XIII в.

в

в

р

р

в

в

Изъ евангелія 1270 г. Руманц. музея.

Арка противъ Южной двери.

Печ. въ Лит. В. Прохорова В.О. 5 л. № 25

Фрески XII в. въ церкви Спаса въ Нередицахъ близъ Новгорода.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ОДЕЖДЪ XIV ВѢКА.

Русскія одежды какъ въ XIII такъ и въ началѣ XIV в., (почти до половины) были одинаковы; — исподнія щегольскія одежды изображаются съ обтянутымъ станомъ, или таліей, пояса, большею частію широкіе, въ особенности у знатныхъ лицъ, подвязывались очень низко. Въ четвертой книжкѣ Русскихъ Древностей я помѣстилъ образцы подобныхъ одеждъ, въ изображеніяхъ св. Бориса и Глѣба — стѣнная иконопись въ церкви св. Николы на Липнѣ XIII в. Въ этой книжкѣ помѣщаю рисунокъ съ извѣстнаго замѣчательнаго славянскаго Псалтыря тоже конца XIII в., приналадежавшаго г. Лобкову, а теперь принадлежащаго А. И. Хлудову съ 127 рисунками, или миніатюрами, интересными по своему содержанію, и какъ матеріалъ для исторіи русскихъ одеждъ *).

*) Описаніе этого Псалтыря составлено архимандритомъ Амфилохіемъ и помѣщено въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества. Онъ замѣчаетъ, что образецъ для миніатюръ былъ греческій: Спаситель вездѣ изображенъ такъ, какъ онъ изображается въ греческихъ миніатюрахъ. Но о. Амфилохій нигдѣ не могъ видѣть этихъ буквъ на русскихъ памятникахъ ранѣе XVI вѣка, потому что только съ этого времени стали употреблять ихъ на вѣнцѣ Спасителя, и Греки стали подражать намъ.

рисунокъ здѣсь прилагаемый изображаетъ царя Давида, составляющагося Псалтырь *). Онъ стоитъ посрединѣ, подлѣ него Соломонъ, а вокругъ пѣвцы и музыканты.

Кромѣ одеждъ, этотъ рисунокъ очень интересенъ относительно исторіи музыкальныхъ инструментовъ; здѣсь представленъ цѣлый оркестръ, гдѣ изображены формы древнихъ нашихъ гуслей; инструменты въ родѣ скрипокъ, на которыхъ играли смычками; трубы и рога, металлическіе тарелки, тамбурины и барабаны.

На царѣ Давидѣ исподнее платье синее, подолъ отороченъ каймою и такой же полосой, идущей спереди отъ шеи къ подолу. Поясъ широкій, подвязанъ довольно низко. Сверхъ этой одежды накинутъ красный плащь. На головѣ у царя Давида вѣнецъ съ подвѣсками, съ боковъ спадающими на правое и лѣвое плечо. Эти подвѣски прикрѣплены не къ нижней, какъ обыкновенно изображаются, а къ верхней окраинѣ вѣнца. Точно такой же вѣнецъ и на Соломонѣ, который стоитъ подлѣ отца съ гуслями; плащь на немъ синій, а исподнее платье красное, короткое, съ обтянутымъ станомъ и низко подвязаннымъ поясомъ; рукава украшены поручами и у плечь вокругъ руки золотою полосою.

Прочіе всѣ пѣвцы и музыканты, окружающіе царя Давида, одѣты въ рубашкахъ, на которыхъ сверху набросаны плащи; на другихъ только однѣ рубашки, безъ плащей. Другой рисунокъ

Изображеніе царя Давида, составляющаго Пслатырь и окруженнаго пѣвцами и музыкантами, находится въ разныхъ рукописяхъ греческихъ и нашихъ, начиная съ V вѣка.

съ фресокъ XIV в., находящихся въ церкви Θеодора Стратилата*), изображаетъ св. Владимира, а по сторонамъ его Бориса и Глѣба. Всѣ они въ чисто-русскихъ одеждахъ; на головахъ у нихъ русскія шапки или клобуки. Исподнія одежды ихъ какъ около шеи, такъ и внизу, окаймлены узорчатыми широкими полосами. На Глѣбѣ покрой нижней одежды съ перехватомъ и съ широкимъ поясомъ; въ правой рукѣ у него крестъ, а въ лѣвой мечъ. Прочія фигуры попорчены такъ, что всѣхъ подробностей нельзя разсмотрѣть; вѣроятно, и на нихъ было тоже самое, что и на Глѣбѣ. Владиміръ, который изображенъ по срединѣ, стоитъ на кругломъ коврикѣ въ родѣ тѣхъ, на какіе становятся архіереи во время богослуженія, съ изображеніями орловъ. Подобные круглые коврики, на которыхъ стоятъ первенствующія личности, часто встрѣчаются на разныхъ памятникахъ. Жаль, что изображеніе Бориса совсѣмъ испорчено: штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась и пустыя мѣста замазаны глиной, а значительныя трещины въ стѣнѣ проходятъ прямо по этому изображенію. Надъ Владиміромъ, Борисомъ и Глѣбомъ видно полустертое изображеніе Спасителя. Судя по движенію рукъ, онъ вѣрно держитъ два мученическихъ вѣнца надъ Борисомъ и Глѣбомъ, это под-

*) Эта церковь построена или возобновлена въ XIV вѣкѣ (1369 г.), она теперь находится въ запустѣніи; въ верхнихъ частяхъ стекла въ окнахъ побиты; въ самой церкви гнѣздится множество голубей и повсемѣстно засариваютъ ее нечистотой; даже самый престолъ не предохраненъ отъ этого. Только разъ въ годъ, въ день Θеодора Стратилата, послѣ очистки церкви, производится въ ней служеніе; все остальное время она заперта, такъ что съ трудомъ можно добраться осмотрѣть ее.

*

тверждается и другими подобными изображеніями Бориса и Глѣба, надъ которыми также Спаситель держитъ вѣнцы.

Третій рисунокъ тоже съ фресокъ XIV в. ц. Θеодора Стратилата. изображающій великомученицу Варвару. Въ ея уборѣ для насъ особенно важна форма ея вѣнца, потому что форма его сохранилась до настоящаго времени; въ Новгородской губерніи до сихъ поръ дѣвицы носятъ пооо6ный головной уборъ, хотя въ настоящее время, вмѣсто древнихъ подвѣсокъ, состоящихъ изъ нити жемчуга, спадающей на плечи, носятъ жемчужныя ажурныя понизи на лбу. Такое же изображеніе дѣвичьяго вѣнца находится на фрескахъ тоже XIV в. въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы на Волотовомъ полѣ въ Новгородѣ. Тоже, кажется, на великомученицѣ Варварѣ, которая изображена также въ кругу, какъ и Варвара въ церкви Θеодора Стратилата; одна изъ нихъ (θеодоровская) держитъ въ рукѣ жезлъ, а другая (волотовская), свитокъ съ надписью стертою отъ времени до того, что трудно разобрать смыслъ текста. Обѣ онѣ, какъ дѣвицы, представлены съ распущенными волосами. Нижнія одежды ихъ украшены широкимъ оплечьемъ, сверху накинутъ плащъ. На θеодоровской Варварѣ плащъ изображенъ съ напольными украшеніями. Къ сожалѣнію, многіе изъ фресокъ въ церкви Θеодора Стратилата попорчены, хотя на нѣкоторыхъ ихъ остаткахъ видны части одеждъ и головныхъ уборовъ; напримѣръ на правой или нижней стѣнѣ, близъ хоръ, есть полуиспорченное изображеніе какой-то царственной женской личности; надъ ней не уцѣлѣло никакой надписи и поэтому нельзя, сказать положительно кто она. Во всякомъ случаѣ, ея головной уборъ замѣча-

теленъ; на головѣ у нея круглая шапочка, украшенная жемчугомъ со спадающими до плечь жемчужными нитями. Жаль, что рядомъ стоящая съ ней такая же фигура не сохранилась: верхняя часть ея отбита въ то время, когда пробивали новое окно.

Обращаюсь теперь къ другому памятнику, богатому матеріалами для исторіи русскихъ одеждъ и обычаевъ — это рукопись XIV вѣка, сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, — сильвестровскій списокъ съ интересными для насъ миніатюрами, относящимися къ исторіи жизни этихъ мучениковъ. Я помѣщаю здѣсь только нѣкоторыя изъ этихъ миніатюръ для объясненія нашихъ одеждъ XIV вѣка. Первый рисунокъ изображаетъ князя Владимира, посылающаго Бориса противъ Печенеговъ. Одежды на Владимирѣ и на Борисѣ одинаковы. — Темная исподняя одежда съ желтой каймой на подолѣ и сверху красные плащи на головахъ русскія шапки или клобуки, у Владимира съ сѣрымъ, а у Глѣба съ краснымъ верхомъ.

Владимиръ, сидя у своего дворца на столѣ, даетъ наставленіе Борису, который стоитъ передъ нимъ съ копьемъ въ рукахъ; за нимъ вооруженные воины съ копьями и щитами. Одежды воиновъ у насъ не измѣнялись впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій; на многихъ памятникахъ разныхъ временъ воины изображаются одинаково: на головѣ у нихъ остроконечные шишаки съ кольчужными покрывалами въ родѣ платковъ, которыя прикрѣплялись къ шишакамъ и спадали на шею и плеча; сверхъ обыкновенной рубашки, надѣвалась кольчуга; на ногахъ сапоги, большею частію съ высокими голенищами, подвязанными у ко-

лѣнъ. У знатныхъ людей или бояръ кольчуги украшались еще большею частію четвероугольными пластинками, такія кольчуги назывались досчатыми, шишаки украшались насѣченными золотыми узорами и поднизями или вязью, также и священными изображеніями. Въ свое время рисунки подобныхъ доспѣховъ будутъ приложены къ этому изданію. Другое изображеніе описаннаго нами рисунка сверху написано таково: Святополкъ потаи смерть отца своего; изображаются двое юношей, которые укладываютъ въ сани тѣло Владимира *) и обвертываютъ его саваномъ. Юноши одѣты въ цвѣтныя рубашки, обшитыя желтой каймой у ворота.

Другой рисунокъ изображаетъ Бориса и Глѣба; надъ ними Спаситель въ облакахъ подаетъ имъ вѣнцы. Борисъ и Глѣбъ въ русскихъ шапкахъ (клобукахъ); исподнее платье съ обтянутымъ станомъ и низко подвязаннымъ поясомъ, какъ обыкновенно носили въ XIII и почти въ большой половинѣ XIV вѣка. На этомъ же рисункѣ внизу изображенъ походъ Бориса на Печенѣговъ; здѣсь представлена ѣдущая вооруженная конница, а впереди ея Борисъ на лошади, украшенной сбруей съ различными побрякушками — полумѣсяцами и т. п. Онъ сидитъ на высокомъ сѣдлѣ. Подобныя высокія сѣдла вездѣ на всѣхъ памятникахъ XIV и XV вѣка изображаются одинаково. Борисъ представленъ здѣсь въ (походной) короткой одеждѣ, сверхъ которой надѣта кольчуга; отъ ней идутъ внизъ къ колѣнамъ въ три ряда ремни, которые обыкновенно украшались металическими бляхами; такой родъ защиты

*) Означеніе саней при погребальныхъ обычаяхъ будетъ разъяснено въ своемъ мѣстѣ.

былъ удобенъ для движенія. Сверхъ кольчуги у Бориса наброшенъ плащь, а на головѣ у него клобукъ или шапка, въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой щитъ. Воины въ полномъ вооруженіи— на нихъ надѣты кольчуги и шишаки; въ правой рукѣ держатъ копья, въ лѣвой клинообразные щиты — всегдашняя форма русскихъ щитовъ; всѣ воины сидятъ на такихъ же высокихъ сѣдлахъ, какъ Борисъ. Значки въ войскѣ сходны съ татарскими или обще-могамеданскими — съ полумѣсяцемъ на верху. Этотъ рисунокъ очень важенъ, какъ матеріалъ для исторіи русскихъ военныхъ одеждъ XIV вѣка.

Третій рисунокъ изображаетъ Святополка, посылающаго убійцъ на Бориса. Святополкъ сидитъ на столѣ у своего дворца. Онъ изображенъ также какъ Владимиръ, какъ Борисъ и Глѣбъ. Въ предъидущихъ рисункахъ четыре воина, съ копьями и остроконечными щитами, которыхъ онъ посылаетъ умертвить Бориса; двое изъ нихъ въ мѣховыхъ шапкахъ, а другіе въ шишакахъ; подобныя замѣчательныя (мѣховыя) шапки, какія представлены здѣсь на воинахъ, встрѣчаются и на другихъ памятникахъ; вѣроятно, эти воины какіе нибудь войсковые старшины. Третій воинъ одѣтъ въ рубашку до колѣнъ, съ окаймленнымъ подоломъ, а сверху накинутъ плащь.

Въ нижней части рисунка изображены вооруженные всадники, ѣдущіе умертвить Бориса; они похожи на владниковъ предшествующаго рисунка; у всѣхъ такія копья, какія у передняго воина; на копьѣ развѣвается клинообразный значекъ.

Въ четвертомъ рисункѣ помѣщены: а) часть узора изъ пролога XIV в., находящагося въ Императорской Публичной Библіо-

текѣ *), въ которомъ между завитушками изображены два человѣка въ чисто русскомъ уборѣ — въ клобукѣ или шапкѣ и въ короткой одеждѣ, украшенной спереди, отъ шеи до подола, петлицами, что было общимъ обычаемъ у Славянъ: вообще ими украшали или только грудь до пояса, или же и полы до подола. Украшеніе петлицами до пояса существовало съ древнѣйшихъ временъ; по крайней мѣрѣ, существуютъ памятники конца IX в. подтверждающіе существованіе этого обычая въ древности. (Это можно видѣть на рисункахъ, помѣщенныхъ мною въ первыхъ книжкахъ Русскихъ Древностей). б) Другое изображеніе съ рукописи — житіе Бориса и Глѣба XIV вѣка, гдѣ представленъ Святополкъ, сѣдящій на столѣ, а позади его воины. На головѣ его клобукъ; длинная одежда украшена петлицами. в) Третье изображеніе царя Давида, сѣдящаго на престолѣ, заимствовано изъ Славянскаго Псалтыря конца XIII в., принадлежащаго, А. П. Хлудову. Давидъ въ такой же одеждѣ, какъ и на первомъ рисункѣ, гдѣ онъ изображенъ составляющемъ Псалтырь; его нижняя одежда перевязана низко-подвязаннымъ поясомъ; сверху плащъ; въ правой рукѣ онъ держитъ мечъ; подъ ногами у него круглый коврикъ, какъ обыкновенно изображаются на многихъ памятникахъ этого времени верховные особы; его окружаютъ вооруженные воины; шишаки ихъ сверху украшены шариками; кольчуга и все остальное на нихъ такое же, какъ обыкновенно

Полный узоръ этотъ помѣщенъ въ первой книгѣ изданія Христіанскіе Древности и Археологія за 1862 годъ.

изображается воины на всѣхъ другихъ памятникахъ этого времени (XIII и XIV в.).

Внизу трехъ этихъ изображеній представленъ рисунокъ изъ житія Бориса и Глѣба XIV в. гдѣ князь Изяславъ, послѣ построенія и освященія церкви въ честь этихъ мучениковъ, созвалъ митрополита и другихъ священнослужителей и празднуетъ это событіе. Они всѣ сидятъ за убраннымъ столомъ, уставленномъ разнаго рода сосудами — чашами, ковшами, рогами, стопами, въ рукахъ чары съ виномъ. Князь, по обычаю того времени, сидитъ за столомъ въ шапкѣ. Митрополитъ въ клобукѣ и мантіи; подлѣ него сидитъ кто-то въ одеждѣ съ петлицами на груди. Здѣсь же подлѣ стола изображена и та церковь, которую построилъ Кн. Изяславъ. Кромѣ рисунковъ изъ житія Бориса и Глѣба, прилагаю еще рисунки съ замѣчательнаго пямятника древняго образа св. Георгія съ житіемъ XIV в., принадлежащаго Музею Христіанскихъ Древностей и Древне Русскаго Искуства. Едва-ли раньше этого времени найдутся у насъ образа, въ особенности неиспорченные временемъ и неисправленные людьми; исправленія почти всегда измѣняютъ характеръ современнаго письма и рисунка, лишаютъ археологическаго значенія. Прилагаемая нами икона грубаго письма и не искуснаго рисунка, но какъ неиспорченный памятникъ своего вѣка она имѣетъ интересъ въ археологическомъ смыслѣ. Здѣсь изображены одежды XIV вѣка, очень сходныя съ другими памятниками тѣхъ же временъ. На первомъ рисункѣ изображенъ св. Георгій, раздающій имѣніе свое нищимъ; онъ представленъ въ длинной исподней одеждѣ съ широкой каймой на подолѣ,

сверху наброшенъ красный плащъ, сапоги тоже красные, на головѣ надѣтъ вѣнчикъ въ родѣ узорчатой ленты. Одежды на нищихъ длинныя, а сверхъ надѣтъ зашитый спереди плащъ образующій родъ фелони; на одномъ изъ нищихъ шляпа такой формы, какъ у насъ еще носятъ въ настоящее время. Изъ старинныхъ памятниковъ такого рода шляпы встрѣчаются болѣе на западныхъ, чѣмъ на нашихъ. На второмъ отдѣлѣ этого рисунка представлено; два воина ведутъ св. Георгія связаннымъ. Георгій въ той же самой одеждѣ какъ на первомъ рисункѣ; воины въ кольчугахъ, изъ подъ которыхъ видны рубашки: у передняго воина рубашка ниже колѣнъ; а у другаго, идущаго позади Георгія, только до колѣнъ. У перваго воина надѣты сапоги, у задняго коротенькіе полусапожки, подвязанные доколѣнъ, такъ какъ наши поселяне подвязываютъ лапти. На головахъ у нихъ остроконечные шишаки. На одномъ изъ воиновъ шишакъ украшенъ сверху шарикомъ. Точно также украшены шишаки на воинахъ, изображенныхъ въ Хлудовскомъ Псалтыри.

На второмъ рисункѣ св. Георгій изображенъ стоящимъ предъ царемъ: онъ обличаетъ язычество и мужественно исповѣдуетъ вѣру Христову *). Одежды Георгія тѣже, что на прежнихъ рисункахъ. За Георгіемъ стоитъ воинъ: по одеждѣ онъ сходенъ съ описанными выше, у него такой же шишакъ съ шарикомъ на верху, но узоръ на кольчугѣ нѣсколько отличенъ. Этотъ узоръ напоминаетъ кольчуги досчатыя, которыя на груди покрывались металлическими досчечками или пластинками. Хотя

*) Св. великомученикъ Георгій замученъ былъ при Діоклетіанѣ.

въ это время у насъ уже существовали досчатыя кольчуги, но были принадлежностію только знатныхъ особъ и военачальниковъ. Въ Хлудовскомъ Псалтыри конца XIII в., ангелъ угрожающій бѣдствіемъ царю Давиду, изображенъ въ досчатой бронѣ. Царь (Императоръ Діоклетіанъ), котораго обличаетъ св. Георгій, одѣтъ въ короткое фіолетовое платье, украшенное оплечьемъ и на рукавахъ подлѣ плечь узорчатой полосой, кругомъ обхватывающей ру́ки; на ногахъ у него красные сапоги. Вѣнецъ на немъ круглый и возвышается тупымъ угломъ. Такія формы вѣнцовъ встрѣчаются на памятникахъ XIII и XIV вѣка; напр. на миніатюрахъ въ рукописи Амартола XIII в. (въ Сергіевской Лаврѣ) и др. памятникахъ. На второмъ отдѣлѣ этого рисунка Георгій представленъ въ темницѣ; онъ изображенъ въ короткой синей одеждѣ съ оплечьемъ; покрой рубашки такой же какъ на царѣ. Сапоги у него красные. Предъ Георгіемъ стоятъ два воина съ копьями и остроконечными щипцами; одежда ихъ сходна съ одеждою описанныхъ выше воиновъ. Они въ кольчугахъ. У однаго полусапожки подвязаны до колѣнъ, какъ подвязываются лапти, или кожаные постолы.

Третій рисунокъ съ иконы св. Георгія изображаетъ отдѣльныя лица, взятыя для поясненія одеждъ съ разныхъ мѣстъ этой иконы. а) Царевна, освобожденная св. Георгіемъ отъ змія. Она представлена въ длинной красной одеждѣ, съ широкими рукавами. Подолъ обшитъ широкою каймою, украшенной жемчугомъ; съ такимъ же украшеніемъ у ней широкій поясъ и оплечье. Ея вѣнецъ также украшенъ жемчугомъ и возвышается тупымъ треугольникомъ. б) Рядомъ съ царевной изобра-

жена городская башня, съ которой смотрятъ царь, царица и придворные на пораженіе змія св. Георгія и на освобожденіе царевны. Царь въ красной одеждѣ, какъ въ прежнихъ рисункахъ, а царица въ синей; вѣнцы на царѣ и на царицѣ одинаковые; у царицы изъ подъ вѣнца выпущено бѣлое покрывало. в) Третья фигура изображаетъ царя мучителя (Діоклетіана), въ длинной фіолетовой одеждѣ.

Теперь обращусь къ самымъ интереснымъ памятникамъ, которые содержатъ въ себѣ такъ много матеріаловъ для исторіи русскихъ одеждъ — это заглавныя буквы въ древнихъ нашихъ рукописяхъ; здѣсь писецъ и вмѣстѣ рисовальщикъ, менѣе стѣсненный подражаніемъ византійскимъ образцамъ, какъ это было въ миніатюрахъ, дѣйствовалъ болѣе свободно — бралъ образцы изъ жизни его, окружающей. Здѣсь изображены лица съ тою обстановкою, какая была у него предъ глазами.

Помѣщаю на первомъ листѣ заглавныя буквы изъ Псалтыря XIV вѣка, находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Первая буква м. Эту букву изображаютъ два человѣка, которые тянутъ сѣть, или мережу съ рыбой. Одинъ изъ нихъ, на лѣво, въ правой рукѣ держитъ что-то въ родѣ весла, а въ лѣвой конецъ мережи; онъ въ синемъ платьѣ, съ зеленымъ оплечьемъ и желтой оторочкой на оплечьѣ; такая же оторочка окаймляетъ прямой воротъ, разрѣзанный на груди образуется, такимъ образомъ родъ, нагрудника; поясъ тоже желтый; рукава короткіе выше локтя, обшитые желтой каемкой. Изъ подъ этихъ рукавовъ идутъ другіе, желтые узкіе рукава нижняго платья; такъ носили у насъ съ конца XIV вѣка XV и даже въ XVI вѣкѣ,

хотя съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, которыя будутъ въ свое время показаны. Богатые и знатные люди носили, сверхъ нижняго платья, другое, короткое до колѣнъ и ниже, съ короткими рукавами, такъ что нижнее длинное платье видно было ниже колѣнъ, а рукава нижняго платья отъ локтей и даже выше. На ногахъ у этого человѣка красные сапоги съ синими полосами въ родѣ подвязокъ. Другой человѣкъ одѣтъ тоже въ короткое зеленое платье и съ такими же короткими рукавами; на окраинѣ подола и рукавовъ синяя каемка. Замѣчательно, что платье этого человѣка нарисовано въ родѣ позднѣйшихъ кафтановъ, въ которыхъ закидывали пола-за-полу. Не ошибка ли это рисовальщика, который протянулъ окаймляющую воротъ синюю полосу отъ лѣваго плеча до конца праваго рукава? Этотъ исключительный нарядъ съ такимъ охабнемъ, на памятникѣ XIV вѣка противорѣчитъ всѣмъ обычнымъ одеждамъ того времени, по крайней мѣрѣ мнѣ не встрѣчалось видѣть ни какихъ памятникахъ подобнаго повторенія. Охабни, у которыхъ полы заходили одна на другую, появляются у насъ только съ XVII вѣка. Вторая буква н изображаетъ поединокъ двухъ воиновъ. Одинъ изъ нихъ, на лѣвой сторонѣ, одѣтъ въ досчатую кольчугу*); шишакъ на головѣ его украшенъ спереди золотыми узорами**) и золотымъ сверху шарикомъ. Онъ поражаетъ своего противника, поднявшаго мечь чтобы защищаться. Въ лѣвой рукѣ

*) Изъ подъ которой видна довольно длинная зеленая рубашка,

**) Подобныя шишаки того же почти времени съ золотыми украшеніями сохранились у насъ грановитой палатѣ.

у послѣдняго разноцвѣтный щитъ, голова безъ шишака, на немъ надѣта также богато убранная кольчуга, изъ подъ которой видна синяя рубашка ниже колѣнъ; сапоги красные съ поперечными полосами въ родѣ подвязокъ. Видно, что это не простые воины судя по богатству ихъ вооруженія. Третья буква п представляетъ двухъ лицъ; на ихъ головахъ лежитъ перекладина, состоящая изъ завитушекъ на подобіе ярма. Эти люди одной рукой держатъ перекладину, а въ другой рукѣ по охотничей собакѣ. Одежда ихъ такая же, какъ и на людяхъ, составляющихъ букву м.

Четвертая буква н. Въ этой буквѣ изображенъ, какъ кажется, княжескій сокольничій; онъ держитъ въ одной рукѣ охотничью собаку, а въ другой сокола; одежда его тоже съ короткими рукавами изъ подъ которыхъ выходятъ рукава нижняго платья, Подолъ его платья окаймленъ широкою желтою полосою, и такого-же цвѣта кайма на воротѣ и на короткихъ рукавахъ. Сапоги красные. Пятая буква ѣ состоитъ изъ завитушекъ и человѣка ѣдущаго на львѣ. Одежда его какъ у человѣка не предшествующей буквѣ н съ такою же широкою полосою; къ поясу привязанъ четвероугольный карманъ, въ родѣ бумажника. Подобные карманы, подвязанные къ поясу носили на западѣ. Въ слѣдующей шестой буквѣ тоже сидящій человѣкъ между завитушками, которыя онъ держитъ обѣими руками, онъ одѣтъ также какъ и фигуры въ предшествующихъ буквахъ. Въ буквѣ седьмой ѣ изображена только верхняя часть человѣка по грудь, а прочая смѣшивается съ узорами; онъ держитъ въ рукахъ сокола, который одной ногой взялся за околышъ его остроконечной шапки, украшенной

спереди узорами. Изъ подъ шапки идутъ сзади подзатыльныя подвѣски изъ матеріи. Восьмая буква к совершенно сходна по рисунку съ шестой буквой к. Другой рисунокъ буквъ изъ разныхъ рукописей XIV вѣка. Первыя четыре буквы изъ Псалтыря XIV вѣка, а слѣдующія двѣ буквы изъ другого Псалтыря, тоже XIV вѣка оба въ Публичной Библіотекѣ. Седьмая буква изъ Служебника XIV вѣка въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Остальныя семь буквъ изъ Евангелія XIV вѣка.

Первая буква изъ Псалтыря XVI вѣка г, въ ней, между завитушками и птицами, стоитъ человѣкъ въ рубашкѣ съ красными полосами, по которой идетъ спереди, отъ шеи до пояса, каемка; поясъ низко подпоясанный; на рукавахъ рубашки длинные поручи; на ногахъ красные сапоги, — это типъ великорусскаго человѣка. Вторая буква м изображаетъ царя Давида, играющаго на гусляхъ; одежда его короткая; хотя она нарисована неопредѣленно, но на ней замѣтны синіе полосы. Съ вѣнца спадаютъ подвѣски какъ на царѣ Давидѣ въ Хлудовскомъ Псалтырѣ того же времени.

Третья и четвертая буква х. Третью составляетъ человѣкъ, на колѣнахъ, стоящій на какихъ то завитушкахъ; въ одной рукѣ у него кувшинъ съ напиткомъ, а другой рукой онъ подноситъ ко рту рогъ съ питьемъ; на головѣ у него вѣнецъ съ развѣвающимися подвѣсками, прикрѣпленными къ верхней окраинѣ вѣнца. На немъ короткое узорчатое платье. По плечамъ идутъ вышивки, какіе обыкновенно у насъ дѣлались на древнихъ рубашкахъ также и каемки на концахъ рукавовъ и подола рубашки. Низко подвязанный поясъ на рубашкѣ въ родѣ толстаго

жгута или обруча. Другая фигура человѣка, составляющая тоже букву х въ такой же позѣ, какъ и первая, одной рукой держитъ ведро съ напиткомъ, а въ другой чару съ питьемъ. Онъ въ короткой узорчатой рубашкѣ, также вышитой на плечахъ, на рукавахъ и на подолѣ, какъ вышиваются русскіе рубашки до настоящаго времени. Эти древніе образцы подтверждаютъ древность нашихъ обычаевъ вышивать рубашки *). Кромѣ сказанныхъ вышивокъ на рубашкѣ этого человѣка, для насъ интересно, что у него на груди до пояса идутъ поперечныя петлицы — это древній нашъ обще-славянскій обычай нашивать на груди петлицы. Множество памятниковъ искусствъ, начиная съ X вѣка, подтверждаютъ этотъ общій обычай (какъ у насъ, такъ и у другихъ Славянъ). Пятая буква є (изъ другаго Псалтыря XIV в.) состоитъ изъ птицъ и завитушекъ; между ними молодой человѣкъ въ коротенькомъ бѣломъ кафтанчикѣ или рубашкѣ съ петлицами на груди; подолъ обшитъ узоромъ; на ногахъ красные сапоги. Изъ этого же Псалтыря буква т, по срединѣ которой стоитъ чоловѣкъ играющій на гусляхъ. Одежда его тоже коротенькая съ синей узорчатой оторочкой, на подолѣ и на рукавахъ у плечь, а по срединѣ на груди — петлицы; на ногахъ красные сапоги.

Нижній рядъ буквъ начинается съ Д, взятаго изъ служебника

*) У рисовальщиковъ буквъ и заставокъ были свои пріемы въ обозначеніи узорчатыхъ мѣстъ, въ особенности каемъ и окраинъ, какъ на одеждахъ, такъ и на другихъ предметахъ; они выражали это или сплошными полукружіями въ срединѣ съ точками, а иногда и безъ точекъ, или рядами поперечныхъ черточекъ.

XIV в. находящагося въ Императорской публичной Библіотекѣ. Эту букву составляетъ сидящій человѣкъ, играющій на гусляхъ. На немъ фантастическая шапка, оканчивающаяся сверху завитушками и, вмѣсто подвѣсокъ, по сторонамъ висятъ двѣ птицы.

Одежда его бѣлая узорчатая, коротенькая и спереди отъ шеи до подола идутъ петлицы; на ногахъ надѣты красные сапоги.

Слѣдующіе семь буквъ заимствованы изъ Евангелія XIV в. находящагося въ Академіи Наукъ. Первая буква н состоитъ изъ двухъ человѣкъ, которые держатъ толстую узорчатую палку, съ одного конца украшенную въ родѣ трехъ круглыхъ листиковъ. Эти люди одѣты въ темнозеленыя узорчатыя платья (ниже колѣнъ) внизу съ каймою, и вокругъ рукавовъ, около плечь, вышиты или пришиты желтые полосы. Шапочки, въ родѣ клобуковъ, обшиты узорчатымъ верхомъ. У одного, сверхъ околыша, идутъ (сзади и спереди) два маленькіе рожка или клинушка, и вмѣсто сапоговъ у него что-то въ родѣ бѣлыхъ башмаковъ и желтыхъ чулокъ. Также и у другаго обувь въ родѣ башмаковъ и чулки съ синими узорами. Вторая буква р изображаетъ человѣка въ бѣлой одеждѣ съ каймой на подолѣ на груди до пояса нашиты синія петлицы на рукавѣ у плечь; поперечная полоса (тоже узорчатая), шапка съ жолтымъ околышемъ, верхъ которой превращается въ завитушки. Третья буква тоже р изображаетъ человѣка идущаго съ костылемъ въ рукахъ, а на концѣ костыля вбитъ гвоздь *). Его бѣлая одежда съ каймой и низко подпоясаннымъ

*) Это было у насъ въ обычаѣ придѣлывать къ концу костылей и палокъ острый наконечникъ въ родѣ копьеца, или вбивали гвоздь въ простыя палки. Съ подобнымъ острымъ наконечникомъ была историческая палка у Іоанна Грознаго.

поясомъ — на груди синій узоръ въ родѣ петель и пуговицъ; на ногахъ красные сапоги съ поднятыми спереди голенищами, въ родѣ восточныхъ. За этой буквой слѣдуетъ четвертая буква ѣ, изображающая человѣка съ вышитыми синими украшеніями съ желтою вокругъ рукавовъ, у плечь, полосою и съ желтымъ поясомъ низко подпоясаннымъ. Шапка на немъ съ желтымъ околышемъ, а верхъ превращается въ завитушки; штаны съ узорчатой полосой; каждая полоса въ родѣ лампасовъ; такіе штаны съ широкой полосой спереди, были у Грековъ и у насъ съ древнихъ временъ. На ногахъ надѣты красные сапоги. Далѣе идетъ пятая буква р, которую изображаетъ человѣкъ, держащій во рту трубу, а въ другой рукѣ у него толстая суковатая палка съ набалдашникомъ въ родѣ въ формѣ трехъ полукруглыхъ лопастей. Одежда на немъ длинная, пестрая, а съ боку что-то продолговатое въ родѣ кармана. Кайма на подолѣ и поясъ желтые. Шапка съ жолтымъ околышемъ и вверхъ оканчивается какими-то завитушками въ родѣ перьевъ. Потомъ слѣдуетъ буква д; она состоитъ изъ человѣка держащаго въ рукахъ, кажется, зайца; онъ колетъ его въ животъ длиннымъ кинжаломъ. Его шапка, или вѣрнѣе остроконечная шляпа, съ широкими полями въ родѣ восточныхъ. Короткая одежда съ жолтой каймой и такимъ же поясомъ на рукавахъ и у плечь съ поперечной полосой. На ногахъ надѣты красные сапоги, на которыхъ черной линіей обозначены башмаки, тоже напоминающіе восточное происхожденіе.

Наконецъ, послѣдняя буква к. Внизу завитушекъ этой буквы припалъ къ землѣ человѣкъ, точно такъ, какъ припадаютъ восточные жители предъ своими повелителями; лицо его поднято

къ верху; на головѣ шапка съ жолтымъ околышемъ, а верхъ состоитъ изъ завитушекъ, напоминающихъ страусовыя перья. Одежда его бѣлая длинная; сверхъ жолтой каймы на подолѣ изображены синія украшенія; точно такой же поясъ.

Нестану разбирать здѣсь на сколько въ изображенныхъ одеждахъ (въ буквахъ) замѣтно вліяніе Византіи, Востока или Запада и на сколько сохранилось въ нихъ своего русскаго; когда будетъ, издано гораздо большее количество подобныхъ памятниковъ тогда, при сравненіи ихъ, легче можно будетъ дѣлать заключенія.

КЪ ОКТЯБРСКОЙ КНИЖКѢ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ ПРИЛАГАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЕ РИСУНКИ:

1) Изъ славянскаго Псалтиря конца XIII вѣка.

2) Фрески XIV вѣка въ церкви Ѳеодора Стратилата (въ Новгородѣ).

3) Фрески XIV вѣка въ церкви Ѳеодора Стратилата и фрески XIV вѣка въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы на Волотовомъ полѣ, въ Новгородѣ.

4) 5) 6) Изъ житія Бориса и Глѣба XIV вѣка.

7) а. Изъ Пролога XIV вѣка, хранящагося въ Имп. Публичной Библіот.
в. Изъ Славянскаго Псалтиря конца XIII вѣка г. Хлудова.
г. Изъ житія Бориса и Глѣба XIV вѣка.

8) 9) 10) Съ иконы св. Георгія XIV вѣка.

11) Заглавныя буквы изъ Псалтиря XIV вѣка Импер. Публичн. Библіот.

12) а. Заглавныя буквы изъ другаго Псалтиря XIV в. нах. въ И. Публ. Библ.
в. Изъ третьяго Псалтиря тоже XIV вѣка — въ Имп. Публ. Библ.
г. Изъ служебника XIV вѣка.
д. Изъ Евангелія XIV вѣка — въ библіотекѣ Импер. Академіи Наукъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 октября 1871 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Лит. В. Прохорова.

Изъ Славянскаго псалтырѧ конца XIII в.
принадлеж. А. И. Хлудову.

Лит. В. Прохорова.

Фрески XIV в. въ церкви св. Өеодора Стратилата
(въ Новгородѣ)

Лит. В. Прохорова.

Фрески XIV в. въ церкви св. Феодора Стратилата
(въ Новгородѣ.)

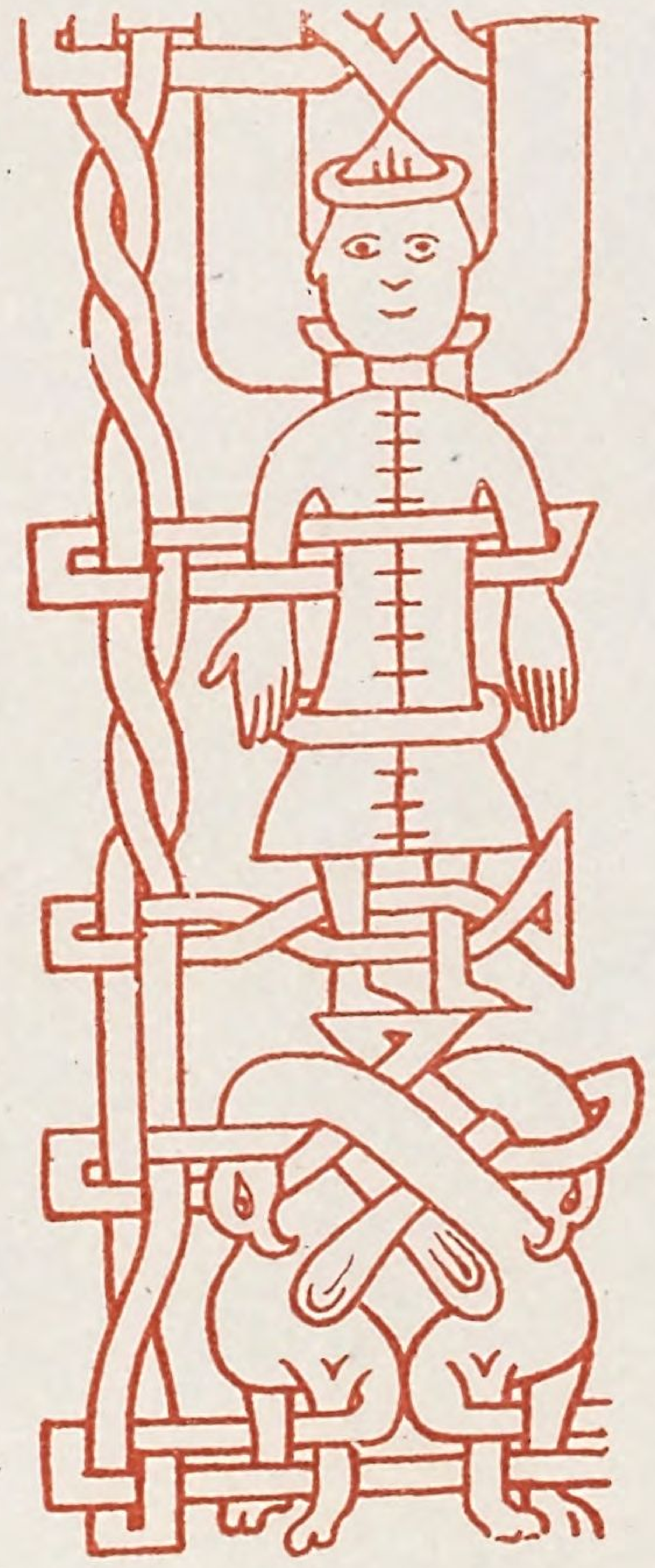

Фрески XIV в. въ церкви Успенія Престыя Бцдѣі
на Волотовомъ полѣ въ Новгородѣ.

Лит. В. Прохорова.

Изъ житія св. Бориса и Глѣба, рукопись XIV вѣка.

Изъ Пролога XIV вѣка
находящ. въ Импер. публ. библіотекѣ.

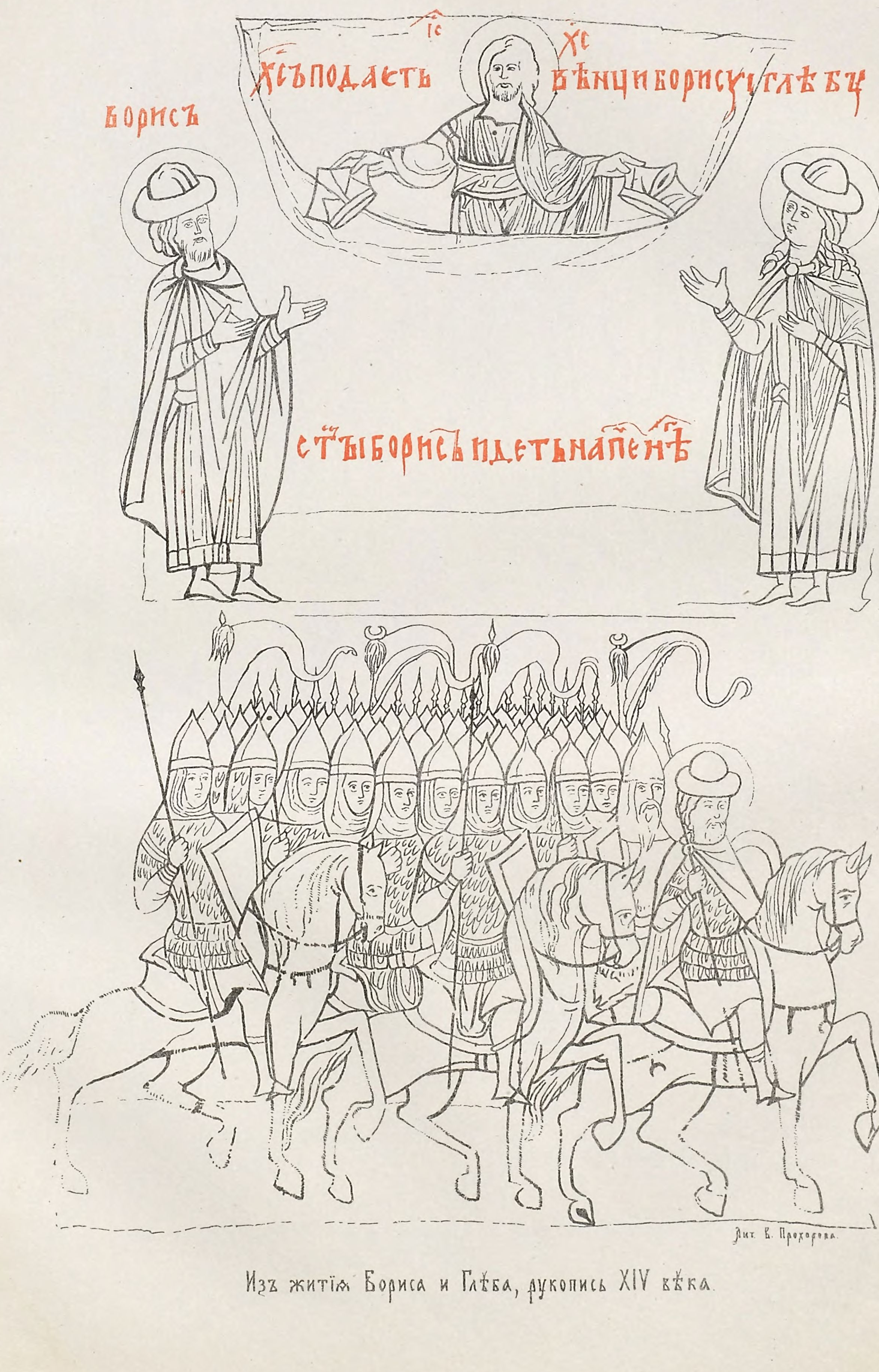
Изъ Славянскаго псалтыря, конца XIII в.
принадлеж. А. И. Хлудову.

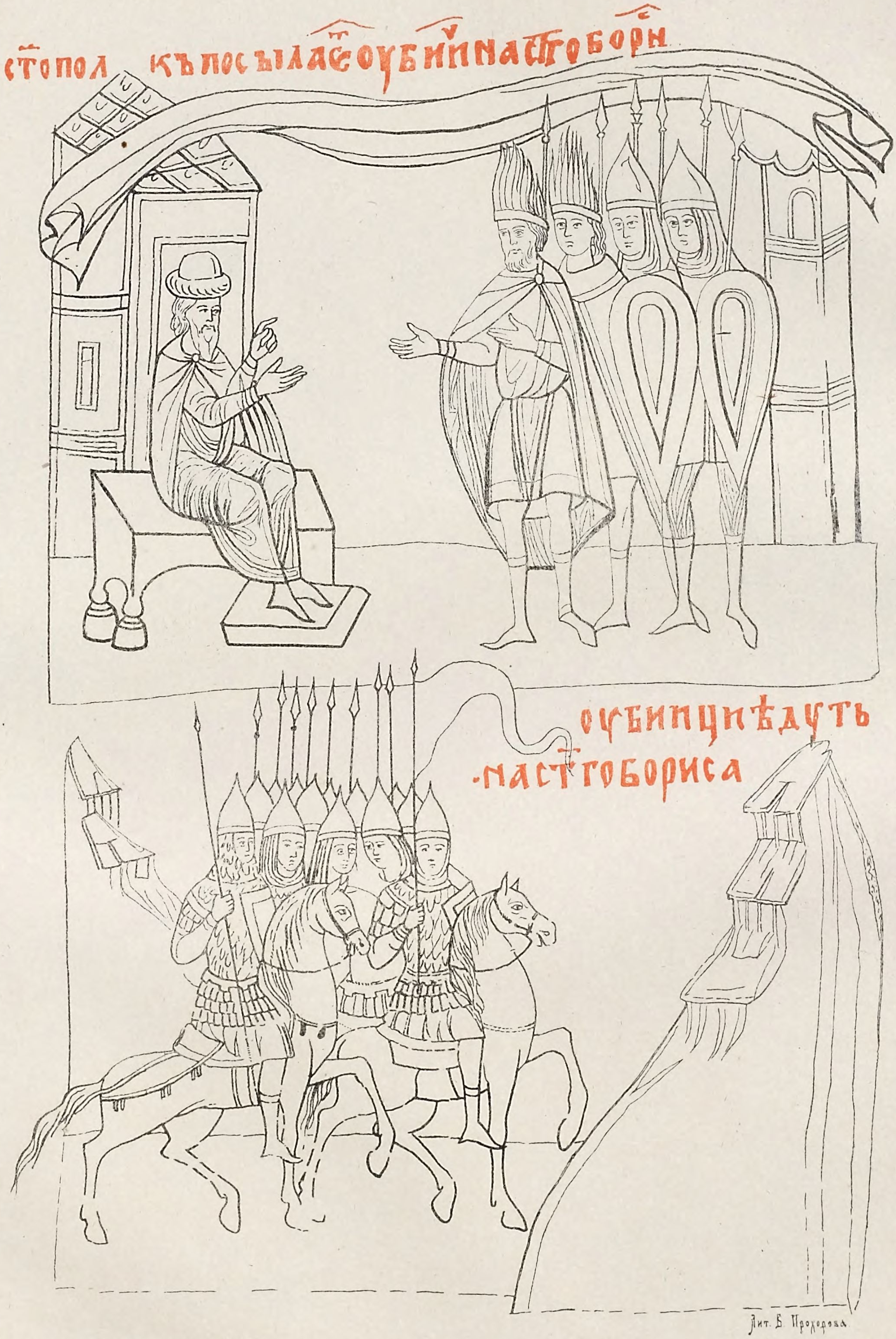
Лит. В. Прохорова.

Изъ житія Бориса и Глѣба, рукопись XIV вѣка.

Лит. В. Прохорова.

Изъ житія Бориса и Глѣба, рукопись XIV вѣка.

Изъ житія Бориса и Глѣба, рукопись XIV вѣка.

М

И

П

Н

Б.

Б

Б

Лит. В. Прохорова.

Б

Изъ Псалтыри XIV вѣка
находящагося въ Императорской публичной библiотекѣ.

г. д. х. в. т.

Псалтырь XIV в. находящаяся въ Император. Публичн. Библіотекѣ. (А).

(В) Изъ Псалтыря XIV в. находящ. въ Публичн. Библіотекѣ.

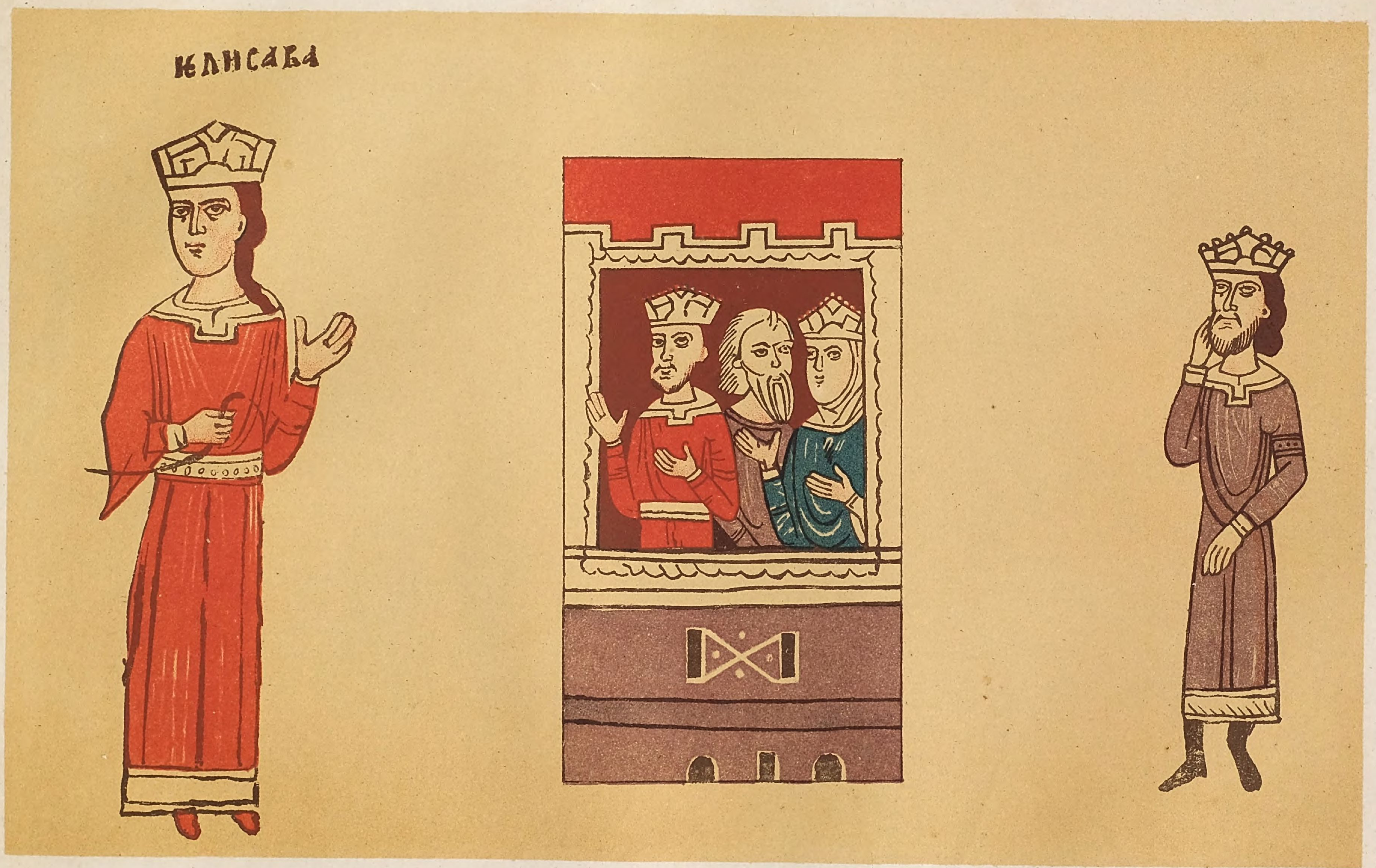

д и. г р. в. р. л. в.

Служебникъ XIV в.

Изъ Евангелія XIV в., находящагося въ библіотекѣ Импер. Академіи Наукъ.

Лит. В. Прохорова.

Съ иконы св. Георгія XIV вѣка.

Находящейся въ Музеѣ древне-русскаго искусства, въ С.П.Б.

Лит. Е. Прохорова.

Съ иконы Св. Георгія XIV вѣка,
находящейся въ Музеѣ древне-русскаго искусства въ С.П.Б.

nach Seite 64

Лит. Е. Прохорова.

Съ иконы Св. Георгія XIV вѣка,

находящейся въ Музеѣ древне-русскаго искусства въ С.П.Б.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ОДЕЖДЪ XV ВѢКА.

После XIV вѣка, богатаго, разнообразнаго своими художественными произведеніями, наступаетъ вѣкъ XV, вѣкъ, бѣдный, безплодный. Это былъ періодъ временнаго паденія русскаго искусства, которое вскорѣ потомъ съ новою силою возраждается въ началѣ XVI вѣка. Укажемъ для доказательства на миніатюры въ рукописяхъ XIV и XV вѣка. Рукописи XIV вѣка украшены богатыми художественными заставками, затѣйливыми, до безконечности разнообразными заставками, буквами, составленныхъ изъ фигуръ людей, фантастическихъ животныхъ, гармонически переплетенныхъ красивыми завитушками. Въ рукописяхъ XV вѣка не встрѣчается такой плодовитой художественной фантазіи; миніатюры, заставки, буквы, сдѣланы грубо и однообразно. Къ настоящей книжкѣ прилагаются рисунки изъ рукописей XV вѣка, которые для насъ имѣютъ интересъ не въ художественномъ отношеніи, но какъ матеріалъ для исторіи русскихъ одеждъ.

РИСУНКИ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ XV ВѢКА, НАХОДЯЩАГОСЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКѢ *).

Первый рисунокъ — изображеніе пляшущей, на ней длинная одежда съ широкими рукавами. Въ подобной одеждѣ изображены фигуры въ миніатюрахъ другихъ рукописей того же времени. Второй — изображаетъ воиновъ, одежда ихъ сходна съ изображеніями воиновъ на миніатюрахъ предшествующихъ столѣтій; видно, что, военная одежда въ продолженіе многихъ вѣковъ не подвергалась измѣненіямъ. На короткую одежду надѣта кольчуга, на головѣ шлемъ съ опущеннымъ кольчужнымъ покрываломъ: оно спускается до плечъ. У воина — копье и клинообразный щитъ. Слѣдуютъ за тѣмъ три изображенія царя Давида. Въ двухъ — царь Давидъ стоитъ на головахъ побѣжденныхъ народовъ: это общій восточный пріемъ представлять побѣдителей. На одномъ изображеніи длинная, на другомъ — короткая одежда; на одномъ въ рукѣ у Давида жезлъ, а на другомъ жезлъ и мечъ. Въ слѣдующемъ за тѣмъ рисункѣ представлено событіе изъ жизни Іосифа, когда Пентефрій приказываетъ воину отвести его въ темницу; воинъ изображенъ въ красной одеждѣ и остроконечной высокой шапкѣ *).

*) Эта псалтирь съ годомъ 1485 въ ней написано: лѣта ѕ҃ц҃ ч҃г мѣсяцъ Апрѣль: г день на Воскресенье хр҃во написана бысть сія ѱалтырь въ городѣ Угличѣ пріблаговѣрномъ Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ и пріблаговѣрномъ Великомъ Князѣ Андрѣе Васильевичѣ и пріархіепископѣ Исафѣ, многогрѣшною рукою раба Божія Ѳедора Климентьева сына Шарапова.

**) Въ красной одеждѣ и красныхъ высокихъ шапкахъ изображались и у насъ придворные въ церемоніальныхъ и торжественныхъ шествіяхъ русскаго митрополита.

На рисункѣ ниже отъ этого изображенія представленъ человѣкъ въ красномъ колпакѣ и длинной синей одеждѣ; онъ нѣсколько наклонился и трубитъ предъ змѣемъ или аспидомъ, который, свернувшись въ кольцо, приподымаетъ голову и лапы къ трубящему человѣку *).

Подлѣ этого рисунка изображены цари, сидящіе предъ Іовомъ, въ длинныхъ одеждахъ съ каймою на подолѣ и съ оплечьемъ; одинъ изъ нихъ въ синей клѣтчатой одеждѣ, на немъ шапка въ родѣ царскаго вѣнца; на другомъ красная одежда и красная остроконечная шапка. На рисункѣ, слѣдующемъ за этимъ — всадникъ съ копьемъ и щитомъ въ синей короткой одеждѣ; онъ сидитъ на красномъ высокомъ сѣдлѣ. Въ такой же синей и короткой одеждѣ изображенъ на слѣдующемъ рисункѣ человѣкъ, который жаритъ на вертелѣ птицъ.

РИСУНКИ ИЗЪ ЛѢТОПИСНАГО СПИСКА XV ВѢКА, ХРАНЯЩАГОСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Обращаемся къ памятнику, очень интересному по своимъ многочисленнымъ историческимъ рисункамъ; они содержатъ богатый матеріалъ для исторіи русскихъ одеждъ; это Нестерова лѣтопись Радзивиловскаго или Кенигсбергскаго списка, единственный лѣтописный списокъ конца XV вѣка, съ историческими миніатюрами. Въ этой рукописи болѣе 600 миніатюръ.

Въ нестеровой лѣтописи они исполнены грубо, штрихомъ

*) На Востокѣ всегда изображали змія съ ногами, иногда съ двумя, а иногда съ четырьмя, но на западѣ изображали его безъ ногъ.

толстымъ и неопредѣленнымъ; видно, что переписчикъ лѣтописи чертилъ рисунки тушью и употреблялъ не перо, а кисть. Лица обозначены какими-то неопредѣленными линіями и точками. Замѣтно, что миніатюры въ рукописи не всѣ дѣланы одной рукой. Во второй половинѣ рукописи многія миніатюры писаны инымъ почеркомъ, чѣмъ миніатюры въ первой половинѣ ея; нѣкоторые изъ предшествующихъ миніатюръ или рисунковъ пройдены вновь тушью по старымъ рисункамъ; коегдѣ видны отступленія отъ старыхъ очерковъ, такъ напр. по старымъ шапкамъ и другимъ предметамъ вновь пройденныя линіи не только не совпадаютъ съ прежними линіями, но очевидно нарочно измѣнены, чтобы исправить прежній очеркъ, напр. иныя шапки прежде нарисованы были больше, а потомъ уменьшены. Рисунки эти начаты въ концѣ XV вѣка, а окончены въ началѣ XVI вѣка. Это можно предполагать на томъ основаніи, что въ рисункахъ второй половины рукописи встрѣчаются изображенія такихъ одеждъ, какія стали появляться только въ началѣ XVI вѣка. Въ миніатюрахъ вообще замѣтенъ характеръ нѣмецкаго рисунка; это преимущественно видно во второй половинѣ рукописи. На нѣкоторыхъ фигурахъ нѣмецкіе костюмы. Можно предположить, что либо эти рисунки составлялись подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, либо у насъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ писалась рукопись, вѣроятно въ Западной Россіи, на самомъ дѣлѣ, носились такіе же костюмы, какъ и на Западѣ. Повсемѣстное вліяніе моды нельзя отвергать; иные изъ костюмовъ въ извѣстныхъ періодахъ были въ одно и тоже время въ разныхъ мѣстахъ. Прилагаю здѣсь нѣсколько рисунковъ изъ этой рукописи.

На первомъ листѣ изображено три рисунка:

1) Славянскіе языческіе народы сходятся на игрища, пляски и пѣсни бѣсовскія; здѣсь же говорится и о томъ, какъ молодцы умыкаютъ женъ себѣ.

2) Легенда о призваніи Новгородцами Рюрика и его братьевъ.

3) Княженіе Рюрика и его братьевъ.

На второмъ листѣ:

4) Разные народы даютъ дань русскимъ. Передъ княземъ, сидящемъ на столѣ, въ красной длинной одеждѣ и въ красной шапкѣ или клобукѣ, стоятъ народы, принесшіе дары князю; впереди стоящій человѣкъ, въ длинномъ зеленомъ платьѣ, съ широкими желтыми оторочками или каймами на подолѣ, на рукавахъ и вокругъ шеи даетъ князю связку куницъ.

5) Кн. Ольга бесѣдуетъ съ греческимъ императоромъ Константиномъ. На ней верхнее платье и покрывало краснаго цвѣта; покрывало придерживается узенькимъ вѣнцомъ, въ родѣ обруча. Такой вѣнчикъ поверхъ покрывала часто встрѣчается на нашихъ памятникахъ. Нижнее платье синее, съ желтой каймой. Императоръ въ длинной красной одеждѣ съ вѣнцомъ на головѣ. Сзади Ольги слуги императора несутъ ей дары. Слуги въ круглыхъ шапкахъ. Такія шапки можно встрѣтить на многихъ греческихъ миніатюрахъ разныхъ вѣковъ. (Въ рукописи св. Іоанна Златоустаго XI в. представленъ императоръ Никифоръ Вотаніатъ сидящимъ на престолѣ; его окружаютъ придворные въ довольно высокихъ круглыхъ шапкахъ или колпакахъ.) Подобныя шапки, или вѣрнѣе стоячіе колпаки, встрѣчаются и на болѣе позднихъ миніатюрахъ. Въ числѣ слугъ императора, несущихъ дары кн.

Ольгѣ, замѣчателенъ костюмъ задней прислуги, въ зеленой одеждѣ. Сверхъ нижней длинной одежды надѣта другая короче, до колѣнъ, и съ рукавами до локтей, окаймленная желтыми полосами. Такая одежда у насъ встрѣчается уже въ XIV и преимущественно въ XV вѣкѣ и даже переходитъ въ XVI вѣкъ.

6) Представлено преданіе о кисельномъ колодцѣ, показанномъ Печенѣгамъ осажденными жителями Бѣлгорода въ 997 г.

На третьемъ листѣ:

7) Всеволодъ, дающій Новгородцамъ въ князья шурина своего.

8) Новгородцы просятъ себѣ княземъ Ростислава лѣта ѕ҃.х҃.м҃ѳ. Князья представлены въ круглыхъ, а прочіе въ высокихъ остроконечныхъ колпакахъ.

9) Начало княженія Романа Ростиславича въ Кіевѣ. Лѣта ѕ҃.х҃.п҃а. Князь сидитъ на столѣ въ красномъ короткомъ платьѣ съ петлицами на груди; колпакъ и штаны зеленые, а сапоги желтые. Въ одной рукѣ у него жезлъ, а въ другой зеленый щитъ, съ желтою широкою полосою по срединѣ. Кромѣ другихъ лицъ, его окружающихъ, замѣчательны воины, княжескіе тѣлохранители. На нихъ очень высокіе колпаки съ желтой широкой оторочкой, одежды длинныя, мечи широкіе; у задняго воина замѣтны спереди петлицы.

10) Изображаетъ княженіе Георгія Андреевича. Здѣсь, кромѣ князя, сидящаго на столѣ, въ красной длинной одеждѣ съ широкими рукавами и въ зеленомъ колпакѣ, изображенъ на лѣво отъ него молодой человѣкъ въ длинной зеленой одеждѣ, колпакъ на немъ красный съ желтымъ отворотомъ, поднятымъ на затылкѣ, а спереди протянутымъ въ видѣ козырька. На нашихъ

миніатюрахъ XIII и XIV вѣка мы встрѣчаемъ такіе же колпаки; видимъ ихъ и на Западѣ.

11) Ополченіе Мстислава и Ярополка противъ Михаила и Всеволода и битва между ними. Михалко на носилкахъ. Замѣчательно изображены походныя носилки, устроенныя на двухъ лошадяхъ.

12) Владимирцы встрѣчаютъ Михалка и брата его Всеволода. Здѣсь Михалко изображенъ предъ архіереемъ держащимъ, крестъ. Князь въ желтомъ колпакѣ и въ зеленой длинной верхней одеждѣ. съ распахнутыми полами, изъ подъ которыхъ видно красное платье. Сзади духовенство и женщины въ нѣмецкихъ одеждахъ.

На пятомъ листѣ:

13) Крестное цѣлованіе Рюрика и Ольговичей. Здѣсь князья изображены въ длинныхъ одеждахъ, а сверхъ ихъ корзны или плащи.

15) Походъ Великаго Князя Всеволода съ сыномъ своимъ Константиномъ противъ Половцевъ, которые обращаются въ бѣгство.

14) Возвращеніе князя Романа изъ Земли Половецкой откуда онъ уводитъ много плѣнныхъ.

Въ этихъ двухъ рисункахъ (14-й и 15-й) изображены крытыя повозки съ плѣнными половецкими женами. Подобные крытые экипажи бывали у насъ до Петровскихъ временъ (ихъ изображеніе будетъ приложено въ свое время).

На шестомъ листѣ:

16) Свиданіе князей; на томъ же рисункѣ представлено, что князья, по окончаніи свиданія, потомъ, съ помощію своихъ

стремянныхъ, садятся на коней и отправляются во свояси. На одномъ изъ князей красная одежда; къ ней привязанъ къ поясу карманъ: такіе карманы были въ употребленіи на Западѣ.

17) Человѣкъ въ зеленой одеждѣ съ широкими рукавами; на рукавахъ и на подолѣ желтая кайма, спереди петлицы. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтіи такую одежду носили у насъ и на Западѣ.

18) Человѣкъ въ зеленомъ верхнемъ платьѣ съ разрѣзомъ на боку; приподымая шапку, онъ подаетъ свитокъ князю, сидящему на столѣ и одѣтому въ красное платье.

19) Греческій императоръ Іоаннъ Цимисхій; на немъ вѣнецъ въ видѣ круглой шапки. Подобная форма вѣнцовъ изображалась на греческихъ, болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ памятникахъ.

20) Святитель при погребеніи: онъ держитъ въ рукахъ кацею (ручное кадило), а за нимъ плачущая женщина, вѣроятно, княгиня.

21) Мужчина въ зеленой одеждѣ и прорѣзными рукавами изъ которыхъ видѣнъ красный рукавъ исподняго платья. Онъ безъ шапки.

22) Люди, копающіе землю съ лопатами и факелами, одинъ въ красной, другой въ бѣлой рубахѣ.

23) Двое запряженныхъ саней. Упряжь безъ дуги, какъ вообще на древнихъ памятникахъ.

24) Изображаетъ трехъ лицъ: двое въ зеленыхъ, а одинъ въ красной одеждахъ съ прорѣзными рукавами. Они всѣ безъ ша-

покъ. Прорѣзные рукава и петлицы, точно такіе и на рисункѣ 21-й, начали у насъ носить только съ начала XVI вѣка.

25) Красный стягъ (знамя) съ монограммою.

26) Рыцарь въ нѣмецкой одеждѣ, убивающій самъ себя.

27) Изображены два человѣка: одинъ (князь) сидитъ, а близь него стоитъ человѣкъ и трубитъ въ двойную трубу; послѣдній въ короткомъ платьѣ, у котораго одна половина зеленая, а другая красная; на правой сторонѣ привязана къ поясу сабля.

29) Человѣкъ въ такомъ же двухцвѣтномъ платьѣ, какъ и на предшествовавшемъ рисункѣ, одна половина красная, а другая зеленая. Всѣ три послѣдніе рисунка (26, 27 и 28) показываютъ нѣмецкое происхожденіе. На Западѣ была мода носить платье изъ двухъцвѣтныхъ половинокъ. У насъ, кромѣ этого памятника (который, какъ видно, былъ писанъ въ Западной Россіи, а можетъ быть и въ Польшѣ), нигдѣ не встрѣчаются одежды съ двумя разноцвѣтными половинками.

ОБРАЗЪ БОЖІЕЙ МАТЕРИ ЗНАМЕНІЯ, ВЪ МИРОЖСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Пресвятая Богородица представлена во весь ростъ, въ такомъ видѣ, какъ мозаичное изображеніе на нерушимой стѣнѣ въ Кіевософійскомъ соборѣ. На иконѣ Мирожскаго монастыря, по сторонамъ Божіей Матери, князь Довмонтъ и его супруга. Довмонтъ изображенъ въ длинной красной одеждѣ съ цвѣтами, а сверху надѣтъ плащъ; на княгинѣ пестрая синяя одежда, изъ подъ которой видно внизу полосатое платье. На головѣ у нея полосатое покрывало.

КЪ ДЕКАБРЬСКОЙ КНИЖКѢ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ ПРИЛАГАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЕ РИСУНКИ:

1) Изъ псалтыря XV вѣка.

2)–7) Шесть листовъ рисунковъ изъ Несторовой лѣтописи по Радзивиловскому или Кенигсбергскому списку конца XV вѣка.

8) Рисунокъ съ иконы, находящейся въ Мирожскомъ монастырѣ во Псковѣ. На этой иконѣ, по сторонамъ Божіей Матери изображеніе князя Довмонта и его супруги. Конецъ XV вѣка.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 8 января 1872 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Изъ Псалтыри XV вѣка,
находящейся въ Императорской публичной библіотекѣ.

1.

Въсхожахоу на игрища на плѧсаниѧ. и на вьсѧ бѣсовь-
скаѧ пѣсни. и тоу оумыкахоу жены собѣ. с нимиже кто
совещашесѧ. имахоуже и по двѣ и по три жены.

2. земля наша велика и ѡбильна а нарѧда в неи нѣтъ да
поидѣте к намъ кнѧжити и володѣти

3.

XV XVI

4.

5.

6.

Лит. Прохорова В. О. 6 л. № 25

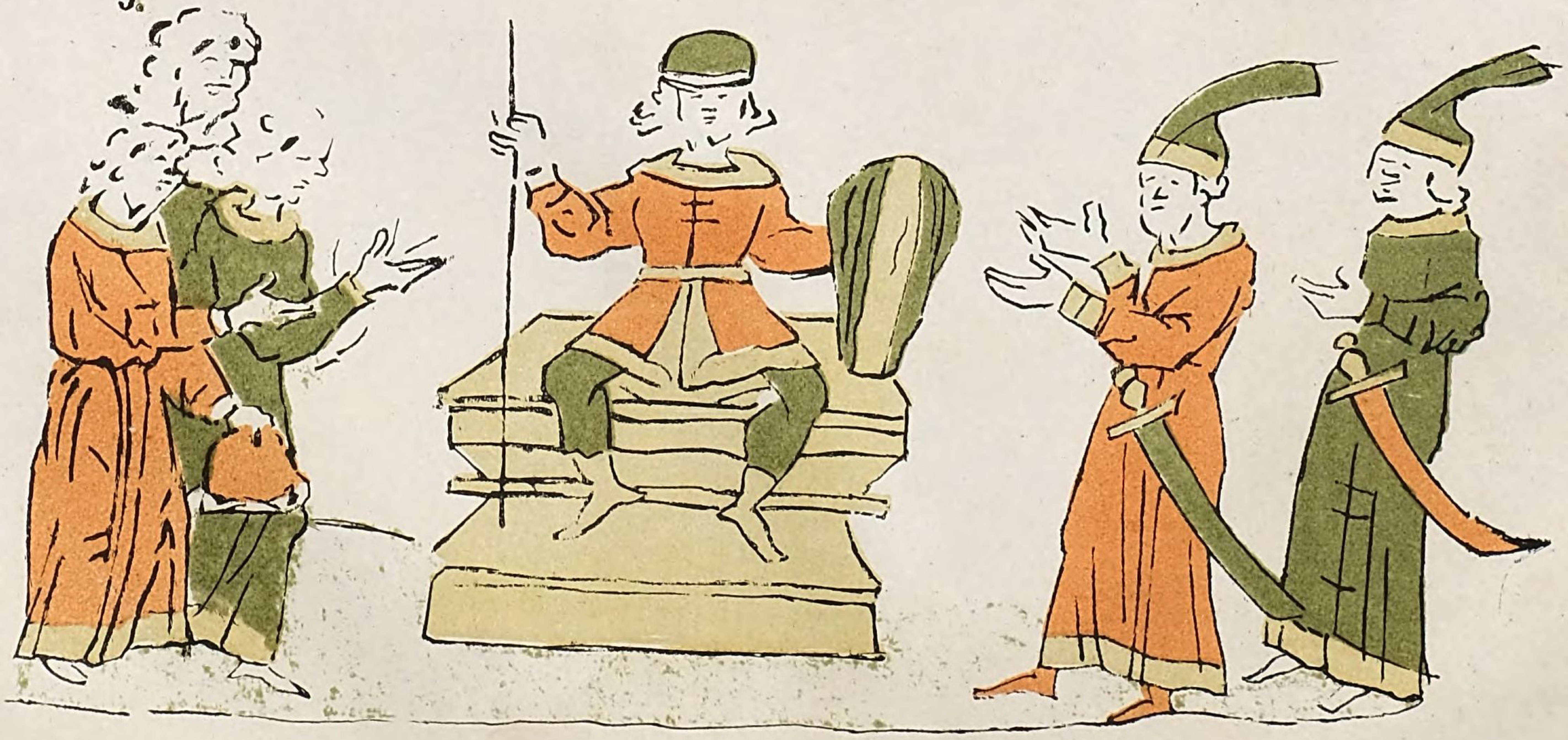
7

8.

9.

Лит. Прохорова.

Изъ Несторовой лѣтописи по Радзивиловскому или Кенигсбергскому списку конц. XV. и нач. XVI в.

13.

14.

15.

Лит. Прохорова. В.О. на б. пр. д. № 25.

Изъ Несторовой лѣтописи по Радзивиловскому или Кенигсбергскому списку конц. XV, и нач. XVI в.

Изъ Несторовой лѣтописи по Радзивиловскому или Кенигсбергскому списку конц. XV. и нач. XVI в.

1.

2.

3.

Лит. Е. Прохорова.

Изъ Несторовой лѣтописи по Радзивиловскому или Кенигсбергскому списку конца XV и начала XVI в.

Лит. В. Прохорова.

Икона Знаменія Пресв. Богородицы въ Мирожск. Монастырѣ (XV в.)

(Близъ Пскова).

Bayerische
Staatsbibliothek

Renate Kieseritzky
Buchbindermeisterin

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Prochorov, Aleksandr V.

Materialy po istorii russkich odežd i obstanovki žizni narodnoj,
izdavaemye po vysoč. soizvoleniju A. Prochorovym

Sanktpeterburg 1885

2 H.g.hum. 31 t
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11459771-9